

4м
с69

СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
РАЗВИТИЯ
МОЛДАВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ЯЗЫКА

КИШИНЕВ «ПТИИИЦА» 1983

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

Институт языка и литературы

Научный совет по проблеме

«Особенности и перспективы развития молдавского национального языка»

СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
РАЗВИТИЯ
МОЛДАВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ЯЗЫКА

Работу рецензировали и рекомендовали к изданию
доктор филологических наук *Р. Я. Удлер*,
кандидаты филологических наук
И. З. Думенюк, В. Ф. Мельник, И. Ф. Мокряк

Коллективная монография освещает такие кардинальные для молдавского языкознания вопросы, как соотношение донационального и национального в развитии языков, молдавско-русское двуязычие, формы существования национального языка, его функционально-стилевая дифференциация. Рассчитана на языковедов, аспирантов и студентов филологических факультетов.

Ответственный редактор
Т. П. Ильяшенко, чл.-кор. АН МССР

Научный консультант
Г. В. Степанов, академик АН СССР

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Решением Президиума Академии наук Молдавской ССР был создан ряд Научных Советов в том числе и Совет по проблеме «Особенности и перспективы развития молдавского национального языка».

За период 1978—1980 годов было проведено четыре расширенных заседания Проблемного совета и одно выездное (в Госпединституте им. А. Руссо в г. Бельцы). На этих заседаниях были прослушаны и обсуждены доклады по тематике, определенной в представляемой коллективной монографии: «Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка».

Доклады участников заседаний раскрывают различные аспекты вышеуказанной тематики. Они легли в основу статей, написанных на том языке, на котором был прочитан доклад. В работе рассматриваются следующие кардинальные проблемы: особенности донационального и национального периодов развития литературных языков; молдавско-русское двуязычие в диахронии и синхронии; формы существования языка; функционально-стилевая дифференциация национальных языков.

Эти темы раскрываются в четырех главах различными авторами. Монография открывается статьей академика АН СССР, директора Института языкознания АН СССР Г. В. Степанова о задачах и роли проблемных советов вообще и по языку в частности.

В первой главе раскрываются три темы: «К вопросу о соотношении донациональных и национальных литературных языков» доктором филологических наук, старшим научным сотрудником Института языкознания АН СССР М. М. Гухман, «Этапы социально-исторического развития молдавского языка» членом-корреспондентом АН МССР Т. П. Ильяшенко и «Древние лексические элементы в молдавской топонимии» кандидатом филологических наук А. И. Еремия.

Во второй главе освещается важная не только с языковой точки зрения, но и с политической, проблема молдавско-русского

двуязычия. В этой главе помещены четыре статьи: профессора КГУ А. И. Чобану «Активизация некоторых синтаксических моделей в молдавском языке под влиянием русского языка», кандидата филологических наук М. А. Косничяну «Славянское влияние в антропонимии и формирование молдавской деривационной системы», кандидата филологических наук А. И. Еремия «Об этимологической интерпретации молдавских топонимов славянского происхождения» и кандидата филологических наук А. П. Борша «Лексико-семантические сдвиги в словаре современного молдавского языка».

В третьей главе впервые в молдавском языкознании ставится вопрос о формах существования языка. Он раскрывается в трех статьях: кандидата филологических наук А. М. Дырула «О формах существования молдавского национального языка», члена-корреспондента АН МССР Т. П. Ильяшенко «Молдавский национальный литературный язык» и кандидата филологических наук А. Н. Думбрэвяну «Диалектная форма существования молдавского национального языка».

В четвертой главе также впервые в молдавском языкознании разрабатывается новая проблема: «Функционально-стилевая дифференциация национальных языков». Ей посвящены следующие материалы: «Основные этапы функционально-стилевой дифференциации молдавского национального языка» кандидата филологических наук Т. И. Романдаш, «Элементы научного стиля в молдавском языке XVII—XVIII вв.» кандидата филологических наук Ф. С. Котельника, «Стиль художественной литературы как языковая реальность» кандидата филологических наук И. И. Ецко, «Публицистический стиль и его роль в функционально-стилевой дифференциации молдавского языка» научного сотрудника Института языка и литературы АН МССР А. Г. Чикала, «Транспозиция и ее стилистическая роль при употреблении глагольных форм» доцента КГУ В. З. Марина и «Разграничение функциональных стилей путем математических методов» кандидата филологических наук Е. Н. Константинович.

Общей принципиальной линией монографии является мысль о том, что каждая из названных проблем не только социально-обусловлена, но и социально-значима для понимания сущности молдавского национального языка и выяснения перспектив его дальнейшего развития.

Председатель
Научного Совета
член-корреспондент АН МССР
Т. П. И л ь я ш е н к о

ЗАДАЧИ И РОЛЬ ПРОБЛЕМНЫХ НАУЧНЫХ СОВЕТОВ

Проблемные научные советы по различным аспектам языкознания функционируют в Академии наук СССР и во всех республиканских академиях наук страны. Они вносят серьезный вклад в развитие науки о языке.

Главная цель всех проблемных языковедческих научных советов является стимулирование теоретической мысли и направление ее на решение актуальных проблем истории и современного состояния языка, прогнозирование его дальнейшего развития. Демократия мысли, основанная на прочном теоретическом и методологическом фундаменте, на инициативе, на правильной оценке языковой ситуации, на объективности и научной принципиальности принесет богатые плоды на ниве молдавского языкознания и общей теории романского языкознания.

В национальной республике проблемный научный совет по теории языка, в данном случае исследующий особенности и перспективы развития молдавского национального языка, мыслится как орган синтеза в изучении комплексной проблемы, разрабатываемой в Институте языка и литературы, в Университете, в других вузах республики.

В общих чертах цели, задачи и функции совета представляются следующим образом: целью научного совета по языку является развитие исследований по избранному направлению при учете достижений советской и мировой науки. Совет ставит перед собой также поисковую цель — выявление принципиально новых возможностей исследования данной проблемы.

Основными задачами научного совета являются следующие:

- 1) научная;
- 2) координационная;
- 3) пропагандистская (в широком смысле).

Функции совета должны быть выражены в планировании работы с учетом всего комплекса поставленных целей и задач. Совет не дублирует функций института или одного из его научных подразделений. На основании данных целей, задач и функций проблемного научного совета по молдавскому языку в свое время была

предложена и обсуждена структура совета, разработана примерная тематика на ближайшие годы.

И еще одно соображение, касающееся методологических основ работы нашего Проблемного совета, главной целью которого является изучение особенностей развития молдавского национального языка. Речь идет о ленинских идеях и установках на практическое овладение процессами развития в обществе. Практическое овладение процессами языкового развития в нашей стране предполагает не только строго объективную регистрацию фактов, но и опережающее теоретическое осмысление языковых процессов.

Богатейшее ленинское наследие, хорошо усвоенное и умело применяемое, позволяет языковедам решать два типа задач:

1. Задачи общетеоретические.

2. Задачи языкового строительства и национально-языковой политики.

Значение ленинизма для языкознания не сводится к высказываниям Ленина о языке, сколь бы меткими, яркими и глубокими они не были. Речь должна идти о ленинизме, как о той теоретической базе, которая определяет развитие лингвистической мысли и обеспечивает мировой приоритет нашей науки и языковой практики.

Особое значение для языкознания имеет ленинская трактовка материалистической диалектики как наиболее общей теории развития.

Взросший ныне интерес к проблеме развития отличается рядом характерных особенностей.

1. Накопление подходов к пониманию развития как диалектического процесса, диалектизация трактовок развития как в общепhilosophическом так и в специально научных планах.

2. Идея развития осознается как фундаментально-мировоззренческая, образующая стержень миропонимания.

3. Главное, на чем концентрируется специфика современной постановки проблемы, состоит в том, что центром тяжести ее все больше становится практическое овладение процессами развития в обществе (решение второго типа задач).

Методологический аспект диалектики выражает и реализует диалектико-материалистический подход к явлениям и процессам объективного мира. Материалистическая диалектика, взятая в методологическом аспекте, выступает как система общепhilosophических регулятивных принципов, и наша задача состоит в том, чтобы показать их реальную конструктивную роль в становлении, развитии, интерпретации и обобщении языковедческих научных теорий и языковой политики.

Для всякого ученого (и языковеда в том числе) первостепенной является проблема истины. Этот «проклятый вопрос» особенно остро был поставлен европейской культурной традицией и

обсуждается на протяжении веков. Он неоднократно объявлялся «окончательно решенным».

Но ведь именно марксизм и только марксизм отказался от абстрактной интерпретации познания. Ленинское положение о том, что человек сам создает объективную картину мира, преобразуя его и изменяясь при этом сам, доказывает, что результат его деятельности есть проверка субъективного познания и критерий истинно сущей объективности. Это принципиально новое решение проблемы. Гносеология проявляет свою доказательность не только как итог познания, но предполагает осмысление действий порождающих механизмов.

Говоря языком лингвиста: понятия истины могут выражаться в терминах, обозначающих не только результаты, но и процессы. Отсюда следует, что для ученого важны не только самостоятельные термины отдельных истин, но и их предикативные определения, что дает возможность расширить анализ и распространить его на атрибуты истины.

Только марксистско-ленинское понимание отражения, познания, диалектики дает возможность плодотворно решать такие задачи, как отношение языка к действительности, и находить оптимальные методы лингвистических теорий, языковедческой практики.

Для решения второго типа задач особое значение имеют ленинские идеи о единичном и общем, национальном и интернациональном.

Диалектика ленинской постановки нашей партией проблемы национальных отношений и в современных условиях состоит в том, чтобы дальше идти к сплочению, единству, всестороннему сближению наций, народностей через создание максимально благоприятных условий расцвета каждой из них. При этом очень важно обратить внимание на то, что и в научном и в политическом смысле особое значение имеет точное фиксирование реального положения в уровнях развития национального и интернационального в их соотношении. Недопустимы ни недооценка достигнутого, ни преувеличение его. Ни тени фальшивой идеализации — вот ленинская мысль. Я уверен, что наш проблемный совет будет следовать этим ленинским заветам.

*Г. В. Степанов,
академик АН СССР*

ОСОБЕННОСТИ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ДОНАЦИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

При рассмотрении данной проблемы два взаимосвязанных вопроса нуждаются в предварительном уточнении: 1. Можно ли предполагать существование литературного языка как особого компонента языковой ситуации в донациональный период? и 2. Наличие каких дифференциальных признаков позволяет отнести ту или иную наддиалектную форму к разновидности литературного языка?

Не вызывает споров общее положение об историческом приоритете диалекта и вторичности, производности любой наддиалектной формы, в том числе и литературного языка. Вместе с тем, как диалект, так и наддиалектные страты — категории исторические, поэтому система их дифференциальных признаков включает не только обобщенные инвариантные для данного образования характеристики, но и исторически обусловленные черты.

Становление ранних типов функционального членения языка в эпоху, предшествующую созданию письменности, связано с выделением в локально ограниченной повседневно обиходной речи элементов языка, соотносенных с развивавшимися еще в условиях родо-племенного строя более высокими формами общения: обрядово-ритуальные действия, устное право, устная поэзия. Тем самым уже на этой ступени общественного развития возникло противопоставление спонтанных, достаточно примитивных форм речевого общения другой, внеположенной и постепенно отделявшейся от них более обобщенной форме существования языка. Вероятно, ведущая разновидность архаичных функциональных парадигм¹ представляла собой модель двукомпонентной языковой ситуации, согласно которой языку обиходно повседневного общения этнически ограниченной группировки — племенному диалекту — противопоставлялась некая сублимированная наддиалектная форма, специфика обособления которой от базового образования заключалась преимущественно в элементах функционально-стилистической системы. Предположительно еще на уров-

¹ О функциональной парадигме см.: Типы наддиалектных форм языка. М., 1981, с. 4, прим. 2.

не племенных диалектов могло происходить постепенное накопление языковых черт, специфичных для обработанных форм языка: определенных лексических пластов и стилистически маркированных фразеологизмов, синтаксических построений, призванных выражать смысловую напряженность содержания в создававшихся жанрах устного творчества.

Вместе с тем еще до создания письменности в условиях образования этнических группировок, объединявших преимущественно родственные племена, возникла иная разновидность наддиалектности на основе отказа от узкорегionalных черт, которые В. М. Жирмунский относил к примарным признакам диалекта², а также сочетания разнодиалектных черт. Данный тип наддиалектных форм не ограничен каким-либо функциональным уровнем. Он встречается и в обработанных формах языка, не являясь их дифференциальным признаком, а лишь сопровождая их функционально-стилистическое обособление. Он бытует и в речи общино-бытовой сферы, выполняя функцию межплеменных разговорных койне.

Следовательно, уже в пределах языковых ситуаций ранних исторических эпох возможно сосуществование двух типов наддиалектных форм³. Появление письменности создает новые стимулы для развития и осложнения функциональных парадигм, особенно для закрепления статуса наддиалектных форм. Сочетание выделенных разновидностей наддиалектных образований, их взаимодействие в одних случаях, в других — их раздельное существование — создают многообразие форм их реализаций.

Характер и состав наддиалектных образований меняется, отражая преобразования в социально-политической и культурной жизни народов. Существует стабильная связь между разновидностями обоих типов наддиалектных образований и уровнем развития общества, его социально-экономической структуры и культурных форм. Обращает на себя внимание типологическая общность функционально-стилистических приемов в образцах наддиалектной обработанной формы, представленной греческим эпосом, устной поэтической традицией младописьменных народов Западного Кавказа и поэзией гриотов на территории Тропической Африки⁴. Типологически инвариантные приметы прослеживаются, при всем индивидуальном своеобразии в разных странах, и в более поздних письменно-литературных реализациях, в самих процессах становления общелитературных норм. С другой стороны, и необработанные наддиалектные формы, изменяясь в зависимости от конкретных условий, сохраняют такие общие типологические признаки, как моновалентность — они подобно ди-

² Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии. — В кн.: Избр. труды. Общее и германское языкознание. Л.; Киев, 1976, с. 491—516.

³ Подробнее см.: Типы наддиалектных форм языка. Заключение, с. 294—296.

⁴ Ср. главу «Язык эпической поэзии как одна из форм наддиалектной речи». — В кн.: Типы наддиалектных форм языка.

алекту обслуживают преимущественно обиходно-повседневное общение —, региональные отличия, отсутствие регламентаций, ср. например, разновидности городских койне (московское и лондонское койне в эпоху, предшествующую формированию национальных языков).

Для понимания специфики языковых ситуаций и структуры парадигм важное значение имеет разграничение разновидностей наддиалектных обработанных форм, обслуживающих высшие сферы коммуникации, и упоминавшихся выше необработанных наддиалектных форм языка, по своим функциям близких к диалекту. Помимо разных вариантов койне к необработанным наддиалектным формам примыкают и так называемые «промежуточные образования», полудиалекты, функционирующие в обиходно-бытовой сфере наряду с территориальными диалектами, как это наблюдается например, в современном немецком языке ФРГ.

Особенностью необработанных устных наддиалектных форм является зыбкость границ, отделяющих их от других форм существования языка. При определенных условиях происходит постепенное расширение сфер применения этого типа наддиалектных образований, они теряют моновалентность, проникают в более высокие сферы общения, приобретают письменную фиксацию. Тем самым койне теряют свои ведущие различительные признаки, превращаясь в один из вариантов (письменно) литературного языка. Как показывает история многих национальных литературных языков, их базой являлись не территориальные диалекты, а городские койне крупных политических центров: московское койне в формировании русского национального литературного языка, лондонское койне в истории английского литературного языка, японское койне города Эдо в становлении национального литературного языка Японии, одно из городских койне хауса, ставшее базой единой кодифицированной литературной нормы и т. д. О роли койне в образовании славянских национальных литературных языков писал В. Виноградов⁵, ссылаясь на материалы дискуссии об образовании национальных литературных языков на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г.

В связи с процессом формирования национальных литературных языков наддиалектные койне могли терять свою функциональную специфику, нередко растворяясь в разговорных формах литературного языка и, следовательно, выпадали из системы страт, образующих функциональную парадигму. Несколько иной является судьба той разновидности наддиалектных образований, ко-

---

⁵ Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальные эпохи. — В кн.: V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 23—25.

торая представлена полудиалектом или регионально окрашенными формами обиходно-разговорной речи⁶.

* * *

Литературный язык рассматривается как одна из наиболее распространенных разновидностей наддиалектных обработанных форм языка. В функциональной парадигме он занимает высшую страту или высший уровень. Вопрос о дифференциальных признаках литературного языка остается в известной степени и поныне дискуссионным, в частности неясным является статус устной поэзии, существующей до создания письменности⁷.

Обобщенная эталонная модель литературного языка включает следующие характеристики: 1. Обработанность языка и связанную с этим селективность; 2. Поливалентность (многофункциональность), порождающую стилевое многообразие и функционально-стилистическое варьирование; 3. Разные формы обособления от диалекта, иными словами наддиалектность; 4. Тенденция к регламентации, соотнесенная с отмеченной выше селективностью; 5. Определенный уровень гомогенности, что не исключает возможности территориального и социального варьирования.

Перечисленные признаки образуют не одноуровневую систему, а иерархическое построение: разные признаки занимают нетождественное положение и обладают неодинаковой значимостью при выделении литературного языка как особого компонента функциональной парадигмы. К тому же формирование отдельных признаков и характеристик происходит не одновременно, они накапливаются постепенно в процессе развития литературного языка, а их статус может меняться. Наибольшей универсальностью обладают признаки 1 и 3, т. е. обработанность языка и связанная с этим селективность, а также наддиалектность. Без них литературный язык не существует, но конкретные формы реализации этих свойств достаточно многообразны. Так, например, само понятие наддиалектности отнюдь не исключает территориального варьирования и в применении к литературным языкам, особенно донационального периода. Обращалось внимание на то, что выработка единых для данного социума норм письменного литературного языка относится фактически к эпохе, когда складыва-

⁶ Cp. *Grosse R.* Die soziologischen Grundlagen von Nationalsprache und Literatursprache, Umgangssprache und Halbmundart.— *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock*, 1969, N. 6—7, S. 509—511; *Домашнев А. И.* О границах литературного и национального языка.— *Вя*, 1978, № 2, с. 3—16; *Миронов С. А.* Полудиалект и разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи.— В кн.: *Типы наддиалектных форм языка*, с. 79—97.

⁷ Изложение разных взглядов по данной проблеме см.: *Общее языкознание. Формы существования функции, истории языка*. М., 1970, гл. 8; *Гухман М. М.* Существует ли литературный язык в донациональный период?— В кн.: *Проблемы истории и теории мировой культуры*. М., 1974; *Гухман М. М., Семенин Н. Н.* О некоторых принципах изучения литературных языков и истории.— *Известия АН СССР, ОЛЯ, Серия литературы и языка*, 1977, т. 36, № 5; *Филин Ф. П.* Что такое литературный язык?— *Вя*, 1979, с. 9—11, № 3.

ются национальные отношения, причем в зависимости от темпов развития нации протекает и процесс становления общенациональных единых норм. Этим объясняются различия в развитии национальных языков Франции, Германии и Италии. Как известно, в Италии и Германии выработка единых литературных норм затянулась вплоть до второй половины XIX в., причем обязательность этого стандарта была долгое время ограничена. В Германии территориальная стратификация литературного языка, проявляющаяся в устойчивости его областных вариантов в течение всего донационального периода, сохраняется частично и в период формирования нации; характерны локальные особенности в произношении, которые отражались даже в рифмах Гете и Шиллера. Во Франции первые литературные памятники отражали особенности диалектных ареалов: язык поэмы «Житие св. Леодегардия» обнаруживает признаки северо-восточного ареала, «Песнь о Роланде» также сохраняет в языке нормандские черты. Но вместе с тем, несмотря на локальную окраску языка названных литературных памятников, его характерной особенностью являлось вкрапление черт разных ареалов. Ни один из текстов нельзя признать принадлежавшим какому-либо отдельному диалекту. Определенная гибридность их языка, наддиалектность — характерная черта памятников X—XII в.⁸ С конца XII в. все более заметным становится лидирующее положение франсийского диалекта, хотя элементы других диалектов все еще окрашивают язык произведений многих писателей; лишь начиная с XV в. франсийский вариант завоевывает высшие сферы общения, где его конкурентом остается латинский язык, другие же региональные формы оттесняются в сферу повседневно бытового общения. Указ Франциска I, предписывавший (1539 г.) вести официальную документацию на французском языке, способствовал объединению письменно-литературного языка Франции уже в XVI в.

Региональное варьирование письменно-литературного языка в донациональный период — явление широко распространенное в истории разных языков⁹. При этом довольно явно сказываются различия в положении структурных элементов разных уровней, наиболее интенсивны и устойчивы локальные черты в лексической системе и в произносительном узусе¹⁰. Однако при наличии регионального варьирования в системе литературного языка локальные его разновидности никогда полностью не совпадали с систе-

⁸ Катагощина Н. А. Процессы формирования французского письменно-литературного языка. — ВЯ, 1956, № 2; Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 86—87.

⁹ Ср., в частности, факты из истории славянских языков. Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков...; Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

¹⁰ Как известно, в русском языке литературное произношение приобретает характер национальной нормы не раньше 30—40 годов XIX в. Лишь в конце XIX в. получает кодификацию свод правил немецкого литературного произношения, так называемый Bühnendeutsch.

мой территориального диалекта соответствующего ареала. Во всех случаях достаточно ясно обозначается специфика локального литературного языка как разновидности наддиалектных форм. Это проявляется не только в функционально-стилистическом плане, в отборе лексики, фразеологизмов, синтаксических построений, но и в несовпадении изоглосс распространения отдельных языковых явлений в территориальном диалекте и в соответствующей локальной разновидности литературного языка. Расхождения касаются границ распространения территориальных признаков и их сочетаний. Наиболее детально эти вопросы исследовались на материале немецкого языка¹¹, где локальное варьирование в литературном языке было особенно интенсивным и устойчивым. В трудах по славянским языкам анализ этих закономерностей соотносился с проблемой «интердиалектной», «междудиалектной» основы литературного языка¹²: письменно-литературный язык донациональной эпохи и в этом случае не связан непосредственно с определенным территориальным диалектом.

Наддиалектность литературного языка этого периода проявляется и в системе его стилистических особенностей, постепенно выделявшихся в разных жанрах письменности. Становление стилей религиозно-философского, делового языка, языка художественной литературы разных жанров способствовало развитию пластов лексики, синтаксических моделей, чуждых диалекту. К тому же в ряде стран (западноевропейские страны, многие страны Востока, славянские страны) становление этих «новых» стилей происходило под влиянием чужого литературного языка, доминировавшего в высших сферах общения, что, естественно, также способствовало обособлению литературного языка от диалекта. Региональное варьирование в известной степени типично для литературных языков донационального периода, но оно сохраняется в некоторых странах и в эпоху формирования национальных литературных языков, приобретая постепенно характер пережиточного явления.

С другой стороны, при определенных социальных и культурных ситуациях возможно и в донациональный период существование унифицированных стандартных литературных языков. Так, по-видимому, к этому типу литературных языков относится классический арабский — древний литературный язык, оформившийся в VII—VIII вв. как язык поэзии, мусульманской религии, науки в результате высокого уровня развития уже в те годы арабской культуры. Строго регламентированной, омогенной системой являлся и древнеармянский письменно-литературный язык — гра-

¹¹ Гухман М. М. Изучение регионального варьирования в немецком литературном языке и методика лингвистической географии. — В сб.: *Philologica*. Л., 1973; в статье обобщены результаты анализа языка политической литературы XVI в., а также дается обзор аналогичных исследований зарубежных германистов.

¹² Ср.: Материалы IV Международного съезда славистов.

бар — установление норм которого относят к V в.¹³ Грабар был не только признанным языком культа, но и разных жанров письменности: он использовался в деловой переписке, в науке, в литературе высокого стиля, иными словами это был язык высших сфер коммуникации, никак не соотношенный с диалектным многообразием разговорно-бытовой речи¹⁴.

По интенсивности функционального и структурного обособления от территориальных диалектов, то есть от форм общения основных масс населения, языки этого типа превосходят нередко литературные национальные языки, являющиеся обычно открытой структурой; последние сохраняют связь с массовыми формами коммуникации, с диалектами и полудиалектами, постоянно обогащаясь за счет включения элементов нелитературных речевых форм.

Классический арабский и древнеармянский грабар отнюдь не являются исключением по своему статусу. Аналогичная ситуация существовала и в других странах Востока, где письменно-литературные языки в эпоху средневековья обладали крайне узкой социальной базой и были практически изолированы от разговорно-бытовых форм общения. Замкнутый, стандартный характер этого типа письменно-литературного языка был соотнесен с основными чертами культуры господствующих классов той эпохи.

Следовательно, по такому ведущему признаку, как уровень наддиалектности соотношение литературного языка национального и донационального периода не соответствует прямолинейной и упрощенной схеме — отсутствие регионального варьирования в национальную эпоху ↔ его наличие в более ранние периоды истории языка. Реальные отношения оказываются значительно более сложными.

Сказанное относится и к такому признаку литературного языка, как его гомогенность. Уровень гомогенности обусловлен преимущественно ролью территориального и социального варьирования. Территориальное варьирование, упоминавшееся выше, естественно нарушает гомогенность литературного языка, что было типично для донационального периода, но в истории некоторых литературных языков оно пережиточно сохраняется и в национальный период. Вместе с тем такие донациональные письменные языки, как классический арабский или древнеармянский, обладавшие строгими функционально-стилистическими и структурными нормами, являлись образцом гомогенности письменно-литературного языка.

В странах, где длительное время господствовали средневековые письменно-литературные языки этого типа, зарождение капи-

¹³ Туманян Э. Г. Литературное двуязычие и его социально-функциональная характеристика в донациональном периоде развития армянского языка. — В кн.: Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977, с. 152.

¹⁴ Там же, с. 56.

талистических отношений, рост буржуазии, образование национальной культуры вели к расширению социальной базы литературного языка, его «демократизации». На определенном отрезке истории этих языков создается два социально-маркированных варианта литературного языка. Так, например, в Японии в XVII—XIX вв. средневековый письменно-литературный язык был языком государственным, языком науки, высоких жанров письменности; обиходно-разговорный же язык помимо устного общения был языком «низших» жанров литературы. Наступление нового литературного языка охватило прежде всего художественную литературу, дольше всего традиционный литературный язык удерживался в официальном обиходе; показательно, что в школе изучение старописьменного литературного языка занимало значительное место еще в начале XX в.¹⁵ В известном отношении сходная языковая ситуация сложилась в функционировании армянского языка. Здесь древние нормы грабара длительное время сосуществовали с развивавшимся новоармянским литературным языком, в социальном отношении значительно менее ограниченным, но и не обладавшим общественным престижем. Еще в XIX в. такие деятели культуры, как Х. Абовян или известный просветитель С. Назарян некоторые свои произведения создавали на древнеармянском языке. Соотношение этих двух разновидностей армянского литературного языка все больше приобретало социально-стилистический характер, причем новоармянский литературный язык в процессе постепенного вытеснения грабара из многих общественных сфер¹⁶, частично усваивает элементы древнеписьменной традиции, оказавшей определенное влияние на пути формирования и развития армянского национального литературного языка¹⁷.

Этот тип социально-функциональной вариативности литературного языка возникает преимущественно в переломные эпохи исторического развития, когда наряду с социально ограниченным вариантом средневекового литературного языка формируется, преимущественно на базе народно-разговорных языков, новая функционально-стилистическая система национального литературного языка.

Гомогенность национального литературного языка может отсутствовать и при другой ситуации. В истории некоторых языков при образовании национальных литературных языков возникают два варианта, не всегда территориально маркированных. Это произошло, например, в Норвегии, где сохраняется два варианта национального литературного языка. «Букмол», датско-норвежский литературный язык, сложившийся в результате длительного

¹⁵ Конрад Н. И. О литературном языке в Китае и Японии.— В кн.: Вопросы формирования и развития национальных языков. Л., 1960.

¹⁶ Исключение составляет религиозная сфера: до настоящего времени официальным языком армянской церкви является грабар.

¹⁷ Подробнее см. Туманян Э. Г. Литературное двуязычие и его социально-функциональная характеристика, с. 155—160.

существования Норвегии, как подчиненной единицы в пределах Датского королевства, применяется в письменном и устном общении. На нем создавалась национальная литература. Бьернсон и Ибсен писали на «букмол». Но в XIX в. в процессе борьбы за национальную самостоятельность Норвегии встал вопрос о необходимости создать «свой национальный» язык на норвежской основе, используя материал местных диалектов. Язык этот, получивший наименование «ландсмол» не вытеснил «букмол». Оба варианта выполняют одни и те же функции: они являются государственными языками, употребляются как в художественной литературе, публицистике, так и в преподавании, в устном общении, даже в университетах существуют параллельные кафедры. Но все же «букмол» преимущественно употребляется на востоке страны, «ландсмол» — на западе. Близость грамматического строя (имеются расхождения в морфологической системе), значительная общность лексики делают возможным параллельное использование обоих литературных вариантов, бесспорно также их взаимовлияние. Но все же в Норвегии и сейчас отсутствует единый, общеобязательный национальный литературный стандарт, обладающий кодифицированной нормой.

В качестве сходного примера отклонения от типового статуса национального литературного языка можно также привести албанский язык. Языковая ситуация в Албании определялась сосуществованием двух исторически сложившихся вариантов литературного языка, из которых один базируется на южном (тоскском), а другой на северном (гегском) диалекте. И тот, и другой являются результатом относительно длительной обработки, отвлечения от резких диалектных признаков. Эти два варианта албанского литературного языка развивались параллельно, взаимодействуя и сближаясь друг с другом. После победы албанского народа в национально-освободительной борьбе южная норма получила заметное преобладание¹⁸.

Степень гомогенности литературного языка зависит от уровня его нормированности, последняя же определяется действующими принципами отбора языковых единиц. Как известно, одной из отличительных черт литературного языка национального периода обычно считается наличие кодифицированных норм. Перечисляя общие закономерности развития литературных языков, В. В. Виноградов писал: «Третья закономерность развития литературных языков, определяющая различия их качеств и свойств в национальную и донациональную эпохи, состоит в характере отношения и соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов, а, в связи с этим, в структуре и степени нормализации литературного языка»¹⁹. Развивая это положение, В. В. Виноградов подчеркивает значение нормализации при опре-

¹⁸ Десницкая А. В. Из истории образования албанского национального языка. — В кн.: Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.

¹⁹ Виноградов В. В. Указ. соч., с 11.

делении специфики литературного языка национальной поры. Однако решающую роль играет не сам факт наличия устоявшихся норм, а их специфика в условиях формирования и развития национальных языков. Ведь фактически строгая норма характерна и для некоторых средневековых письменно-литературных языков. Выше это отмечалось при описании статуса классического арабского языка, древнеармянского габара и средневекового письменно-литературного языка Японии. Более того, определенная сложившаяся традиция, приобретающая характер функционально-стилистической регламентации, отличает также язык устного эпоса у разных народов. Но сущность языковой нормы зависит от конкретных исторических условий, в которых она действует, от социального содержания того узуса, который она кодифицирует. И именно по этим параметрам национальный литературный язык отличается от донационального литературного языка. В чем же это отличие? В статусе литературного языка, его позиции в системе функциональной парадигмы, в его соотношении с другими формами существования языка, наконец, в объеме выполняемых им задач. По сравнению с литературными языками донационального периода специфика нормализационных процессов в период формирования и развития национальных языков характеризуется изменениями в их социальной базе и степенью их поливалентности. Направленность нормализационных процессов, их содержание являются производными от этих двух взаимодействующих факторов.

Средневековым литературным языкам Европы и Азии была присуща узость социальной базы: их носителями была господствующая верхушка феодального общества. Поливалентность литературных языков того времени ограничивалась прежде всего тем, что это были по преимуществу письменные языки, обслуживавшие ограниченные сферы общества. За их пределами функционировали территориальные диалекты, городские и областные койне, все многообразие реализаций устной речи. А так как во многих странах к тому же наряду с местным языком в высших сферах общения — религии, делопроизводстве и государственном управлении, в юриспруденции и науке использовался «чужой» письменный язык, обладавший более развитой системой функциональных стилей, подобно, например, латинскому языку в странах Западной Европы, то употребление местного письменно-литературного языка оказывалось крайне лимитированным. Следовательно, одним из отличий обработанности, нормированности литературного языка донационального периода была крайняя узость самих нормализационных процессов, связанных только с узусом письменного языка, применявшегося к тому же в немногих сферах общения. Что касается принципов кодификации, то иногда они были весьма жесткими. Достаточно вспомнить в этой связи грамматику Панини, соотнесенную с литературным языком древ-

ней Индии, весьма далекого от языка разговорно-бытового общения народных масс.

Но с другой стороны, в таких языках, как немецкий, французский, в славянских языках, возможность локального варьирования в текстах на донациональном литературном языке, о чем писалось выше, создавала неустойчивость фонетико-орфографического и грамматического узуса, что, естественно, препятствовало осуществлению нормализационных процессов даже в рамках только письменного-литературного языка. В Германии, например, в печатных изданиях XV—XVI вв. (для данной страны это годы, предшествующие становлению национального языка) разные фонетико-орфографические и грамматические варианты встречались не только в пределах одного текста, но и на одной и той же странице: ср. *ader* ~ *oder* 'или', *mein* ~ *mîn* 'мой', *haus* ~ *hous* ~ *hûs*⁹ 'дом'; глагольные ареальные дублеты: *gât* ~ *geet* 'идет', *pemet* ~ *nemet* 'берите', *pement* ~ *nemen* (они) 'берут' и т. д. Однако и в этих условиях действовали свои правила отбора, но они касались функционально-стилистической закреплённости лексических пластов, фразеологизмов, устойчивых сюжетных штампов за определенными литературными жанрами.

Таким образом, выделяются для донационального периода две модели литературного языка, определяющие различия в осуществлении регламентации и принципов отбора: в первом случае — при наличии отрыва письменного языка от языковых форм устного общения выделяется узкосословный характер литературных норм; во втором — соотносённость письменного (книжно)-литературного языка с диалектными ареалами, т. е. зыбкость фонетическо-орфографического и грамматического узуса, а также региональные особенности в лексическом составе препятствуют самой постановке вопроса о выработке кодифицированных норм, что не мешало, однако, действию функционально-стилистического узуса, отличавшего язык документа с характерными для него штампами от языка рыцарского романа или проповеднической прозы.

Качественно иным становится статус отбора языковых единиц и нормализационных процессов в национальных литературных языках: выработка языкового стандарта является одним из основных компонентов развития нового типа литературного языка.

Общая направленность происходящих изменений при образовании национального литературного языка обусловлена формированием единого многофункционального нормализованного литературного языка в качестве основной, общепризнанной формы коммуникации данного народа. Конкретные формы этого процесса зависят частично от характера литературного языка и языковой ситуации в целом в донациональный период: от наличия или отсутствия сосуществования в ту эпоху двух типов литературных языков, своего и чужого; от интенсивности локального варьирования; от соотношения литературного языка с диалектами и региональными койне. Только в национальный период литературный

язык полностью реализует те признаки, которые в свернутой форме как некие потенции заложены в нем еще в донациональную эпоху: наддиалектный характер, отбор и относительная регламентация, поливалентность. Поливалентность развивается в использовании литературного языка не только в письменной, но и в устной форме, включая отчасти и разговорно-бытовое общение; отбор и относительная регламентация преобразуются в кодифицированную систему норм с ограниченным и тоже нормированным диапазоном варьирования; наддиалектная специфика приобретает форму общеобязательности единой территориально не связанной нормы.

Подобная характеристика национального литературного языка дается на основе его типовых признаков. В конкретных исторических условиях могут обнаружиться значительные расхождения в статусе литературного языка в зависимости от ряда как экстралингвистических, так и лингвистических факторов.

Медленнее всего литературный национальный язык проникает в сферы повседневного устного общения, где его конкурентами остаются городские и областные полудиалекты, разновидности простречия. Даже во Франции, где рано оформилось единство литературного письменного языка, сфера устного общения сохраняла значительные локальные особенности вплоть до XVIII в. Коренные изменения произошли лишь в эпоху Великой Французской революции в результате общей демократизации французской культуры. Это находит свое отражение в расширении социальной базы литературного языка, ранее ориентированного только на язык королевского двора. Этим объясняются изменения, коснувшиеся его системы стилей. Вместе с тем, исторические события той эпохи оказались мощным катализатором падения роли регионально маркированных форм в устном общении, способствуя распространению литературного языка и на эту сферу. Однако весьма часто в разных странах в условиях существования стандартизованных литературных национальных языков они не являются единственной формой языкового общения: в устном общении, в быту их конкурентами остаются разновидности региональных форм, причем соотношение социальной базы литературного национального языка и нелитературных образований определяется не только дифференциацией языка жителей города и деревни, но также образовательным цензом и возрастными различиями.

В конечном итоге дифференциация в статусе литературного языка разных эпох, донациональной и национальной, обусловлены языковой ситуацией, отражающей особенности действующих общественно-политических и культурных факторов. Поэтому на фоне сложного переплетения постоянных и вариативных тенденций оказалось возможным выделить различия в осуществлении ведущих признаков литературного языка в двух его основных типовых разновидностях, представленных донациональным и национальным литературными языками.

ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Для выяснения значения социально-исторической обусловленности развития молдавского национального языка необходимо наметить исходные позиции методологического характера. Основой этого является известный тезис В. И. Ленина о том, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого-бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки»¹. А язык в целом представляет собой социально обусловленное и социально значимое антропоцентрическое явление.

На этом основании необходимо вспомнить узловые этапы истории молдавского народа и его языка на фоне общего северо-дунайского романоязычного ареала.

В XIV в. образовались два романоязычных княжества: молдавское и валашское. В то же время к северо-западу от молдавского княжества, в Марамуреше, существовали свои князаты, социально-историческое развитие которых в основном протекало под влиянием Венгерского королевства. Восточная же периферия молдавского княжества, особенно ее южная часть, подвергалась постоянным набегам татар, а затем турок. К северо-западу от валашского княжества, в Трансильвании, имелись поселения болгар. Они принесли сюда христианство и славянскую письменность. Особой известностью пользовалась Шкея под Брашовом. Здесь в 1392 г. поселились болгары, а в 1484 г. была построена христианская церковь, в которой не только справлялись культовые обряды (в противовес католицизму), но и собирались ценные архивные материалы. Среди них 12 хрисовов молдавских господарей XVI—начала XVII вв.

Известно, что в период средневековья христианство, церковь, монастыри были очагами как культовой, так и народно-обрядовой культуры. Уже в XVI в. в Бессарабии существовал монастырь Кэприяна. Один из его монахов, Ефтимие, был среди первых трех молдавских хронистов (Ефтимие, Макарие и Азарие). Известно также, что в начале XIX в. на территории Бессарабии было более шестидесяти монастырских владений².

Несмотря на то, что на всем восточнороманоязычном ареале до начала XVII в. официальной культурой была славянская, параллельно складывались и элементы автохтонной культуры. В конце XV—начале XVI вв. появились Воронежский Кодекс и Шкейская Псалтырь, частные письма, хранящиеся в Бистрицком и

¹ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 263.

² Сымботяну К. И. Сельское хозяйство на монастырских землях Бессарабии в 1812—1868 гг.— В кн.: Социально-экономическое развитие Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1977, с. 53.

других архивах, стихотворный перевод известной итальянской «*Fiore di virtu*» («Флоаря дарурилор»), переданный двойным текстом — молдавским и славянским, перевод «Александрии» в XVII веке.

Говоря о первых памятниках молдавского языка, следует отметить, что несмотря на то, что к XVI веку около двух столетий существовало молдавское княжество, первые религиозные памятники появляются не в нем, и не в соседнем валашском княжестве, а в Марамуреше, а первая постоянная типография начала работать в Брашове, в Трансильвании. В известной мере это можно объяснить тем, что развитие религиозной литературы в христианских князствах по славянским образцам и с использованием славянского алфавита получило широкую поддержку Киевского, Московского, Львовского духовенства соответствующих периодов именно в тех регионах, население которых было в большей мере подвергнуто влиянию католицизма.

Теологическая идеология — преобладающая идеология господствующих классов средневековья — ставила свои задачи и в области развития культуры, которые и решались в основном представителями этих классов. Но и при этом они не могли не учитывать отдельные элементы народного языка, о чем свидетельствует развитие молдавского языка в первый его период — древнемолдавский, охватывающий XIV—XVIII вв.

Говоря о социально-исторической основе развития молдавского языка, следует вспомнить известные тезисы исследователей истории румынского языка. Как в специальной литературе, так и в учебной принято различать древний и новый периоды истории румынского языка. Причем начало нового периода датируется примерно 1780 годом — годом создания трансильванской школы. Этому мнению придерживается и Г. Ивэнеску в своем известном труде «*Problemele capitale ale vechii române literare*»³.

Известно также, что в начале нашего века, в 1904 году, П. В. Ханеш, исследуя развитие румынского литературного языка первой половины XIX века, писал о наличии в этот период трех литературных языков согласно территориальной дифференциации романоязычных языковых общностей, внутри которых существовали также классовые дифференциации⁴.

Главной темой румынских ученых была и остается особенно дебатруемая в настоящее время проблема единства языка. В этой связи Г. Ивэнеску считает, что исследователи, подчеркивающие единство румынского языка от его начала и до наших дней, фальсифицируют явления, исходят из предвзятой догмы, которую автор опровергает фактами, приводимыми им в названной работе.

³ *Ivănescu G. Problemele capitale ale vechii române literare. Iași, 1948, p. 70.*

⁴ *Haneş P. V. Dezvoltarea limbii literare române în prima jumătate a secolului al XIX-lea. Ed. II. Buc., 1926, p. 224.*

В монографии 1975 г. Иона Гецие «Baza dialectală a românei literare» читаем следующее: «то, что Еустратие Логофэтул говорит в своей **Правиле** (подч. авт. — *Т.И.*) о „румынском языке“ (кавычки автора) ни малейшим образом не свидетельствует о том, что в XVII веке существовал общерумынский литературный язык...»⁵.

Существует также обширная, иногда резко полемическая, а порой и псевдонаучная (выражаясь словами румынских исследователей) литература по вопросу об истории румынского языка, в которой толкования путей развития и периодизации этой истории представлены противоречиво, видимо, потому, что каждый автор ставит перед собой разные цели, а также, главным образом, потому, что не учитываются все основополагающие предпосылки для объективной оценки процесса развития языка. Особенно разительным представляется выдвигаемое положение об единстве румынского языка в противовес не только всем другим романским языкам, но и любому конкретному языку, в частности русскому, развивавшемуся вначале в условиях феодальной раздробленности.

Это положение выдвигается румынскими учеными в качестве аксиомы и особенно настойчиво проводится в последние годы. На совещании по теме: «Романизация Дакии — языковая и археологическая проблема», состоявшемся в Бухаресте 2-го июня 1977 года, исследователем И. Пизо из Клуж-Напока был поставлен вопрос — как объяснить единство румынского языка на фоне общей ситуации раздробленности бывшей римской империи, и в частности диалектной дифференциации других романских языков. На этот вопрос Ал. Граур ответил, что между населением всего северодунайского романоязычного ареала существовал постоянный контакт, в то время как на западе диалектная дифференциация явилась результатом феодальной раздробленности⁶.

Подобное объяснение явно не согласуется ни с общими, ни с частными явлениями развития языков и народов в различные периоды средневековья, а лишь продолжает известную догму «единства». Эта предвзятость, против которой выступал Г. Ивэнеску в названной монографии, лежала в основе работ многих исследователей румынского языка, в том числе и широко известных. Вместе с тем, «литературные диалекты, молдавский и мунтянский, следует считать литературными языками, которые имеют свои собственные проблемы», — пишет Г. Ивэнеску⁷.

Проблема осмысления процесса исторического развития молдавского языка на базе как фактического материала, так и объективных методологических и теоретических предпосылок, проб-

⁵ Gheție J. Baza dialectală a românei literare. Buc., 1975, p. 51.

⁶ См.: Studii și cercetări lingvistice, 1978, № 1, p. 106—108.

⁷ Ивэнеску Г. Указ. соч., с. 70.

лема его индивидуализации и приобретения качества национального языка — это и есть его собственная проблема.

В ряду социально значимых факторов развития языка следует выделить наличие политических и культурных центров, развитие городов, появление отдельных государственных общностей в определенных социальных условиях.

В этой связи следует подчеркнуть, что не у всех народов и языков имеется своя Тоскана. Исследователи румынского языка вначале считали своей Тосканой Марамуреш, поскольку первые тексты характеризуются известным ротацизмом; затем Валахию в целом, поскольку начало печатной литературы положил Коре-си, выходец из Валахии, хотя он в основном работал в Брашове, в Трансильвании. В последних изысканиях по румынскому языку принято положение о том, что валашский или мунтянский диалект является основой румынского языка.

Но ведь известно, что в период появления литературных памятников, религиозных и светских, центра культуры не было ни в молдавском, ни в валашском княжествах. Видимо, все же Марамуреш следует считать первичным центром как для молдавского, так и для румынского языков. В этой связи можно напомнить ситуацию других языков, в частности русского. Исследователи русского языка считают, что этот язык не стал менее русским от того, что в его основе стоит церковно-славянский язык в болгарской редакции, а политико-административными и культурными центрами были вначале Киевская, затем Московская Русь, в зависимости от социально-исторических условий. Известно также, что для итальянского языка в то время, когда Тоскана Данте, Петрарки и Боккаччо была экономическим и культурным центром, столица Италии не представляла собой центра языковой культуры. В своем трактате «*De vulgare eloquentia*» Данте назвал язык Рима того времени «*vulgare turpissimum*»⁸.

На территории Бессарабии в средние века существовали в основном крепости и монастыри, помещичьи и резешские владения. По данным переписи 1819 г., в этом крае было всего около 250 000 населения, т. е. примерно половина сегодняшнего Кишинева. История этой периферии бывшего молдавского феодального государства значительно изменилась, когда она стала составной частью Российского государства, и началось ее заселение, развитие товарного хозяйства, рост городов, связь со всем югом России, в частности с Одессой и Харьковом. Появились новые социальные прослойки, возникли новые социальные отношения. Общественная мысль края развивалась в едином русле с общественной мыслью передовой части населения России. Выработывается свое молдавское самосознание, которое приобрело характер самоопределения после Октябрьской революции. Административный центр Бессарабии — Кишинев — постепенно стано-

⁸ См.: Шшимарев В. Ф. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972, с. 82.

вится политическим и культурным центром. Сохранившаяся у отдельных слоев населения молдавская культура, а у молдавского народа своя обрядно-песенная и фольклорная устная литература, становится постепенно достоянием всего народа, поднятого в настоящее время от состояния неграмотности до уровня высших достижений человеческого разума.

Существует аксиома, что состояние языка есть состояние самосознания языка. Оно проявлялось в различные эпохи молдавского языка по-разному. Господарь Молдавского княжества Димитрий Кантемир, написавший свою «*Descriptio Moldaviae*» на латинском языке, чтобы ученые мужи запада узнали о его народе, о его обычаях и нравах, считал, что молдавский язык намного лучше валашского, и что им, валахам, следовало бы поучиться у молдаван. В конце XVIII в. Варфоломей Мэзэрянул, по указанию графа Потемкина Таврического, написал на русском языке «Молдавский летописец» для ознакомления русского читателя с жизнью и деятельностью молдавских господарей. В начале XX в. самосознание языка, его величие и простота вдохновили поэта Бессарабии Алексея Матеевича написать свое известное стихотворение «Лимба ноастрэ», каждая строфа которого может служить эпиграфом любого теоретического исследования молдавского языка.

Высшее проявление и выражение самосознания языка возможно в определенных социальных условиях, при конкретных социальных отношениях, с определенной мировоззренческой позиции, в условиях наличия этого самосознания не у отдельных прослоек, а у всего народа.

Это самосознание углубляется и развивается при существовании развитых центров культуры.

Как известно, в период средневековья язык духовенства, княжеского двора, монастырских писарей несколько отличался от разговорного языка народа. Наиболее близким к последнему является язык частной переписки (хотя и в этих материалах представлен язык верхней прослойки), а также язык народной переводной литературы. Внимательное ознакомление с письмами из разных мест молдавского княжества, а также из Трансильвании и Буковины, хранящимися в архивах Бистрицы (в Трансильвании), убеждает нас в том, что существовали как общие структуры выражения мысли, так и специфические для данного жанра или для конкретной территории.

В письмах, в частности, имелись некоторые общие формулы обращения: «*Скриу ынкинэчуне ши бунэ паче*»; «*Скриу ынкирэчурь ши сырытате...*»

Последнее обращение письма, как это видно по характерному ротацизму, — из Марамуреша или Буковины. В отдельных обращениях сочетаются славянские и молдавские элементы: «*пистем живот и много здравия ла думнялуй...*» Подобные формулы

обращения (с некоторыми изменениями) употребляются и в последующие периоды развития языка.

В письме игумена монастыря Воронеж (Буковина) встречается лексема *келшуг* — совр. *белшуг*, сохраняющая фонетическую форму венгерского этимона *költseg*, зафиксирована также *марха* — *марфа* — венг. *marha*, поскольку в молдавском языке действовал закон чередования согласных: ср. сз *хиць* — *а фи*, *бурдиф* — *бурдужь*, *а похти* — *а пофти* (ст. слав. *похотеть*), *вэтах* — *вэтаф* и др). В письме из Марамурэша употреблена лексема *сомсид* — *вечин* — *сосед* от венг. *szomséd*, хотя в других письмах имеется и *вечин* в том же смысле.

Интересным памятником языка XVII—XVIII вв. является также рукопись Раду Темпя (умер в 1742 г.), опубликованная в 1899 г. при участии Г. Вайганда и Полихрония Сырку. Она озаглавлена «История церкви Шкея у Брашова», и содержит 12 хрисовов молдавских господарей.

Читая эту «Историю» узнаем, что в то время уже была прослойка горожан, о которых говорится: *орэшан токмит ла фире*.

Характерная форма выражения мысли в Истории Шкен, так же как и в письмах, и в религиозной литературе, и позднее в летописях, содержат в своем построении глагольные формы герундия, специфические, как известно, и для славянских религиозных текстов, и для их соответствующих греческих оригиналов: ... *ачеста неавынд фечорь ау луат лынгэ сине пре ун непот де сор*.

Следует отметить повествовательную структуру начала рассказа, реализуемую инвертированной формой прошедшего времени: *фост-ау рындуит сз фие протопоп; ынчепуту-с-ау ынтре ной румпере кредитцей*.

Именные сочетания типа *сынтем трэиторь* также относятся к характерным чертам различных жанров литературы XVI—XVIII вв.: *карий не афлэм шеззторь ын Шкей; Ной, карий сынтем пэзиторь кэрцилор ши челор скрисе ын кэрц*.

В последнем примере следует также отметить специфическое для данного периода выражение атрибутивного отношения посредством генитива: *пэзиторь кэрцилор*. Подобные сочетания соответствуют старославянским моделям и сообразным греческим. Это еще раз подтверждает высказанную в других моих работах мысль о влиянии греческого языка на молдавский через посредство старославянского.

В средневековых текстах встречаются также в различных сочетаниях лексемы, типичные для этого периода, такие как *а невои* и *а се невои* в значении «стараться», лексема *нэрод* в значении *люди*: *ши с'ау невоит ку мултэ остенялэ... ам невоит о сз плиним... кум ва ымблынзи нэродул... мерже ынаинте мулт нэрод де преоц*.

Сочетание с *нэрод* встречается и у И. Некулче: *нэрод де оамень*. В том же значении М. Эминеску употребляет *попор*: *кынд ун попор де оамень се'нкинэ мие, цие...* (III письмо).

Лексемы *час* в значении «время»: *дин час че с'ау причепут* или *фэцэрие*, соответствующее более позднему *фэцэрничие*: *сэ арэта ку маре фэцэрие*, не сохранились в современном языке.

Следует отметить также, что во многих текстах маркер множественного числа — смягчение конечного согласного — отсутствует; это присуще современному обиходно-разговорному языку. Обращают на себя внимание следующие примеры: *чей май сус зиш... ну сынт виновац... сэ фие ертац ши слобоз... ши алац чинстиц боярь... ачаста ынкэ вом сэ стиц...*

В приведенных примерах можно заметить отдельные фонетические, морфологические, синтаксические особенности молдавского языка периода XVI—XVIII вв.

Пожалуй, одной из причин отрицания существования литературного языка в XVI—XVIII и даже XIX веке, встречающегося в отдельных исследованиях, наряду с подчеркиванием его несовершенного характера с точки зрения литературной нормы, следует считать выдвижение на первый план только фонетических или морфологических, синтаксических или лексических особенностей, без учета того, что для средневекового периода все они были не особенностями, или регионализмами, а являлись нормой молдавского литературного языка. Отдельные румынские исследователи, например, считают, что малограмотными были Некулче, Дософтей и другие представители литературы XVII—XVIII веков. С точки зрения унифицированного румынского языка, возможно это и так, если согласиться с И. Гецией, что унификация румынского литературного языка продолжалась с 1715 (последняя печатная книга Антима Ивирянул) до 1960 года. С точки зрения молдавского языка — это был литературный язык, продолжателем и преемником которого является современный молдавский национальный язык.

Известно, что история молдавского литературного языка, его древний и средний периоды включаются румынскими исследователями в качестве составной части истории румынского языка. В работе Иона Гецией, о которой уже говорилось, дается противоречивая трактовка молдавского литературного языка. Он считает, что в период XVI—XVII вв. фактические данные подтверждают наличие молдавского литературного языка со своими специфическими особенностями по отношению к языку Мунтении и Трансильвании. В середине же XVIII века, в религиозной литературе молдаване «полностью отказались (подч. авт.) от собственной литературной нормы конца XVII — начала XVIII в.»⁹. Если же вспомним летопись и «О самэ де кувинте» И. Некулче, хронике Димитрия Кантемира и его высказывания о молдавском языке в «Описании Молдавии», переводы народной литературы (Александрию, Езопию и др.), «Кондику» (запись церемониала при дворе во время фанариотов) Георгаки, рифмованные хрони-

⁹ Гецией И. Указ. соч., с. 392.

ки, в частности «Кувинте ын версурь а четэций Хотинулуй» (1773 г.), хрисовы господарей, учебники по арифметике и географии Амфилохия Хотиниул, три русско-молдавских словаря XVIII в., то из всего этого вряд ли может последовать вывод о том, что религиозная литература была решающей в определении нормы молдавского литературного языка XVIII века.

Для молдавского литературного языка среднемолдавский период XVIII — начала XIX века представляет собой важную веху развития, когда наблюдается отход от теологической основы древнего периода становления феодально-исторической литературы и переход на народную основу переводной и оригинальной литературы отдельных жанров с возникновением классовых различий в феодально-помещичьей и крестьянской идеологиях.

Противоречивые процессы наблюдаются в XIX — начале XX века. Это, с одной стороны, ориентация на демократическую направленность общественной мысли России при прямом или косвенном участии молдавских деятелей культуры в развитии этой общественной мысли, а с другой — ориентация на западные образцы жизни и культуры (особенно Франции, расширившей свое влияние после революции 1848 г.), когда убеждали, что необходимо, как говорил акад. И. Иордан, «сэ мобилэм ку обьекте де лукс граюл матерн». Надо отметить и ориентацию на латинизацию языка, начавшуюся главным образом трудами представителей трансильванской школы, а также на итальянизацию языка у Елиаде Рэдулеску. Попытка проводить эти идеи в публикациях валашского княжества нашла должный отпор среди представителей литературного процесса в молдавском княжестве как на практике — в языке их произведений, так и в различных статьях, письмах и публичных выступлениях. На многие из этих явлений обращали внимание исследователи молдавского языка и литературы. Следует привести еще и такой пример. Сохранился издательский контракт между Елиаде Рэдулеску — издателем, и Василием Погор — автором перевода «Анриады» Вольтера, и переписка между этими деятелями культуры молдавского и валашского княжеств первой половины XIX века¹⁰. Издательский контракт именуется Василием Погором «токмалэ ку д. Елиади пентру типэриря Ханриадей». В одном из своих писем В. Погор пишет: «Ну ка се ынклештез о луптэ литералэ, чи еу ну мэ сокотеск дестойник а о спрежини, чи ын привире де сфэтуире, принтоаре ынвэцэтурий, ым вой ерта домнул миеу оарекаре сокотинць». В письме он приводит ряд названий того, что может быть «пилдэ де гылчавэ».

«Пе *скырнав*, пе *мыршав* нич кум ну-л вей тэлмэчи, нич де ажюнс, нич потривит прин кувынтул „нимикничит“. Прин *скырнав* ши *мыршав* еу ынцелег ун лукру че ну ясте курат, чи ясте

¹⁰ Anineanu M. Un contract editorial și o corespondență literară între Vasile Pogor și Eliade Rădulescu.— Studii și cercetări de bibliologie. București, 1963, p. 277—293.

„ыптинат, фештелит, мынжит, унсурос, грецос“, яр прин „нимик-ничит“ ынцэлег ун лукру микшорат, ынжосит, десфинцат, кареле с'ау фэкут де нимикэ вредник...»

Помимо отстаивания необходимости употребления и таких слов, как *витяз, край, кырмуцуря* и многих других из своего текста перевода «Анриады», В. Погор высказывает общие суждения, представляющие для нас интерес. Например: «Еу дореск сэ луструеск кувынтул чел ружинит, сэ фэцуеск пи чел чоторос алиямулуй меу ши дин алуатул лимбий сэ ынплетеск пе чели че-м липсеск, ка сэ мэ поч ынтру адивэр нуми лучитору лимбий меле, яр ну ынпэестриториул яй» (с. 287). Или следующее общее заключение письма: «Мэсура ясте ын тотул лукрул чел май бун ши май куминте» (с. 288).

Этот черновик письма, написанный кириллицей в 1838 году, представляет собой один из дополнительных подтверждений сложности языкового процесса, который все же в этот ранний национальный период молдавского языка принимает правильную ориентацию на общенародный язык, на использование традиции, на умеренное восприятие новшеств, на учет внутренней специфики языка. Вместе с тем, это не означает, что и в последующем своем развитии процесс этот протекал по прямой линии. Отдельные перегибы в ходе становления современного национального языка наблюдались и наблюдаются и в настоящее время.

Современный национальный период, особенно после 50-х годов, характеризуется бурным ростом всей социально-общественной жизни советского общества, что находит свое отражение в развитии всех национальных языков Советского Союза. В этом процессе расширения сфер и возможностей языка, как и в любом процессе роста, появляются свои специфические «сорняки», отдельные кривые ветви, которые требуют от исследователя не пассивного наблюдения, а активного вмешательства при учете объективных закономерностей развития языка, его стилевой и функциональной дифференциации, при учете его основного назначения, его главной коммуникативной и экспрессивной функций.

Каждая эпоха ставит перед исследователем языка свои задачи. Некоторые из них в отдельных своих аспектах повторяются.

Если для такого языка как русский, с его выдающимися учеными в прошлом и в советский период, открывшими новые направления в мировой лингвистике, в наши дни снова встает вопрос о его генетическом и функциональном статусе (как это показала статья Ф. П. Филина в журнале «Вопросы языкознания», № 4, 1977), то молдавский язык, недостаточно, односторонне и не всегда с правильных позиций изученный, в настоящее время, при наличии самосознания его носителей, определивших пути своего общественного развития, требует не менее глубокого и всестороннего исследования, исходя из четко аргументи-

рованных и объективно обоснованных позиций, на основании фактов письменной и устной литературы.

Представляется также, что изучение молдавского языка в его историческом развитии следует проводить отказавшись от чужих догм и патриархальных теорий, выработанных определенным направлением мысли и с определенной целью, противоречащих марксистской методологии.

ЭЛЕМЕНТЕ ЛЕКСИКАЛЕ ВЕКЪ ЫН ТОПОНИМИЯ МОЛДОВЕНЯСКЪ

Студиеря ын план историк а вокабуларулуй лимбий ноастре есте о преокупаре май веке а специашиштор филоложь. Примеле ынчеркэрь ын ачест домениу с'ау фэкут ынкэ ла ынчепутул секолулуй трекут. Юрий Венелин, чел динтый едитор ши черчетэтор де грамоте славо-молдовенешть, а дат експликаций май мултор кувинте специфиче дин документеле аминтнте¹. Унеле елементе де вокабулар, атестате ын извоареле скрисе векъ, ау фост репродусе май тырziu де Фр. Миклошич ын лукраря са «Лексиконул палеословенико-греко-латин»². Марелуй ностру филолог Б. П. Хашдеу ый апарцин примеле глосе де кувинте молдовенешть менционате документар ын епочиле антериоаре. Ачестей проблеме й-ау акордат атенцие ын время лор лингвиштий ши филоложий славишть: П. А. Сырку, И. Богдан, А. И. Яцимирский, И. Бэрбулеску, М. Штефэнеску, Д. П. Богдан ш. а.

Черчетаря векюлуй вокабулар ал лимбий пе базэ де сурсе скрисе есте каля чя май сигурэ ши, ын ултимэ инстанцэ, чя май резултативэ. Дар, дин пэкате, ну с'ау пэстрат, дупэ кум се штие, тексте специфиче тутурор етапелор де дезволтаре але лимбий ноастре. Чел май векъ текст скрис орижинал датязэ дин сек. XVI. Пентру етапеле антериоаре авем доар атестэрь де кувинте рэзлеце. Диспунем де пущине мэртурий скрисе ши дин епочиле де май тырziu. Кынд текстеле скрисе липсеск, ын ажатор не вин алте сурсе де информácie: креация популярэ оралэ, граюриле лимбий национале, ономастика. Ултура, ын специал топонимия, репрезинтэ о адевъратэ архивэ, ын каре шы-ау гэсит оглиндиристэрь, фапте ши феномене де лимбэ дин челе май векъ тимпурь.

Ын челе че урмязэ не пропунем сэ релевэм унеле елементе де вокабулар, фолосите астэзь ын лимба литерарэ ши ын унеле граюрэ доар ка нуме проприй жеографиче. Материалул топонимик черчетат а фост колектат немжилочит пе терен, ын тимпул експедицийлор, ши комплектат пе базэ де документе ши тексте

¹ Венелин Ю. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты. СПб., 1840.

² Miklosich Fr. Lexicon paleoslovenico-greco-latinum. Viena, 1862—1865.

векъ, ачаства май алес ын чей че привеште датаря топонимелор ши а нумелор компусе де ла каре провин. Нумеле топице анализате денотэ векъ урме де лимбэ суб диферите аспекте: лексикал, семантик, деривационал, морфоложик. Аич, ынсэ, не преокупэ ын мод спечиал реликтеле де ордин лексико-семантик.

Вом анализа пентру ынчепут кытева нуме топице де маре векиме, атестате ынкэ ын примеле документе славо-молдовенешть. Ачесте топониме провин де ла апелативе инекзистенте астэзэ ын лимбэ: *Кишинэу, Орхей, Шкяу* ш. а.

Ойконимулуй *Кишинэу* и с'а дат релатив ну демулт о ноуэ експликацие: *кишнэ* (сау *кишинэу, кишинэу*) — термин ентопик диспэрут, че ар фи авут сенсул де «извор, извор артезиан»³. Апелативул есте атестат ын документеле славо-молдовенешть дин сек. XV: *Албашев кешенев* «кишинэул луй Албаш» пе Бык (1436, Кост., I, 459, 462)⁴; *от червленога кешенева* «де ла кишинэул рошу» пе Ботна (1455, Кост., II, 531; 1458, Богд., I, 8). Ачест извор есте аминтит май тырziu, ын сек. XVIII, ку нумеле *Великий кишинев* «кишинэул чел маре»⁵. Уней чышмеле дин апропиеря сатулуй Требужень (р. Орхей) локалниций ши астэзэ ый зик *Кишинэу*. Ка локалитате Кишинэул (актуалул ораш) апаре менционат пентру прима датэ ынтр'ун хрисов дин анул 1466 (Богд., I, 116).

Етимонул *Орхеюлуй*, спре деосебире де чел ал *Кишинэулуй*, ну диспуне де атестэрь документаре. Презенца луй ын лимбэ есте доар пресупусэ. Ын режииуниле де ла вест де Карпаць, де тимпуриу популате де унгурь, екзистэ нумероасе топониме, каре пар сэ фие ырудите етимоложик ку *Орхеюл* ностру: *Орхей, Ошорхей, Ошорхел* ш. а Се креде, кэ формеле лор май векъ *Vorhel* (*Várhely*) ши, респектив, *Vásárhely* ау ла базэ апелативул унгуреск *var* «ораш, четате»⁶, примитивул терминулуй унгуреск *város*, каре ын лимба ноастрэ а дат *ораш*. Е фоарте посибил, ка ун апелатив *орхей* ку сенсул де «ашезаре фортификатэ, четате», че поате фи лесне дедус дин етимонул сзу унгуреск (*várhely* > *vorhely* > *uorhely* > *orhel*), сэ фи екзистат ын граюриле лимбий ноастре векъ, ку тоате кэ документеле времий ну-л атестэ. Ун аргумент ын плус ла ачаства есте, дупэ кум мэртурисеск вестигииле археоложиче, презенца ын трекут (сек. XV—XVI) а уней

³ *Богач Г. Ф.* Заметки по молдавской топонимике и идиоматике. — Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 12 (45). Кишинев, 1954, с. 94.

⁴ Абревиерь библиографиче: *Богд., I (II)* — *Bogdan I.* Documentele lui Ștefan cel Mare, I—II. Buc., 1913; *ДИР, А* — *Documente privind istoria României, A, Moldova.* Buc., 1954—1957; *ДР, А* — *Documenta Romaniae Historica A, Moldova*, vol. XXI. Buc., 1971; *Дрэг.* — *Drăganu N.* Români în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticeii. Buc., 1933; *Косч.* — *Costăchescu M.* Documentele moldovenești de la Ștefan cel Mare. Iași, 1933; *Косч. I (II)* — *Costăchescu M.* Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, I—II. Iași, 1931—1932; *МЕФ, I (II)* — Молдова ын эпока феудализмулуй, вол. I—II. Кишинэу, 1961—1978.

⁵ Записки Одесского общества истории и древностей, т. II, 1848, с. 563.

⁶ *Jordan I.* Toponimia românească. Buc., 1963, p. 309—310.

векъ четэць пе локул нумит астэзь *Орхеюл-Векъ*⁷. Ачестей четэць локалничий й-ар фи зис ын лимба лор *орхей*. Ну есте ексклусэ, ынсэ, ши о трансплантаре а топонимулуй дин режиуниле апусене де о веке популацие мигратoare.

Етнонимул *шкяу*, че репродуче нумеле латин ал славилор, ын специал ал популацией булгаре (*sclavus*, пл. *sclavi* < слав. ком. *slovéne*), демулт ну май аре циркулацие ын лимба ноастрэ. Извоареле векъ, ынсэ, ыл атестэ ка топоним: *Scley* (1438, Дрэг., 270), *ШКЪИ* (1455, Кост., II, 553), *Skey* (1480, Дрэг., 270), *Scheia* (1632, ДР., А, XXI, 133) ш. а.⁸, фапт че доведеште ын мод индирект, кэ ын трекут кувынтул ера фолосит фреквент ка апелатив. Ун сат ку нумеле *Шкея* екзиста ла ынчепутул сек. XVI пе териториул динтре Прут ши Нистру, апроксиматив пе локул унде се афлэ орашул Қахул де астэзь: «*Шкея*, ын гура Фрумоасей» (1502, Кост., 246—247), «*Шкей*, на оусти Фрумоасе, и у крѣници Мачеш, что на нижний конецъ Черленого озера» «Шкей, ла гура Фрумоасей, ши ла фынтына Мэчешул, че-й ын партя дин жос а лакулуй Рошу» (1503, МЕФ, II, 214, 217; 1529, МЕФ, II, 262, 265).

Пе база топонимией поате фи пресупусэ екзистенца унор кувинте де ынтребуинцаре рестрынсэ, пе каре нич граюриле локале ну ле май пэстрыэз астэзь. *Анинэ* (пл. *анинь*), дупэ кум се штие, есте ун кувинт диалектал, рэспындит астэзь май ку самэ ын естул ши суд-естул републичий. Ын граюриле сателор дин стынга Ниструлуй терминул есте куноскут песте тот ку ынцелесул де «нисип». Локуиторий унор сате дин райоанеле Криулень, Анений-Ной, Кэушань ши Суворов ыл фолосеск ку сенс пущин модификат: «нисип мэрунт», «нисип галбен мэрунт», «нисип алб», «нисип рошу» ш. а. Ария кувынтулуй диалектал *анинэ* купринде ши нумероасе нуме топиче де ачест фел: *Аниноаса*, *Аинь*, *Ла-Аинь* ш. а. Пе времурь, ынсэ, апелативул *анинэ* а циркулат ши ын райоанеле централе. Деспре ачаства не мэртурисеште топонимия. Ын хотарул сателор Буцень (р. Котовский), Кэприяна (р. Стрэшень) ш. а. екзистэ локурь нисипоасе, каре се нумеск *Анинуш*. Ачест нуме репрезинтэ ун дериват ал луй *анинэ* ку суф.-*уш*, авынд сенсул де «лок нисипос, нисипиш». Моделул формациилор кòлектив-локале ын -*уш* есте дестул де продуктив ын топонимия ноастрэ: *Кетруш*, *Скинуш*, *Теюш*, *Урзикуш* ш. а.

Нумеле локалитэций *Аинь* дин районул Котовский аре ачеш етимоложие. Пентру а ле диференция лингвистик, топонимулуй де датэ май речентэ и с'а адэугат детерминативул *Ной* — *Аиний-Ной*, челэалт май векъ рэмынынд интакт дин пункт де ведере

⁷ Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхей. — КСИМК АН СССР, вып. 56. М., 1954, с. 24—39; Полевой Л. Л., Бырня П. П. Средневековые памятники XIV—XVII вв. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 7. Кишинев, 1974, с. 86.

⁸ Везь ши алте нуме де ачест фел ла И. Иордан (Оп. чит., п. 284—285): *Скея*, *Валя-Скеилор*, *Скеюл*, *Скяуа*, *Скяул*, *Шкей*, *Штею* ш. а.

формал. Ла форма актуалэ *Анень* (*Анений-Ной*) с'а ажунс прин адаптаря нумелуй инициал (*Анинь*) ла типул деривателор ын *-ень*, деосебит де фреквенте ын топонимия молдовеняскэ.

Аша дар, топонимул ын дискусии денумя ла ынчепут ун лок нисипос пе валя Быкулуй, нисипишул алувионар де ла вэрсаря челор *кыцьва* мичь афлуенць де стынга ши де дряпта ай *рыулуй* Бык. Ултериор, нумеле респектив а фост прелуат де локалитатя ынтемеятэ ын вечинэтатя ачестуй лок. Конклузия, че се импуне аич, есте, кэ челе доуэ арий — диалекталэ ши топонимикэ — конничид нумай ын план историк, дар ну ши контемпоран.

Дин категория топонимелор, але кэрор кувинте-етимоане ну се май фолосеск астэзэ ын граюриле локале, фак парте:

Бутур (сат, р-нул Григориопол): *бутур* (вар. *бутурэ*, пл. *бутурь*) «бутуругэ», «трукь де копак». Апелативул паре сэ фие ын-рудит ку *ботэ* «вас фэкут дин доаже де лемн», *буте* (вар. *бутие* «бутой»; де аич *бутой*: *бут-* + суф. *-ой*), *бутук*, *бутуругэ*. Пентру етимоложие сэ се компаре: лат. *buttis* «вас де лемн ротунд», ит. *bólte* «бутой, бутояш», сп. *bota* «бутой», в. фр. *bote*, фр. акт. *botte* «бутояш»⁹. Ойконимул *Бутур* поате фи експликат, ынсэ, ши прин антроп. *Бутур*, пореклэ ла орижине («ом маре, здравэн»).

Замка (парте де терен агрикол, с. Перерыта, р-нул Бричень; лок ын пэдуре, с. Волоаве, р-нул Сорока): *замкэ* «ынтеритурэ, четате», «локул уней векь ынтеритурь» (<рус., укр. *замок* «кастел, четате»). Ын граюл унор сате дин нордул републичий терминул поате фи ынтылнит ку сенсул де «гард де пятрэ», «ынгрэдитурэ дин петроае».

Кичера (дял, с. Трушень, р-нул Стрэшень): *кичерэ* «дял ыналт, мунте», терминул фиинд експликат принтр'ун кувинт де орижине аутохтонэ **kikhera* (комп. алб. *k'ikel't*, *k'ikel'*)¹⁰. Алте локурь ку ачест нуме ла ной деокамдатэ н'ау фост ынрежистра-те. Топонимул апаре ынсэ фреквент ын зона мунцилор Карпаць ши ын режиуниле ынвечинате: *Кичера*, *Кичеря*, *Кичерул*, *Кичерна*, *Кичира*, *Кичора*, *Кичоара*, *Кичура*, *Кичурла*, *Тичера*, *Чичера*¹¹; *Великая Кичера*, *Кичера Круглая*, *Кичера-Росушка*, *Яворова Кичера*, *Цапова Кичера*¹² ш. а.

Лиштева, вар. *Лиштяву* (балтэ, с. Вадул-луй-Исак, р-нул Вулкэнешть). Хидронимул аре ла базэ аджективул *лиштяв*, каре одиниоарэ ынсемна «тулбур, норойос, млэштинос». Семнификация луй топонوماстикэ ар путя фи, деч, «апэ тулбуре», «лак млэштинос», «мочирлэ». Лакурь ши бэлць ку ачест нуме се ын-тылнеск фреквент ын делта Дунэрий.

⁹ А се ведя ши алте експликаций ла *Cioranescu C.* Diccionario Etimologico Rumano, fasc. I. Tenerife, 1958, p. 100, 118—119.

¹⁰ *Drăganu N.* Din vechea noastră toponimie.—Dacoromania, I. Cluj, 1921, p. 117—129.

¹¹ *Иордан И.* Оп. чит., п. 34, 364.

¹² *Поспелов Е. М.* Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат.—В кн.: Микротопонимия. М., 1967, с. 24—25.

Матка-Рункулуй (вале, с. Буцень, р-нул Котовский): *рунк* «лок дефришат», «поянэ ын пэдуре» (<лат. *runsus* < *runscare* «а пливи, а курэци»). Есте уникул топоним де ачест фел ынрежистрат пе териториул РСС Молдовенешть. Ария де рэспындице а терминулуй ентопик ши а формациилор топонимиче респективе сынт Карпаций. Аич сынт обышнуите нумеле де локурь: *Рунк(ул), Рункулец, Рункурелул, Рункушорул* ш. а.¹³

Погор (дял, с. Милешть, р-нул Ниспорень): *погор* «пантэ, ко-борыш», «дял» (<слав. *гора* «дял», ку преф. *по-*).

Приходиште (дял, с. Милешть, р-нул Ниспорень): *приходиште* «коастэ де дял», «пантэ, версант» (<в. слав. *приходище* «ынтоар-чере»).

Рэнишу (лак секат, с. Токиле-Рэдукань, р-нул Леова): *рэниш* есте ун дериват «локал» ку суф. *-иш* де ла апелативул топик *рэ-ние* (вар. *рение*), куноскут ын сателе прутене дин райоанеле Кахул ши Вулкэнешть ку сенсуриле де «лок ынтр'о апэ ку фонд нисипос ши неадынк», «цэрмул ынтинс ши нисипос ал уней апе». Ка топоним ши апелатив терминул *рэние* а фост ынрежистрат ын граюл локалитэцилор дин валя Ниструлуй, претуиндень, де ла Наславчя (р. Окница) пынэ ла Паланка (р. Суворов). Ла Токиле-Рэдукань ши ын сателе прутене, ситуате ла норд де ачастэ локалитате, атыт *рэние*, кыт ши дериватул сэу *рэниш*, сынт некуноскуте де ворбиторь. Аич пентру ноциуниле аминтите се фолосеск респектив локуциуниле *праг нисипос, мал нисипос*, прекум ши терминул *скрунтар* (ын райоанеле Бричень, Единец, Рышкань), пентру амбеле ноциунь.

Фэгэдэу (сате ын райоанеле Флорешть ши Фэлешть). Пынэ одиниоарэ терминул *фэгэдэу* се фолосэ ын граюрь ку сенсул де «хан, оспэтэрие, кырчумэ» (<унг. *fogadó*). Ау дисперут векиле ханурь де ла друмуриле марь, а ешит дин ынтребуинцаре ши кувынтул прин каре ерау десемнате. Доар ын кынтечеле бэтрынешть май поате фи аузит ачест кувынт: «*Ла моарэ ла фэгэдэу/ Мэ'нтылний ку'н кукру-ал меу...*». Сенсул де «хан» ыл авя ши апелативул *ратуш* (<укр. *ратуш* «примэрие (урбанэ сау руралэ)» <жerm. *Rathaus*), пе каре, ынсэ, унеле граюрь ыл май пэстрызэ ынкэ ши ын зилеле ноастре. Ачест термин апаре ла ной мулт май фреквент ын микротопонимие.

Дикционареле ноастре ынрежистрызэ унеорь кувинте ку сенсурь ынвеките, ешите дин уз, куноскуте доар де ворбиторий инструиць ши де кэтре специализть: *браниште, грэдиште, отак, паланкэ, паркан, троян* ш. а.¹⁴. Експликациле ачестор кувинте, кредем, ар требуи ынсоците де менциуниле респективе: *ынвекит, историк, архайк*. Семнификациле лор векь ну ле май регэсим декыт ын топонимие.

¹³ Иордан И. Оп. чит., п. 23, 361, 458.

¹⁴ Дикционар експликатив ал лимбий молдовенешть. Вол. I. Кишинэу, 1977; Дикционар молдовенеск-русеск. М., 1961 ш. а.

Апелативул *браниште* аре ынцелесул де «лок де пэдуре резерват пентру пэстраре», «пэдуре бэтрынэ», «мошие домняскэ» (<булг. *бранище*). Унул дин ачесте ынцелесурь а стат ла база ойконимулуй *Браниште* (сат, р-нул Рышкань).

Терминул *грэдиште* не-а венит дин славонэ (*градище*), унде авя сенсул де «фортификация преисторикэ», «локул уней векь ашезэрь оменешть». Документеле ноастре векь ыл атестэ доар ка топоним. О *Градиште* есте менционатэ ла 1502 ын судул Молдовей, апроапе де рыул Кахул (Кост., 248). О алтэ *Грэдиште*, дупэ кум реесе динтр'ун документ дин анул 1527, екзиста ын цин. Тигеч, «пе Ялпук, май сус де гура Рэдурасей» (ДИР, А, XVI, I, 239). Астэзь *Градиште* се нумеште ун сат дин районул Чимишлия, ситуат ну департе де Валул Троян (Валул луй Траян де Сус), локалитате че паре сэ ну фие май веке де сек. XIX. Топонимул актуал ар путя конституи о довадэ, кэ одинноарэ кувынтул *грэдиште* май ера ынтребуинчат ын партя локулуй.

Паланкэ авя сенсул де «лок ынтэрит пентру апэраре», «табэрэ», «четате». Ку ынцелесул де «четате» есте фолосит ын летописецул луй Мирон Костин: «Ын мижлокул мунцилор ера о *паланкэ* де зид ши трас зидюл ден рыпа а унуй мунте пынэ ын рыпа алтуй мунте. Че кынду ам соситу ной, ам афлат *паланка* ши локул ачела пустию де оамень»¹⁵. Ион Некулче, констатиынд фаптул кэ леший ну пря се прегэтисерэ де инвазия турчилор, не релатязэ: «Леший... ниче оасте ау гэтит ымпотрива Туркулуй, ниче Каменица ау ынтэрит-о ку нештикавай ошть..., ниче цара лор ну се беженисэ пен *пэлэнчэ*...»¹⁶. Пе времурь пэлэнчиле се конструяу дин пятрэ сау дин леми ши пэмынт, дин трункюрь де копачь ашезачь оризонтал сау дин парь грошь, аскуциць ла капэтул де сус, ынфиць ын валул де пэмынт ку шанц ымпрежур. Ын граюрь кувынтул *паланкэ* ера куноскут ши ку алте ынцелесурь: 1. «адэ-пост пентру вите (ын кымп)»; 2. «гард де скиндурь (ляцурь, прэжинь) ашезате оризонтал»; 3. «трукнь де копак, пар, стылп»; 4. «копак доборыт ла пэмынт»; 5. «пэдуре доборытэ де вынт сау прин тэеря копачилор» ш. а. Ачест ултим сенс а стат ла база експресией идиоматиче *а да (а фаче) паланкэ*, чей че ынсямнэ «а кулка ла пэмынт, а доборы». Сенсул де «ынтэритурэ, фортификация», «четате» а стат ла база мултора динтре нумеле ноастре топиче (*Паланка* — локалитэць ын райоанеле Кэлэрашь, Сорока, Суворов ш. а.). Урмеле уней четэць де пятрэ, ку турнурь пе ла колцурь, се май пэстрау пынэ ну демулт ын апропиеря сатулуй *Паланка* дин районул Суворов.

Троян инициал ынсемна «фортификация стрэвеке, констынд динтр'ун вал лунг де пэмынт, ку шанц де апэраре». Етимонул луй, слав. *граница* репродуче нумеле ымпэратулуй роман *Traianus*, кэруя, потривит традицией, й-ау фост атрибуте апроапе тоате

¹⁵ Мирон Костин. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1972, п. 238.

¹⁶ Ион Некулче. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1974, п. 90.

фортификацииле стрэвекъ, ын деосебъ валуриле де пэмынт дин суд-естул Еуропей. Ла семнификация актуалэ а терминулуй *троян* — «ноян де зэпадэ, нэмете» — с'а ажунс прин асемэнаря реалинлор. Чя май веке менциуне документарэ а топонимулуй молдовенеск *Троян*, нумеле Валулуй луй Траян де Жос (р-нул Вулкэнешть), датязэ дин 2 юлие 1502 (Кост., 93, 246, 249, 250)¹⁷.

Отачь (орэшел, р-нул Окница). Аич требуе адмисэ семнификация примарэ а терминулуй *отак* — «ашезаре де трупе милитаре; кантонамент» (<турк. *otak* «корт маре»). Ойконимул репрезентэ форма диалекталэ де плурал а кувынтулуй-етимон (плуралул обшинуит финнд *отакурь*). Урмеле унор ынтэритурь милитаре се май пэстрязэ ши астэзь ла Отачь. Елоквенте ын ачест план сынт микротопонимеле локале: *Бастиоане, Батерия, Подул-Туркулуй*. Нумеле сатулуй Отак дин р-нул Резина ар путя сэ айбэ сенсул, пе каре терминул дискутат л-а кэпэтит ултериор ын граюриле лимбий ноастре: «локуинцэ ын кымп, сервинд ка адэпост чобанилор сау мунчиторилор агриколь ын тимпул лукрулуй», «тырлэ де ой сау вите», «стынэ».

Урмэтоареле нуме топиче не ынфэцишазэ формаций деривативе рар ынтылните сау, ын жёнерал, нефолосите астэзь:

Дубэсарь (ораш, центру административ районал): дериват ку суф. -арь де ла апелативул *дубас* «лунтре маре, сервинд ла пескуит ши ла тречеря де пе ун цэрм пе челэлалт ал уней апе», «понтон». Дубэсарий, векюл сат де пе малул дрепт ал Ниструлуй, ва фи фост, пробабил, о ашезаре, ай кэрей локуиторь фэчяу дубасурь сау суправегяу вре-ун под, конструит дин дубасурь.

Корчоварь (махала, с. Котюжень, р-нул Бричень): *корчовар* (-кочорвар) «мештер каре конфекциязэ кочорве».

Кэрбунарь (парте де терен агрикол, с. Хлижень, р-нул Резина): *кэрбунар* «персоанэ каре фабрике ши винде кэрбунь де лемн». Нумеле сатулуй Кэрбуна (р-нул Кутузов), прекум ши микротопонимеле де маре фреквенцэ дин хотарул сателор де кодру: *Кэрбунэрия, Кэрбунэрий, Кэ(р)борница* ш. а., пэстрязэ аминтиря ачестей стрэвекъ окупаций а оаменилор дин партя локулуй.

Станциерь (нумеле унуй сат стрэмутат, ситуат май ынаинте ын р-нул Глодень): *станциер* (<*станции*+суф. *ер*) «персоанэ ынсэрчиннатэ ку паза ши ынтрецинеря уней стаций де друм, а поштей».

Фэтэчуня (пэшуне ши пэдуре, с. Кэцелень, р-нул Ниспорень): *фэтэчуне* «лок превэзут пентру анималеле каре фатэ». Семнификация пасторалэ ну май есте куноскутэ астэзь де локалничь.

Динтре векиле феномене фонетиче, каре шы-ау гэсит рефлектаре ын топонимия ноастрэ, ле менционэм доар пе урмэтоареле:

а) префачеря луй *в* ын *у* ын нумеле топиче де орижине славэ: *Василково* — *Василкэу* (сат, р-нул Сорока), *Воронково* — *Воронкэу* (сате, райоанеле Сорока, Рыбница), *Марковци* — *Мэркэуцэ*

¹⁷ Везь ши: *Ghibănescu G. Surete și izvoade*, IX. Iași, 1914, p. 8—10.

(сате, райоанеле Бричень, Криулень), *Трифовци* — *Трифэуць* (сат, р-нул Сорока) ш. а.

б) дифтонгаря луй *о* акцентуат ын топонимеле де орижине сла-
вэ: *Болото* — *Болоата* (рыулец, афл. ст. р. Кэинар, р-нул Сорока),
Глубока(я) — *Хулбоака* (сате, райоанеле Орхей, Стрэшень) ш. а.

в) префачеря луй *г* ын *х* ын топонимеле славе проприу-зисе:
Глиное — *Хлиная* (сат, р-нул Единец), *Городище* — *Хородиште*
(сате, райоанеле Дондушень, Резина, Рышкань), *Гриновци* — *Хри-
нэуць* (сат, р-нул Единец) ш. а.

Ын топонимие шь-ау гэсит оглиндире ши унеле феномене ши
прочедее векь морфоложиче:

а) формаря женитивулуй ку ажуторул препозицией *де*: *Та-
раклия-де-Салчие*, *Тартаул-де-Салчие* (сате, р-нул Кахул), *Хэнэ-
сений-де-Пэдуре* (сат, р-нул Леова) ш. а.

б) формаря женитивулуй персоаней III прин енклиза артико-
лулуй хотэрыт: *Валя-Бэнарулуй* (с. Валя-Русулуй, р-нул Фэ-
лешть), *Гырла-Тэбэранулуй* (с. Пруть, р-нул Фэлэшть), *Одая-
Крецулуй* (с. Фештелица, р-нул Суворов) ш. а.

в) субституиря дезиненцей плуралулуй *-урь* прин *-е* ла суб-
стантивеле амбижене: *отакурь* — *Отаче*, каре ултериор а дат
Отачь, прин адаптаря ла моделул топонимелор ку форме де плу-
рал ын *-ь* (*Отачь*, орэшел, р-нул Окница).

г) сингуларизаря формей де плурал, феномен спечифик ло-
кал: *тэурь* — *Тэуря*, девенит ултериор *Тэура* (Тэура-Веке ши Тэу-
ра-Ноуэ — сате, р-нул Лазовск) ш. а.

Топонимия молдовеняскэ пэстрызэ нумероасе кувинте ши тер-
минь дин граюл популяций конлокуитоаре, пе каре ворби-
торий лимбий респективе ну ле май фолосеск. Инвентариеря ши
студиеря лор ва контрибуи ла куноаштера май профундэ а фе-
номенелор де билингвизм, а контактелор динтре лимбь ши гра-
юрь, а партикуларитэцилор лексикулуй лимбилор ши граюрилор
респективе. Презинтэ интерес, дин ачест пункт де ведере, эле-
ментеле де вокабулар фолосите кындва де ворбиторий граюри-
лор русешть сау украинене, астэзь куноските нумай ка топониме:
Волоака (пэдуре, с. Хородиште, р-нул Кэлэрашь): *волока* «лун-
кэ ымпэдуритэ», «пэдуре»; *Копанка* (сат, р-нул Слобозия): *ко-
панка* «яз мик сэпат», «извор», «фынтыницэ»; *Болотина* (сат.
р-нул Глодень): *болотина* «бэлтоакэ», «млаштинэ»; *Печиште*
(сат. р-нул Резина): *печище* «сат дин кытева касе, сэтук»; «ват-
ра унул сат диспэрут»; *Избиште* (сат, р-нул Криулень): *избище*
«локул уней касе диспэруте, дэрымате», «ватрэ де сат векь»; *Сту-
день* (лок ын пэдуре, с. Иванчя, р-нул Орхей): *студень* «извор»,
«фынтыницэ»; *Теребна* (рыулец, афл. ст. р. Прут): формацие
поствербалэ ку суф. *-н-* (*а*) де ла слав. *теребити* «а курэци, а дес-
пэдури»; *Теребна* — «(вале) деспэдуритэ, дефришатэ» ш. а.

Дин пункт де ведере лексико-семантик, принципалул ностру
аспект де анализэ ын казул де фацэ, нумеле топиче дискутате
пот фи групате ын урмэтоареле трей категорий:

1) Топониме провените де ла апелативе инекзистенте астэзы ын лимбэ, дар менционате ын текстеле векь сау пресупусе ка екзистенте ын лимба ноастрэ веке: *Кишинэу, Орхей, Шкяу* ш. а.

2) Топониме провените де ла апелативе некуноскуте астэзы де ворбиторий локалничь, дар екзистенте ын граюриле алтор локалитэць сау режинуь: *Анинуш, Бутур, Замка, Кичера, Лиштева, Погор, Приходиште, Рэниш, Фэгэдэу* ш. а.

3) Топониме провените де ла апелативе куноскуте ын презент де ворбиторь, дар ку ун алт ынцелес декыт чел векь, инициал: *Браниште, Градиште, Отак, Паланка, Пэркань, Троян* ш. а.

Ам экзаминат аич доар кытева дин элементеле векюлуй ностру вокабулар. Ачаства ар путя конституи ынчепутул унор черчетэрь де амплоаре, атыт прин апликаря унуй материал фактоложик май богат, кыт ши прин абордаря унуй комплекс май амплу де проблеме. Есте евидент деокамдатэ, кэ номенклатура ноастрэ топикэ не поате фурниза ын ачест скоп материалеле ши информаций де прец.

ДРЕВНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МОЛДАВСКОЙ ТОПОНИМИИ*

Резюме

Изучение древней лексики молдавского языка давно находилось в центре внимания многих специалистов филологов. К этому вопросу обращались в свое время Ю. Венелин, Фр. Миклошич, Б. П. Хашдеу, Н. Я. Яцимирский и др.

Изучение истории языка на базе письменных памятников — это наиболее правильный, и в конечном счете, наиболее плодотворный путь исследования. К сожалению, самые древние письменные памятники молдавского языка относятся лишь к XVI в. Более ранние документальные свидетельства лексических элементов единичны. Однако, в отсутствие письменных источников на помощь приходят устное народное творчество, говоры национального языка, ономастика, главным образом топонимия. Географические названия весьма устойчивы, сохраняются надолго, становясь своеобразными историческими памятниками. Они отражают явления и процессы, присущие языку с самых древних времен.

В данной статье рассматриваются некоторые элементы лексики, которые используются в современном молдавском языке и в некоторых его говорах только в качестве топонимов и микротопонимов. Топонимический материал основывается на экспедиционных записях автора и на сведениях, извлеченных из различных архивных источников. Анализ производится в лексико-семантическом плане. С этой точки зрения исследуются, в первую очередь, топонимы, которые возникли на основе апеллятивов. Некоторые из них, встречающиеся в славяно-молдавских грамотах, по всей вероятности, существовали и в древнемолдавском языке: *Кишинэу, Орхей, Шкяу* и др.

Ойконим *Кишинэу* объясняется через древнемолдавский исчезнувший апеллятив *кишинэу* (*кишнэу*) «источник, родник». В древних документах упоминается несколько таких источников: *Албашев кешенев* (1436), *от червленого кешенева* (1455). О топонимическом бытовании этого термина говорит и

* Русское резюме Магдалены Лунгу.

то, что родник, находящийся на территории села Требужны Оргеевского района, носит и сейчас название *Кишинэу*.

Предполагается, что в основе топонима *Орхей* лежит венгерский термин *var* «город, крепость». Возможно, что апеллятив *орхей* со значением «крепость» бытовал в древнемолдавском языке. Доказательством могут послужить археологические данные, которые подтверждают существование в древности небольшой крепости на месте современного исторического памятника Старый Орхей. Не исключено также, что Орхей — это переносное название, данное мигрирующим населением. Этноним *икляу* «болгарские славяне» давно не употребляется в живой речи, однако многочисленные ойконимы *Шкея*, встречающиеся в славяно-молдавских грамотах, свидетельствуют о том, что это слово когда-то употреблялось и в качестве апеллятива.

Отдельную категорию составляют топонимы, возникшие из апеллятивов, значение которых сегодня не знакомо местным жителям. Все же эти слова встречаются в говорах некоторых других районов. Так, например, диалектальное слово *анинэ* «песок» распространено в основном в восточной и юго-восточной части республики. Однако, топонимия доказывает, что термин *анинэ* бытовал и в центральных районах Молдавии, и это подтверждается наличием многочисленных макро- и микротопонимов: *Аниноаса*, *Анинуш*, *Анинь*, *Ла-Анинь* и др. (Ср. микротопонимы *Анинуш*, обозначающие песчаные места, расположенные на территории с. Буцены, Котовского района и с. Кэприня Страшенского р-на). Топоним *Анинь* (село в Котовском районе) имеет ту же этимологию: *анинэ*, множественное число *анинь*. Ойконим *Анений-Ной* (<*Анень* <*Анинь*) вначале обозначал песчаное место в долине реки Бык, отражая особенности рельефа. Позднее название перешло и на основанное вблизи поселение. Подобным образом рассматриваются и другие топонимы: *Бутур* <*бутур* «дупло». Не исключено и его антропонимическое происхождение — *Бутур* (прозвище); *Замка* <*замкэ* «замок» (в некоторых говорах употребляется и со значением «каменный забор»); *Кичера* <*кичерэ* «высокий холм, гора»; *Лыш-тева* образовано путем топонимизации прилагательного *лыштяв* «болотистый»; *Матка-Рункулуй* <*рунк* «корчевье»; *Погор* <*погор* «склон»; *Приходиште* <*приходиште* «скат, склон»; *Рэнишу* <*рэние* «место в воде с неглубоким дном», «песчаный берег» + суффикс *-иш*. В функции топонима и апеллятива *рэние* был зарегистрирован в говорах населенных пунктов, расположенных вдоль всего Днестра; *Фэгэдэу* <*фэгэдэу*, до недавнего времени означавшее «корчма у дороги», «заезжий двор». В этом же значении употребляется и апеллятив *ратуш*, который сохраняется и сейчас в некоторых говорах в качестве топонима.

Современные словари часто дают слова с устаревшими значениями: *браниште*, *грэдиште*, *отак*, *паланкэ*, *паркан*, *троян* и др. Толкование значений этих слов должно сопровождаться соответствующими пометами: *устаревшее*, *историческое*, *архаическое*, так как некоторые их значения представлены только в топонимии. Апеллятив *браниште*, например, означал «заповедный лес», «старый лес», «господское имение». Одно из этих значений лежит в основе ойконима *Браниште* (село в Рышканском районе). Термин *грэдиште* «городище» (древнее укрепление, место древнего поселения) фиксируется в славяно-молдавских грамотах только в функции топонима. Современный ойконим *Градиште* (село в Чимишлийском районе) служит доводом того, что термин *грэдиште* бытовал и как апеллятив. *Паланка* (<*паланкэ* «крепость») широко представлен в современной топонимии. В говорах термин известен в нескольких других значениях, одно из которых «поваленный лес» лежит в основе фразеологического сочетания *а да (а фаче) паланкэ* — «сбить с ног кого-либо, убить наповал кого-либо». Первоначально слово *троян*, к которому возводятся топонимы *Валул-луй-Траян*, означало «древнее укрепление, состоящее из длинного вала с защитной канавой. Современное значение «сугроб» было приобретено по аналогии реалий.

Следующие топонимы доводят до нас дериваты, которые редко употребляются или вообще не употребляются в настоящее время: *Дубэсарь* < *дубас* «большая рыболовецкая лодка, понтон». Возможно, местные жители занимались изготовлением понтонов или сторожили здесь понтонный мост; *Корчоварь* < *корчовар* «человек, изготавливающий кочерги»; *Кэрбунарь* < *кэрбунар* «человек, который занимается изготовлением и продажей древесного угля». Об этом древнем занятии наших предков напоминают многочисленные микротопонимы: *Кэрбунэрия*, *Кэрбунэрий*, *Кэ(р)борница* и др.; *Станциерь* < *станциер* «человек, который уполномочен присматривать за дорожной стоянкой, за почтой».

В топонимии отражаются и многие древние фонетические и морфологические явления, процессы и т. д.

Здесь подвергаются анализу лишь некоторые элементы древней молдавской лексики. Это может послужить началом дальнейших исследований с привлечением более обширного фактического материала и рассмотрением широкого комплекса проблем.

МОЛДАВСКО-РУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

АКТИВИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

В «Предисловии» к первому изданию «Капитала» Карл Маркс писал, что «всякая нация может и должна учиться у других»¹. Это утверждение основоположника научного коммунизма относится как к нации в целом, так и к языку любой нации. Молдавский народ на протяжении многих столетий контактировал и продолжает контактировать со славянскими народами и в первую очередь с русским и украинским. Этот прямой и непосредственный контакт безусловно отразился на «облике» молдавского языка. Образно говоря, молдавский язык развивался и продолжает развиваться лицом на Восток. Все уровни молдавского языка буквально усеяны славянскими элементами. Сказанное относится главным образом к лексике, хотя и остальные языковые уровни впитали в себя большое количество славянских элементов², чем, собственно говоря, и отличается молдавский язык от западнороманских языков. «В социолингвистическом аспекте, — пишет акад. Г. В. Степанов, — молдавский язык есть самостоятельный — в смысле свободного, независимого функционирования и развития — язык молдавской нации, имеющий типичную структуру любого развитого национального языка, то есть располагающего собственным литературно-письменным стандартом, специфической формой литературно-разговорной речи, связанной с формами обиходно-разговорной речи и говорами молдавского национального ареала»³.

Здесь мы попытаемся показать, как активизируется в синтаксисе современного литературного языка ряд моделей под непосредственным влиянием русского языка. С целью наиболее полного выявления синтаксических новшеств в молдавском языке на сов-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10.

² По этому вопросу имеется обширная библиография. См. главным образом монографию *Ильяшенко Т. П.* Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М.: Наука, 1970 и приводимую автором богатую библиографию на с. 185—204.

³ *Степанов Г. В.* Объективные и субъективные критерии определения понятия «вариант языка». — В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев: Штиинца, 1976, с. 13.

ременном этапе его развития целесообразно рассматривать данный вопрос на фоне близкородственных языков. Однако, как отмечает проф. Р. А. Будагов, «проблема соотношения между близкородственными языками сложнее проблемы соотношения между родственными языками, не имеющими между собой такой степени близости — лингвистической и историко-культурной»⁴. По степени родственности из всех романских языков молдавский литературный язык стоит ближе к румынскому литературному языку. Вот почему, когда мы говорим о синтаксических инновациях в одном из указанных близкородственных языков, то их следует изучать не столько в плане структурного несходства, сколько, главным образом, «функционального несходства»⁵. В статье акад. Г. В. Степанова подчеркивается, что в процессе изучения близкородственных языков одно из главных требований состоит «не только в выявлении того что функционирует, но и того как функционирует»⁶. Языковые факты, почерпнутые из разных литературных стилей современного молдавского языка вполне подтверждают выше процитированное положение. Обратимся к примерам. И в молдавском, и в румынском языке существует многозначный глагол *a lucra* <лат. *lucubrare, lucrare*⁷. Общее, доминантное значение данного глагола сводится к русскому «работать». Глагол *a lucra* бипозиционный, обладает целым набором дистрибутивных формул. В первой, или предикативной позиции, глагол *a lucra* не претерпел никаких дистрибутивных изменений. Однако во второй, полусвязочной, позиции глагола *a lucra* можно наблюдать в последнее время определенные сдвиги синтагматического характера. Так, со значением «занимать какую-то должность» глагол *a lucra* раньше (в довоенные годы) сочетался с предложным именем в функции предикатива, генерируя следующую дистрибутивную формулу: V + Прер. (loc. прер.) + N(асс.), то есть *a lucra + предлог* (предложное сочетание) *ка, ын калитате де + имя существительное*. Например: *Ион лукрызэ ка (ын калитате де) инжинер*⁸. Необходимо отметить, что такая сочетаемость данного глагола в позиции полусвязочного группы *angajandi* выступает в качестве облигаторной дистрибутивной формулы и в современном румынском литературном языке. Не трудно догадаться, что предложная дистрибутивная модель глагола *a lucra* копирует соответствующую французскую

⁴ Будагов Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения. — В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев: Штиинца, 1976, с. 3—4.

⁵ Там же, с. 4.

⁶ Степанов Г. В. Указ. соч., с. 10.

⁷ Очерк исторического развития данной лексической единицы находим у немецкого академика Вернера Банера (см. Банер В.: Ономастологические особенности развития латинских элементов румынской лексики. — В кн.: Общее и романское языкознание (В честь 60-летия члена-корреспондента АН СССР, проф. МГУ Р. А. Будагова). М., 1972).

⁸ Подробнее об этом см.: Чобану А. И. Синтаксис полусвязочных глаголов в молдавском языке. Часть II. Кишинев: Штиинца, 1978, с. 145.

модель с глаголом *travailler* «работать», например: *Jean travaille comme (en qualite de) ingénieur*.

В современном молдавском (литературном и разговорном) языке в последнее время появилась и стала распространяться беспредложная модель с глаголом *a lucra* во второй позиции. Сейчас все чаще говорящие и пишущие прибегают не к триномной формуле V (а *lucra*) + Pгер. + N (асс.), а к биномной V (а *lucra*) + +N (ном.) *Ион лукрязэ инжинер; Мария лукрязэ ынвэцэтоаре* и т. д. Как могла появиться биномная дистрибутивная формула глагола *a lucra* во второй позиции? По нашему твердому убеждению, ответ на данный вопрос следует искать в соответствующих моделях русского языка. Так, глагол *работать* во второй позиции сочетается, как правило, с именем существительным в творительном падеже, генерируя облигаторную дистрибутивную формулу V + N (instr.), например: *Ваня работает инженером; Мария работает учительницей* и т. д. Именно под влиянием такой русской синтагматики носители молдавского языка стали заменять триномную облигаторную дистрибутивную формулу глаголом *a lucra* во второй позиции биномной формулой. При этом следует учесть и тот факт, что, поскольку в молдавском языке не существует творительного падежа, предикатив имени выступает в именительном падеже. Отметим еще один любопытный факт: быстро, можно сказать, всеобщему распространению и употреблению биномной структуры модели глагола *a lucra* во второй позиции способствовал и фактор экстралингвистического характера. Дело в том, что в молдавском языке глагол *a lucra* со значением «занимать какую-либо должность» стал чрезвычайно употребительным в связи с развитием культурного уровня молдавского народа. Частотность употребления указанной структурной модели объясняется также быстрым распространением многочисленных профессий как среди мужчин, так и среди женщин.

В связи с появлением в письменном и устном узусе новой синтаксической модели, возникает законный вопрос: каково должно быть отношение лингвистов к этой модели? Следует ли ее признать, или необходимо не признать и отвергнуть. Мнения молдавистов по данному вопросу разошлись. Одни считают, что биномные дистрибутивные формулы с глаголом *a lucra* во второй позиции являются ненормативными, структурно избыточными и, следовательно, литературный язык может обходиться и без них. Другие же, наоборот, полагают, что данная синтаксическая инновация вполне соответствует литературной норме, ибо в молдавском языке почти все глаголы во второй (полусвязочной) позиции сочетаются с беспредложным именем (н. п. *с'а фэкут шеф, а девенит инжинер, а рэмас министру, с'а декларат републикэ, се симте стэпын, се ну-меште Ион* и др.). Кроме того, беспредложная модель с глаголом *a lucra* более проста, «непретенциозна» и информативно более конкретна. Стало быть и со структурной, и с информативно-коммуникативной точек зрения нет серьезных оснований для того,

чтобы не признавать новую дистрибутивную модель глагола *а лукра*. И это тем более, что беспредложная модель широко употребляется в произведениях современных молдавских писателей. Вот некоторые примеры: *Пе атунч ел лукра ынвэцэтор ла Хынчешть* (Ж. Менюк); *Антип Назар лукраसे директор ла шкоалэ* (Г. Георгиу); *Ай сэ лукраезь ученик ла майстру Горовей* (В. Рошка).

Примеров можно привести множество, но в этом нет необходимости, ибо каждый носитель современного молдавского языка уже давно свыкся с беспредложной конструкцией глагола *а лукра* во второй позиции и постоянно употребляет ее в устной и письменной речи. Думается, что перед нами весьма интересный и своеобразный случай переплетения и взаимодействия диахронии и синхронии на уровне лексики и синтагматики. В чисто диахронном плане глагол *а лукра* монопозиционный и обладает значением латинского *laborāre*, однако в синхронном плане этот глагол бипозиционный и кроме значения *laborāre* он получает и значение «ангажироваться, работать в должности кого-либо». Таким образом, становится ясным, что при анализе любого лексического элемента (в нашем случае — глагола *а лукра*) необходимо идти не только по вертикали, но и по горизонтали и наоборот. Проф. Р. А. Будагов справедливо отмечает, что «современный исследователь обязан не только разграничивать такие понятия, как синхрония и диахрония, стихийное и сознательное, но и понимать многообразные формы постоянного взаимодействия между ними. Тогда факты словаря предстанут и в своих лингвистических, и в своих общекультурных аспектах (подч. нами — А. Ч.)»⁹. И на самом деле, пример с глаголом *а лукра* не только лингвистический, но и своего рода «общекультурный», так как речь идет о расширении значения этого глагола и об увеличении частотности его употребления во второй позиции вследствие определенных изменений в социальной и культурной жизни самих носителей молдавского языка¹⁰. Таким образом, есть основание полагать, что изучаемая здесь синтаксическая модель может быть допущена в качестве литературной нормы на положении дублетов. Правда, существует немало лингвистов, которые настойчиво критикуют дублетные формы на всех уровнях языка. Они утверждают, что дублеты не совместимы с понятием литературной нормы и поэтому стремятся освободиться от дублетности. Мы придерживаемся несколько другой точки зрения. Для нас литературная норма — это историческая категория, которая находится в постоянном движе-

⁹ Будагов Р. А. История слов и история общества. М., 1977, с. 251.

¹⁰ Под влиянием социальных, экстралингвистических факторов семантические и синтагматические сдвиги произошли и у ряда других лексических единиц молдавского языка. См.: Корлэтяну Н. Г. Дифференцированное развитие языковых уровней и их отношение к социальной обусловленности. — В кн.: XII Международный социологический конгресс. Варна, 1970; Советская социологическая ассоциация. М., 1970, с. 4—11; Корлэтяну Н. Г. Билингвизм и полисемантизм. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972, с. 126—127.

нии и развитии. И хотя это движение протекает весьма медленно и спокойно, без порывистых скачков и сдвигов, все же оно время от времени дает о себе знать. Дублетные формы появляются сначала в разговорном языке, в речи, а потом постепенно некоторые из них, наиболее адекватные, проникают и в литературный язык. В этой связи, хочется думать, что акад. Л. В. Щерба не случайно выбрал в качестве эпиграфа к своей замечательной статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» следующие слова: «Nihil est in grammatica quod non fuërit prius in dicto»¹¹. Спора нет, отдельные языковые инновации, возникшие в живой речи, пробивают себе путь и в литературный язык, вписываясь в разные функциональные стили. Таким путем они могут достигнуть ранга литературной нормы и функционировать на положении литературного дублета. Лишь *узус* и *время* решает судьбу таких дублетов. В этой связи нам представляется весьма важным и верным следующее утверждение проф. Р. А. Будагова: «Стремясь к разграничениям, язык, однако, известное время (нередко длительное) «терпит» дублетные формы, чтобы позднее провести между ними дифференциацию. Дублетность — материал для дифференциации. Но дублетные формы обычно не сразу разграничиваются. Им надо некоторое время «побыть» в языке, чтобы дать ему возможность разобраться в самом этом материале»¹². Таким образом, **дублетные формы** — это неотъемлемый элемент развития самого языка. Они, конечно, «грызут» старую норму, но вместе с тем способствуют развитию языка и становлению новой, более приемлемой нормы на определенном этапе развития того или иного литературного языка. Прав был акад. Л. В. Щерба, который полагал, что язык находится «все время в состоянии лишь более или менее устойчивого, а сплошь и рядом и вовсе неустойчивого равновесия»¹³. И эта относительная неустойчивость во многом объясняется также постоянным появлением разного рода дублетов, которые оказывают определенное давление на старую норму.

Остановимся сейчас на другой синтаксической модели, которая также существенно активизировалась в последнее время под влиянием русского языка. Речь пойдет о сочетаниях, образованных с глаголом *а фаче* «делать» в третьем лице настоящего или прошедшего времени изъяснительного наклонения и другого глагола в конъюнктиве или инфинитиве, по формуле V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.). Например: *фаче сэ привешть* (ачест филм), *фаче сэ читешть* (ачестэ карте) и т. д. Необходимо отметить, что в молдавском языке глагол *а (се) фаче* унаследован из латыни. Он трипозиционный, выступая в первой (предикативной) позиции (*ел фаче лекцииле*), во второй (полусвязочной) позиции (*ел с'а фэкут инжи-*

¹¹ См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 24.

¹² Будагов Р. А. Человек и его язык. Второе расширенное издание. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 163.

¹³ Щерба Л. В. Указ. соч., с. 50.

нер) и наконец в третьей (полувспомогательной) позиции (ел се фаче а ну ши). Все эти три позиции глагола а (се) фаче употребляются в языке с самых древних времен и не вызывают никаких возражений в нормативном плане. Вместе с тем следует отметить, что, если первые две позиции изучаемого глагола остались без изменений на протяжении многовекового развития молдавского языка, то третья позиция претерпела определенные структурно-семантические модификации. Как мы уже отметили выше, глагол а (се) фаче в биномном сочетании $V_1 + V_2$ может выступать с модально-безличным значением (форма: фаче, копируя соответствующую русскую модель *стоит+инфинитив* — стоит прочесть, стоит посмотреть, стоит побывать и др.). Любопытно то, что указанная структурная модель почти не встречается в произведениях классиков молдавской литературы XIX столетия. Нами зарегистрирован лишь один пример в прозе Б. П. Хашдеу. Вот он: «Ун сингур евенимент де женул ачестуя, прин каре се илустрасе оарекынд Иерострат, фаче сз трэяскэ ын историе нумеле ачестуй сомнорос Нерон» (Опере алесе, 1956, с. 233). Совершенно другая картина наблюдается в молдавском языке в послевоенные годы. Под непосредственным влиянием русской модели *стоит+инфинитив* биномная глагольная конструкция типа V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) стала активно проникать вначале в периодическую печать, а затем и в произведения художественной литературы. Приведем лишь некоторые примеры самых последних лет: «Авынд ын ведере тоате ачестя, кредем, кз фаче сз се депунэ унеле ефортурь организаториче ши материале пентру а конструи касе де одихнэ»... (Молд. Соч., 21-VII-76, с. 4); «Май фаче оаре сз ворбешть де траумеле суфлетешть, каузате фиекэруй мембру ал колективулуй?» (Культура, 6-I-76, с. 4); «Фаче сз нотэм фаптул кэ...» (Молд. Соч., 7-IV-77, с. 4); «Вай де мине, паркэ фаче сз ле акордаць атенцие?— ынтрэ ын ворбэ Казимир» (Молд. Соч., 26-VIII-78, с. 4); «Фаче сз фие нотат ши ун алт фапт...» (рев. «Молдова», № 8, 1979, с. 27); «Кред, кз фаче сз пунем ын дискуцие проблема формэрий артистулуй» (рев. Молдова, № 11, 1980, п. 68); «Фаче! Зэу кз фаче сз кэлэторешть песте хотаре» (Лит. Арт., 28-VIII-80, п. 8); «Фаче сз ворбим ши деспре ынсушь фаптул акордэрий титлулуй де специалитате» (Молд. Соч., 17-VII-80, с. 3); «Дэ-о'нколо де фацэ де масэ, ну фаче сз-ць дистружь нервуй пентру орьче фляк» (Лит. Арт., 1-I-81, с. 8); «Ну шиу дакэ фаче сз май ворбеск деспре аста» (Молд. Соч., 21-I-81, с. 3).

Конечно, носителю молдавского языка не составило бы большой трудности заменить биномную конструкцию V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) семантическими эквивалентами: (ну) меритэ сэ..., (ну) поць сэ... и др., однако они не передают в полной мере значения и нюансов значения модальных сочетаний с неизменяемой глагольной формой фаче «стоит». Кроме того, эвентуальные синонимы биномной модели V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) представляются говорящему слишком книжными, изысканными, и поэтому

он старается обойтись без них. Таким образом, разбираемая здесь синтаксическая модель получила развитие в разговорном языке не случайно, а потому что носители языка почувствовали в ней определенную потребность. В этой связи проф. Р. А. Будагов отмечает, что «Потребность (в широком смысле) говорящих на данном языке — вот основной фактор развития всякого языка»¹⁴. Именно потребностью можно объяснить и тот факт, что синтаксическая модель V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) пробилась себе дорогу и в литературный язык художественных произведений. Такие современные молдавские писатели Советской Молдавии, как Эм. Буков, Андрей Лупан, И. К. Чобану, Ж. Менюк, Анна Лупан, П. Крученюк, И. Друцэ, С. Шляху, Л. Барский и др., без оговорок ввели указанную модель в свои произведения. Приведем лишь несколько примеров из произведений современных молдавских писателей: «**Фаче сэ те аплечь де пе ачаствэ кулме эпокалэ спре хэцишуриле миленаге, пе унде а стрэбэтут омения пынэ азь**» (Андрей Лупан); «**Фаче сэ май траг нэдежде?**» (И. К. Чобану); «**Чела с'а уйтат лунг ла дынсул паркэ кибзуинд де фаче сэ-й рэспундэ, орь ну фаче**» (И. Друцэ); «**Ну фаче сэ рызь де аша чева**» (И. Друцэ); «**А кумпэрат ун харбуз, дар мь-а аминтит, кэ сынт ши пе ла дынший ын колхоз ши ну фаче сэ-л дукэ**» (Ана Лупан); «**Оаре фаче сэ-й ворбяскэ. омулуй ачаства аша динтр'о датэ?**» (С. Шляху); «**Ну фаче сэ те деранжезы!**» (Л. Барский); «— **Гата кынтекул? — а зымбит секретарул. Сэракул, сэрэкуц... фэчя оаре сэ перзь пентру ел времья?**» (М. Г. Чиботару).

Можно отметить, что изучаемая синтаксическая модель встречается не только в современной молдавской прозе, но и в поэзии. Вот примеры:

*Пентру идее,
Пентру ун крез,
пентру фриптурэ,
пентру орез,—
фаче сэ фачь прин Асия
о разие. (Ем. Буков)*

*Ну шиу, зэу, дакэ фаче
сэ те лас ши еу ын паче,
примэварэ! (Ем. Буков)*

*— Да. Ачаства, фрате, ый зидире!
Уйтэ-те ла ушь ши ла балкоане.
Челуй че-а'нэлцат аша клэдире
Фаче сэ-й те'нкинь ка ла икоанэ.
(П. Крученюк)*

Неограниченное употребление современными молдавскими писателями синтаксической модели V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) говорит о том, что данная модель уже стала литературной нормой. Пи-

¹⁴ Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М.; Л., 1965, с. 36.

сатели всегда были и остаются авторитетами в вопросах литературной нормы. Акад. Л. В. Щерба писал, что «литературная речевая деятельность, т. е. произведения писателей, в принципе свободна от неправильных высказываний, так как писатели сознательно избегают ляпсусов, свойственных устной речи, и так как, обращаясь к широкому кругу читателей, они избегают и тех элементов групповых языков, которые не вошли в том или другом виде в структуру литературного языка»¹⁵. И далее, тот же автор подчеркивает: «Поэтому лингвисты глубоко правы в том, что, разыскивая норму данного языка, обращаются к произведениям хороших писателей, обладающих очевидно и в максимальной степени тем оценочным чувством («чутьем языка»), о котором говорилось выше»¹⁶. Конечно, не следует забывать, что и писатели бывают разными, что и в художественных произведениях порой можно встретить то, что акад. Л. В. Щерба называл «ляпсусами». Однако в нашем случае данная оговорка не может поставить под сомнение нормативный характер синтаксической модели V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf), ибо эта структура встречается в произведениях отличных мастеров молдавского слова. Факты показывают, что такой блестящий знаток молдавского литературного языка, каким является писатель Жеорже Менюк, проявляет даже определенную «слабость» к модели V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.). Ее можно без труда обнаружить в разных работах этого писателя: *Фаче сэ-л читешть пе Доброжяну-Геря* («Ярба фяелор»); *«Оаре фаче сэ вэ ажитаць?»* («Колоана де тандреце»); *«Ау трекут мулць ань ши пердера ачаста (а каетелор ку поезий) мэ дура ка о ранэ. Дар ымь спуням дрепт алинаре, кэ ын рэзбой ау фост пердерь ши май марь ши мулт май ынсемнате, кэ ну фаче сэ претинд о соартэ май бунэ»* (Ын кэутаре де валорь — Молд., Соч., 8-VII-79, п. 4).

Как мы уже пытались доказать, синтаксическая модель V_1 (фаче) + V_2 (conj., inf.) перспективна и нормативна потому, что она развилась на основе живой разговорной речи, исходит из ее потребностей и «пробилась» в литературный язык, активизировалась под влиянием соответствующей модели русского языка. В этом плане нам представляется, что исследователи, те, кто узаконивают молдавскую литературную норму, не должны проявлять излишнюю твердость и сдержанность при решении вопроса о признании данной модели в качестве нормы современного молдавского литературного языка. В одной из своих работ проф. Р. А. Будагов писал следующее: «Норма должна опираться на живое тело языка и считаться не только с особенностями письменной, но и со своеобразием разговорной речи. Норма не может не замечать движения языка. В противном случае она превратится в мертвую норму. Подлинная норма должна быть подвижной, динамичной и вмес-

¹⁵ Щерба Л. В. Указ. соч., с. 37.

¹⁶ Там же.

те с тем не утрачивать некоторой императивности»¹⁷. Ученый отмечает также, что «филолог осмысляющий норму, обязан считаться с двумя противоборствующими тенденциями: стремлением говорящих сохранить старую норму и не менее очевидным стремлением ее обновить, под воздействием непрерывно развивающегося общенародного языка»¹⁸. Нет сомнения в том, что синтаксическая модель V_1 (фаце) + V_2 (conj., inf.) вполне отражает выше изложенные размышления о норме литературного языка. Также как и беспредложная биномная конструкция с глаголом *a лукра* $N(\text{nom})$, которая выступает в качестве дублета более старых предложных конструкций с тем же глаголом, синтаксическая модель V_1 (фаце) + V_2 (conj., inf.) дублирует, как мы уже писали, модальные конструкции типа *меритэ сэ...*, *е бине сэ...*, *поць сэ...*, и др. Создалось такое положение, что сейчас уже трудно провести строгую линию нормативного разграничения между перечисленными сочетаниями и моделью с глаголом *a (се) фаце*. Как в данном, так и во многих других аналогичных случаях при решении вопроса о нормативности — ненормативности той или иной языковой модели следует помнить следующее общеметодологическое положение относительно того, что абсолютно резкие разграничительные линии несовместимы с теорией развития: «Диалектика... признает в надлежащих случаях наряду с «или-или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности»¹⁹. Чувство меры и «оценочное чувство» к явлениям языка должны всегда присутствовать у хорошего лингвиста при «декретировании» нормы литературного языка. Особенно сложно, как уже было сказано выше, обстоят дела в том случае, когда перед нами инновации, появившиеся в результате влияния одного языка на другой. Чтобы убедиться насколько сложна эта проблема, приведем еще один пример.

Известно, что в молдавском, как и в других романских языках, сложноподчиненное предложение с придаточным атрибутивным содержит ряд союзов и союзных слов, среди которых и относительное местоимение *каре* «который». Это склоняемое местоимение в функции союзного слова всегда «открывает» придаточное атрибутивное предложение: *«омул, каре а фост ла ной»: «человек, который побывал у нас»*. Однако в тех случаях, когда местоимение *каре* выступает в генитиве, его позиция в предложении может меняться: оно «пропускает» впереди себя детерминативное слово придаточного предложения. Ср.: (1) *копиул, ай кэруй пэринць* и (2) *копиул, пэринций кэруя* (Русский перевод: ребенок, родители которого...). Таким образом, появляются две структурные модели придаточного атрибутивного предложения: Модель I: $N_1 + \text{каре} + N_2$ и модель II: $N_1 + N_2 + \text{каре}$. Следует отметить, что синтаксическая модель с относительным местоимением на втором месте,

¹⁷ Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, с. 28.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1975, с. 181.

то есть после детерминатива получила развитие в молдавском языке в результате непосредственного влияния соответствующей русской модели (ср. рус. *девушка, тетрадки которой...* — молд. *фата, кэрциле кэрея; рабочие, завод которых...* — *мунчиторий, узина кэрора...* и др.). Русская структурная модель придаточного атрибутивного, вводимого союзным словом *который*, показалась носителем молдавского языка весьма удобной, потому что она избавляет говорящего и пишущего от ошибок грамматического согласования посесивного артикля *ал, а, ай, але* и падежных форм местоимения: *кэруй, кэрея, кэрора*. По жестким правилам молдавского языка посесивный артикль в данном случае должен согласоваться с детерминантом, находящимся в главном предложении, а местоимение должно согласовываться с детерминативом, находящимся в придаточном предложении. В процессе такой сложной процедуры носители языка часто путаются, вследствие чего в прессе и в других публикациях появляется много грамматических ошибок, о чем неоднократно пишут молдавские лингвисты²⁰. Вместо того, чтобы сказать и написать, например, *пескарул але кэруй ундице* носитель языка (порой даже довольно грамотный) может сказать и написать ошибочно: а) *пескарул ал кэруй ундице*, б) *пескарул а кэруй ундице*, в) *пескарул ал кэрор ундице*, г) *пескарул а кэрор ундице* и т. д. Чтобы избавиться от этих грамматических ошибок, носитель языка прибегает к русской модели построения придаточного атрибутивного предложения: *пескарул, ундицелю кэруя* — рус. *рыболов, удочки которого*. В таких моделях полностью снимается проблема согласования посесивного артикля и тем самым облегчается «участь» говорящего и пишущего — он просто избавляется от возможных ошибок. Именно это удобство привело к тому, что вторая модель $N_1 + N_2 + \text{каре}$ стала интенсивно появляться на страницах молдавской периодической печати. Мы располагаем огромным фактическим материалом, почерпнутым из разных стилей молдавского литературного языка, который доказывает, что модель $N_1 + N_2 + \text{каре}$ прижилась уже в молдавском языке, стала «своим человеком», причем к ней прибегают и писатели, и публицисты, и ученые лингвисты. Из всего материала приведем для иллюстрации лишь несколько примеров:

а) из газет последних лет: *«Петрарка е ун модел, че кямэ спре либертатя, армония ши уманизмул ынтрежий културь, ун трубадур ал кэрея а фост»* (Ынв. публ., 28-VII-1979, с. 4); *«Е регретабил, ынсэ, кэ ачаста ну о путем спуне деспре алць интерпрець, персонажеле кэрора ворбеск ку тоций о перфектэ лимбэ литерарэ»* (Лит. арт., 23-VIII-1979, с. 6); *«Ын кулежера «Лирика*

²⁰ См. *Мындыкану В.* Ынсемнэрь привинд фолосиря пронумелор релативе *каре ши че*. — *Култиваря лимбий*, № 3, 1963; *Чобану А. И.* Сэ скрием ши сэ ворбим корект. Кишинэу: Лумина, 1970, п. 107—113; *Чобану А. И.* Практикум ла синтаксэ. Кишинэу: Лумина, 1976, п. 92—95; *Пуриче М. П.* Орфография пэрицлор де ворбире. Кишинэу: Лумина, 1974, п. 52—53.

франчезэ» ам инклуз зече поець франчежь, **активитатя поетикэ а кэрора с'а десфэшура**т ын периоада Резистенцей» (Лит. арт., 10.VI.1980, с. 6); «**Азь Молдова Советикэ се мындреште ку узинеле ши фабричиле сале, продукция кэрора есте куноскутэ ын царэ ши песте хотареле ей**» (Ынв. пуб., 28-VI-1980, с. 1); «**Анри а нэс-кочит ун жок де кувинте ынкручишате, десемнул кэруя** концине 52 де мий де пэтрэцеле» (Лит. арт., 1-1-1981, с. 7); «**Ла экспозицие есте презентатэ ши карта «Букате диететиче», ауторул кэрея есте медикул-диетолог М. Каник»** (Молд. Соч., 2-IX-1981, с. 4);

б) из сочинений некоторых современных молдавских писателей: «**Ау фост анунцаць товаршиий, локуин-целе кэрора ле куюштя Станчиу...**» (Ем. Буков); «**Фериче де ачей кондеерь, скриериле кэрора ышь ау печетя индивидуалэ...**» (Ем. Буков); «**О сутэ де пичоаре сэ айбэ, ку тоате ар алерга ла шкоалэ, ла пэринций кутаре, бэятул кэрора а липсит о зи де ла лекций**». (Гр. Внеру); «**Ну се поате штерже дин мемории ынтыл-ниря ку скрииторул Красинский, соарта кэруя а фост пусэ ла база повестирий «Сирена»** (Л. Дамнан); «**Ын оградэ, лынгэ поартэ, с ун агуд бэтрын, кренжиле кэруя се аплякэ песте зид**» (В. Малев); «**Мэ вой рекуноаште пе мине чел де атунч, повестя кэруя рэмасэ-й ын фынтынэ**» (Г. Водэ); «**Тоате друмурилe ау ынчепут де ла прагул касей пэринтешь, де ла окий мамей, де ла мыниле ей, кэлдура кэрора о симць ын тоате челе прегэтитe де еа пен-тру плекаря та...**» (Ан. Чокану); «**Ам ынсушит фолклорул де ла Тарас Шевченко, лимба кэруя ам ынвэцат-о одатэ ку чя матер-нэ...**» (П. Крученюк); «**Ам луат куюштинэ де доуэ постулате, рэдэчиниле кэрора се афлэ ын челе май адынчь стратурь але историей оменирий**» (Ф. Видрашку).

Модель N +N₂+каре засвидетельствована также и в современной молдавской поэзии:

Екзистэ ун глонте, **вырфул кэруя**
Л-ау аскуцит поате вякурь ынтрежь
Ка сэ поатэ трынти ла пэмынт. (В. Телеукэ)

Сынт арборе, **коама**
кэруя, кынд се ротеште'н спаций,
кулежь крымпее де кодурь —
тайниче палпитаций. (Ан. Гужел)

в) из работ молдавских ученых-филологов: Ж. Меньок аре ун континуатор ын прозэ, пе Д. Чобану, **ероинеле кэруя се ынрудеск суфлетеште ку ероинеле примулуй прозатор** (В. Коробан); «**Павел Боцу поартэ ын сине ун «плугар», калитэциле супреме але кэруя ый сервиск дрепт эталон**» (М. Долган); «**Ерау слевий пенсионулуй, нумэрул кэрора ну депэшия цифра де 40...**» (В. Чокану); «**Ачеста е ун поет, креация кэруя а май фост объект де студиу**» (Г. Мазилу); «**Сынт ниште пропозиций ку предикате**

номинале, *субъектул кэрора есте... ун час, ачеле кэруя сэвыршешк о мишкарэ униформэ...*» (А. Евдошенко); «*Поезииле луй Еминеску сынт ачел букет дулче де грандафирь, арома кэрора не дуче ын-тр'ун феерик кодру де басм*» (С. Болдурату, К. Тэнасе, В. Попеску).

Нет необходимости продолжать список примеров. В настоящее время модель $N_1 + N_2 + \text{каре}$ настолько распространена, что она уже не ощущается как синтаксическое заимствование. Одновременно следует подчеркнуть, что дублетность (или вариативность) синтаксических моделей обоснована как лингвистическими факторами (в данном случае тенденция к упрощению грамматического согласования), так и экстралингвистическими факторами (влияние соответствующей модели придаточного атрибутивного в русском языке). В этой связи можно напомнить следующее высказывание: «Вариативность в языке явление не случайное. Оно есть неперменное условие функционирования структуры»²¹.

В процессе функционирования структура языка не остается совершенно застывшей, окаменелой. Она видоизменяется в зависимости от потребностей языка с целью более полной и адекватной передачи мысли говорящего индивидуума. Фигурально, эту идею выразил поэт Вознесенский следующим образом: «Язык — мыслящая музыка. Думаю, язык — это то, что предки называют душой, то, что остается мыслить после нас, сохраняя нашу жизнь в виде мысли»²².

В заключение необходимо отметить следующее: а) в современном молдавском литературном языке утвердился ряд синтаксических моделей под непосредственным влиянием соответствующих моделей русского языка; б) активизация данных структур в молдавском языке вызвана необходимостью точнее и конкретнее передать ту или иную информацию; в) выявленные синтаксические модели функционируют в молдавском языке на положении литературных дублетов (или вариантов); г) рассмотренные синтаксические модели (в плане сопоставительного изучения близкородственных языков) подтверждают тезис проф. Р. А. Будагова о том, что «при всех чисто внешних совпадениях те или иные грамматические категории обычно функционируют в близкородственных языках «чуть-чуть» неодинаково. Подобные «чуть-чуть» приобретают важное значение в процессе характеристики близкородственных языков»²³. Дальнейшее изучение выдвинутых в данной статье вопросов поможет отобразить полную картину активизации в молдавском языке различных синтаксических моделей под непосредственным влиянием русского языка в период интенсивного молдавско-русского билингвизма.

²¹ Mahmoudian M. Structure et variation en linguistique.— Cahiers F. de Saussure, 1977, № 31, p. 130.

²² См.: Литературная газета от 29 апр. 1981 г., с. 14.

²³ Будагов Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения.— В кн.: Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев: Штиинца, 1976, с. 4.

СЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В АНТРОПОНИМИИ И ФОРМИРОВАНИЕ МОЛДАВСКОЙ ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Славянское влияние в антропонимии относится к многогранной проблеме взаимодействия славянских и молдавского языков. Исследования по данной проблеме способствуют правильной этимологической и структурно-функциональной трактовке антропонимов, бытующих в молдавском языке на различных этапах его развития, выявляют способы формирования деривационной системы молдавского языка в целом и антропонимической деривационной системы в частности.

На базе антропонимического материала славяно-молдавских грамот и молдавских документов, с учетом в критическом плане мнений, высказанных в литературе по данному вопросу, можно выделить три основных периода славянского влияния в молдавской антропонимии.

Первый период, VI—XII вв., характеризуется заимствованиями из общеславянского и южнославянских языков, особенно из болгарского. По характеру заимствованных элементов данный отрезок делится на два этапа: 1) VI—IX вв., когда славянизмы проникали устным путем через разговорную речь, и 2) IX—XII вв., когда одновременно с христианством проникали книжные элементы, особенно из Болгарии, где славянская письменность находилась в расцвете.

Второй период, XII—XVIII вв., характеризуется восточнославянским влиянием древнерусского и украинского языков. В нем выделяются также два этапа: 1) XII—XVI вв., когда происходила адаптация и ассимиляция славянских форм и формантов, и 2) XVI—XVIII вв., для которых характерно новое восточнославянское влияние.

Третий период охватывает XVIII—XX вв., и ему свойственно русское и украинское влияние.

Цель настоящего исследования — указать славянские элементы, ассимилированные молдавским языком на соответствующих этапах славянского влияния в антропонимии, их взаимоотношения с молдавскими элементами, их эволюцию в молдавском языке с периода их проникновения до настоящего времени, роль этих элементов в формировании молдавской антропонимической системы и деривационной системы в антропонимии. В основу анализа антропонимического материала положены следующие принципы:

1. Аттестация славянских имен в славяно-молдавских грамотах и молдавских документах, их функции (личное имя в различных формах, отчество, прозвище, фамильное имя) и формы, учитывая фонетические особенности южнославянских и восточнославянских элементов.

2. Аттестация соответствующих форм в славянских языках¹.

3. Структура соразмерных имен в славянских и молдавском языках (основы, форманты, элементы сложения). Семантические и функциональные особенности, которые придают дериватам соответствующие форманты.

4. Адаптация славянских антропонимов к нормам молдавского языка. Присоединение славянских формантов к основам молдавских имен и молдавских формантов к основам славянских имен.

Как известно, первый период славянского влияния на антропонию Восточной Романии основан на этническом контакте и на культурном влиянии славянской письменности. В этот период, особенно устным путем, проникает огромное количество разговорных и гипокористических форм общеславянских и южнославянских имен, которые образовали новый пласт в восточнороманской антропониимии. О структурных особенностях данного пласта славянских имен можно судить только по антропонимическому материалу славяно-молдавских грамот XIV—XVI вв., в котором нашли свое отражение и предыдущие этапы славянского влияния².

По своей структуре славянские имена, зафиксированные в молдавских грамотах, делятся на простые и сложные. Простые имена имеют полные, сокращенные или производные формы. Сложные имена: *Дабизжа* < *Дабизжив*, *Дажбог*, *Даждэбог*, *Люборад* и особенно имена с компонентами *-дан*, *-мир*, *-слав*: *Алдомир* (1469, К., II, 170), *Баломир* (1493, К., II, 266), *Богдан* (1499, К., I, 143), *Воислава* (1499, Б., II, 160), *Драгомир* (1393, К., I, 13), *Драгослав* (1455, К., II, 540), *Радомир* (1393, К., I, 13), *Радослав* (1490, Б., I, 395), *Станимир* (1457, Б., I, 4), *Станислав* (1392, К., I, 8), *Татомир* (1415, К., I, 116) и др. в молдавском языке не подвергаются структурному анализу, так как соответствующие элементы

¹ Критерием выделения общеславянских заимствований послужила их аттестация (в различных формах) в южнославянских, западнославянских и восточнославянских языках. Для аттестации антропонимов в славянских языках использованы следующие источники: *Туликов Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб, 1903; *Вайганд Г.* Болгарскитъ собствени имена. Происходъ и значения. София, 1926; *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ.— Учен. зап. Моск. ун-та. Вып. 128. М., 1948; *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959; *Левченко С. П.* и др. Словник власних имен людей. Київ, 1961; *Редько Ю. К.* Сучасні українські прозвища. Київ, 1966; *Редько Ю. К.* Довідник українських прозвищ. Київ, 1969; *Илчев Ст.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969; *Железняк И. М.* Очерк сербохорватского антропонимического словообразования (XI—XV вв.). Киев, 1969; *Чучка П. П.* Антропониіа Закарпаття. Ужгород, 1970; *Прокопович Е. Н.* и др. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. М., 1974; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

² Антропонимический материал был почерпнут из следующих источников: *Costăchescu M.* Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. I—II. Iași, 1931—1932. (Сокр.—К.); *Bogdan I.* Documentele lui Ștefan cel Mare. I—II, Buc., 1913. (Сокр.—Б.); *Documente privind Istoria României.* A: Moldova (XIV—XVI). Ed. Acad. RPR. 1952—1954. (Сокр.—ДИР).

сложения не адаптировались молдавским языком и никогда не присоединялись к основам молдавских имен. При исследовании полных и сокращенных форм имен учитываются только фонетические изменения, если они отмечаются при переходе от одного языка к другому. При анализе производных форм, дериватов, исследователь сталкивается с определенными трудностями. Обычно принято считать, что происхождение деривата определяется происхождением суффикса. Но в XIV—XVI вв. большинство славянских суффиксов, бытующих в антропонимии, стали уже молдавскими суффиксами славянского происхождения (*-ан*, *-ил(э)*; *-от(э)*, *-иц(а)*, *-уш*, *-чя*, *-еш*, *-аш*, *-ша*). Поэтому трудно отделить славянские производные формы, претерпевшие фонетические изменения при переходе от славянского языка к молдавскому (*Балота* > *Балотэ*, *Билаш* > *Билашу*, *Бодэ* > *Бодя*, *Добрило* > *Добрилэ*), от молдавских образований с соответствующими суффиксами. Доказательством того, что в XIV в. эти суффиксы были уже ассимилированы молдавским языком, служат и производные формы от греко-славянских имен: *Андриеш* (1458, К., II, 169), *Ионаш* (1419, Б., I, 238), *Марица* (1495, Б., II, 53), *Оанчя* (1427, К., I, 196), *Оницэ* (1487, Б., I, 312), *Петрилэ* (1435, К., II, 183) и др. Как известно, словообразовательные форманты не заимствуются отдельно. Они проникают в другой язык только в составе заимствованных лексических единиц. Появление большого количества имен с определенными формантами способствовало усвоению говорящими «механизма» их образования. Например, из серии гипокористических форм: *Балша* (1491, Б., I, 468), *Балин* (1430, К., I, 303), *Балица* (1431, К., I, 385), *Балош* (1432, К., 331), *Балач* (1491, Б., I, 447), *Балота* (1418, К., I, 127) и др. выделяется основа *Бал*- и соответствующие форманты, если даже говорящий на первых порах не понимает их значения. Со временем, понимая их значение, носители языка, по аналогии со славянскими именами, стали присоединять данные форманты и к молдавским именам. Таким образом, проникновение большого количества славянских имен способствовало появлению в молдавском языке новых аффиксов, которые стали продуктивными и укрепили позицию существующих в молдавском языке морфем, когда их формы и функции совпадали. Например, совпали по форме и по функциям славянские и латинские суффиксы *-ар*, *-аш*, *-ач*, *-ин*, *-ой*: *Аурау* (1424, ДИР, XIV—XV, I, 49), *Элэтару* (1424, ДИР, XIV—XV, I, 50) <сл. *Златарь*, Михаил *Стынгачу* (1436, К., I, 181) и Станою *Кремач* <болг. *Кэрмач* и др. Так как в молдавском языке бытовали славянские имена и славянские суффиксы, то многие дериваты могли возникнуть параллельно в славянских и в молдавском языках. Поэтому анализ производных форм надо осуществлять на базе следующих принципов: 1. Структурный анализ деривата, то есть соотношение между производной формой с определенным суффиксом и производящей основой или словом, независимо от их происхождения, но главное, чтобы это соотношение было понято говорящими

на молдавском языке. 2. Считать молдавскими дериватами те формы, которые образованы: а) молдавскими суффиксами от славянских имен: Албул *Войнескул* (1439, Б., II, 13), Жюржю *Дрэгушанул* (1443, К., I, 340), Драгой (1415, К., I, 117), Драгуца (1502, Б., II, 217) и др.; б) суффиксами славянского происхождения от молдавских имен: Алботэ (1507, К., II, 64), Лупше (1423, К., II, 169), Драгомир *Мындрич* (1437, К., I, 542), Фратовски (1412, К., I, 97) и др.

По структуре славянских производных имен можно судить о большой продуктивности суффиксов: *-ан/-ян, -ин, -ич, -ко, -чя, -ка, -ош, -от, -ил, -еш/-иш, -иц* и др. Анализ функций данных суффиксов в славянских и в молдавском языках выявляет их эволюцию, т. е. какие функции и комбинаторные способности они сохранили из славянских языков и какие функции приобрели они в молдавском языке. В результате такого анализа выявлено, что для молдавской антропонимии XIV—XVI вв. были характерны примерно 30 суффиксов славянского происхождения, из которых 7 суффиксов общеславянские (*-ин, -н(а), -ан, -ко, -ш, -ша, -ец*), 5 южно- и западнославянские (*-ина, -ота, -ила, -ав, -ат*) и 18 восточнославянские, из которых 4 древнерусские (*-ила, -ша, -ский/-цкий, -ович/-евич*), 4 русско-украинские (*-ик, -ак, -ач, -ей*) и 10 украинские (*-ич, -ко, -ка, -чя, -ош, -ота, -ок, -ат, -иг, -аг/-яг*).

Индоевропейский суффикс *-ин* встречается во всех славянских языках XV в., указывая на происхождение, принадлежность. В антропонимии он имел патронимическую и этнонимическую функции [Железняк, 20; Прокопович, 52—53]. В славянских антропонимах, засвидетельствованных в славяно-молдавских грамотах, преобладает патронимическая функция; *Ивашко Баласин* (1436, К., I, 483) < *Бал+аш+ин* (с чередованием *ш-с*, характерным для болгарского языка. См. Вайганд, 10), *Ион Батин* (1423, К., I, 154), *Будин* (1500, К., II, 200), *Доброин* (1495, Б., II, 53), *Добрэчин* (1427 К., I, 196), *Драгосин* и *Драгошин* (1400, К., I, 35), *Штефан Милчин* (1499, Б., II, 147) и др. С греко-славянскими именами суффикс *-ин* становится непродуктивным. Встречаются только две формы; *Костин* (1434, К., I, 399) и *Лазин* (1494, ДИР, XV, II, 203). С этнонимической функцией суффикс *-ин* встречается редко и в славянских именах: *Власин* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 115), *Влахин* (1436, К., I, 485), *Влашин* (1435, К., I, 424) — разные формы имени *Влах*, возникшие в болгарском языке, благодаря чередованиям согласных *х—с—ш*.

В молдавских грамотах встречаются формы и с суффиксом мужского рода *-ина*, который отличается от *-ин+а* (окончание женского рода). Индоевропейский суффикс *-ина* в сербохорватской антропонимии является гипокористическим [Железняк, 24]. В молдавской антропонимии XV—XVI вв. также бытуют имена с данным суффиксом; *Драгина* (1516, ДИР, XVI, I, 103), *Якуш Гудина* (1481, ДИР, XIV—XV, I, 27). По мнению исследователей суффикс *-ина* генетически связан с числительным *цедин* (См. Же-

лезняк, 24). Таким образом можно объяснить и происхождение имени *Вриндина* (1493, ДИР, XV, II, 199) с вариантом *Врэндина* (там же), а именно: появление буквы *д* между основой *Врин-*, *Врэн-* (<сл *вранъ*) и суффиксом *-ина*. С греко-славянскими именами суффиксы *-ин-а* и *-ина* не встречаются. Женские формы греко-славянских имен (*Акилина*, *Ангелина*, *Василина*) проникли в славянские языки, а потом и в молдавский с латинским суффиксом *-ina*.

В молдавских грамотах встречаются две славянские формы с суффиксом *-н-а*: *Драгна* (1508, К., II, 538) и *Славна* (1503, К., I, 329), но и этот суффикс не получил распространения в молдавском языке.

Общеславянский суффикс *-анъ* образовал производные с аугментативным значением. От апеллятивов суф. *-ан* образовал производные со значением свойства, а от антропонимов — патронимические имена. Суф. *-ан* употребляется в славянских языках и как вариант суф. *-еанинъ/-ганинъ* > *-ану/-яну* для образования имен жителей от названия местностей. Все указанные функции суф. *-ан*, в славянских языках (аугментативная, патронимическая, образования имен жителей) отражены и в антропонимических формах на *-ан*, засвидетельствованных в славяно-молдавских грамотах: *Иван Балчан* (1436, К., I, 476), *Вылксан* (1500, ДИР, XV, II, 307) < *Вылк -ош*, *-ан*, *Глэван* (1528, К., I, 217), и *Главан* (1517, ДИР, XVI, I, III), *Гоян* (1448, К., II, 317), *Добричан* (1489, Б., I, 371), *Драган* (1431, К., I, 317), *Кожан* (1428, К., I, 213) и др. Формы *Драгушанул* (1443, К., I, 340) и *Иоан Морозанул* (1518, ДИР, XVI, I, 123) образовались уже в молдавском языке с суффиксом славянского происхождения *-ану/-яну* (< сл. *еанинъ*) и с добавлением молдавского определенного артикля *-л*. Суф. *-ан* стал продуктивным и с греко-славянскими именами: *Васкан* (1447, К., II, 273), *Лохан* (1415, ДИР, XIV-XV, I, 36) < *Евлогий*, *Лукан* (1520, ДИР, XVI, I, 163), *Раду Пэтрэшкан* (1487, ДИР, XV, II, 58), *Тудоран* (1487, Б., I, 306), *Ходко Пэшкан* (1495, К., II, 255) и др. В дальнейшем суф. *-ан* получил широкое распространение в молдавском языке. С апеллятивами он сохранил аугментативную функцию и в современном языке. Патронимическая функция стала нейтральной, но личные имена с суф. *-ан* сохранились и в современном языке, выполняя в основном функции фамильных имен, которые по форме часто совпадают с фамильными именами, образованными с суф. *-ану/-яну*: *Васкану*, *Кицану*, *Пэтрэшкану* и др. По аналогии с ними появились и фамильные имена от апеллятивных прозвищ: *Лунгану* < *лунг* «длинный», *Жосану* < *жос* «маленького роста», *Крецану* < *крец* «кудрявый», *Негряну* < *негру* «черный» и др.

Общеславянский гипокористический суф. *-ица*, проникший в молдавский язык в составе славянских имен *Балицэ* (1393, К., I, 14), *Драгица* (1484, Б., I, 284), получил распространение в греко-славянских именах: *Андрицэ* (1473, Б., 186), *Аница* (1507, ДИР,

XVI, I, 65) и др. В последующие века и в настоящее время суф. *-ица/-ицэ* стал одним из распространенных гипокористических суффиксов и в апеллятивной лексике, и в антропонимии (*Георгицэ, Ионицэ, Тоницэ, Штефэницэ, Аница, Докица, Смэрэндица*).

Индоевропейский суф. *-ко* с диминутивно-гипокористическим значением отличается большой продуктивностью во всех славянских языках XII—XV вв. [Железняк, 46—49]. В украинском языке и в настоящее время суф. *-ко* является самым продуктивным антропонимическим суффиксом: [Редько, 140; Чучка, 60]. Значительное количество имен с суф. *-ко* засвидетельствованы в славяно-молдавских грамотах. Они проникли и из южнославянских языков, но большинство из них заимствовано из украинского языка. Например: *Бойко* (1436, К., I, 427), *Балко* (1503, К., I, 510), *Ивашко Владичко* (1503, Б., II, 230), *Войко* (1428, К., I, 214), *Данко* (1436, К., I, 366), *Иван Дедко* (1420, К., I, 136), *Коско* (1437, К., I, 541), *Татко* (1428, К., I, 213) и др. Одновременно с этими формами употреблялись и формы с *-ку* (фонетическая адаптация суф. *-ко*): *Ивашку Владичку* (1432, К., 328), *Влайку Галеш* (1499, К., II, 534), *Войку* (1435, К., I, 416). Затем к формам с суф. *-ку* добавился молдавский определенный артикль *-л*: *Влайкул* (1576, К., I, 465), *Данчул* (1455, К., II, 770), *Станчул* (1428, К., I, 118) и др. Антропонимы с суф. *-ку* сохранились до настоящего времени, и в современном молдавском языке они бытуют как фамильные имена, без артикля *-л*: *Бойку, Влайку, Войку, Станку* и др.

Суффикс *-ка* является вариантом суффикса *-ко*, с которым он совпадает семантически. Он является продуктивным в украинском и в русском языках. Со временем суф. *-ка* теряет свое гипокористическое значение и приобретает функцию различителя официальных антропонимических форм от разговорно-бытовых, для которых данный суффикс стал характерным [Редько, 40—41; Чучка, 61]. В наших грамотах встречаются формы: *Билка* (1495, Б., II, 249), *Войка* (1499, К., I, 172), *Койка* (1488, Б., I, 342), *Милка* (1492, Б., I, 509), *Немирка* (1431, К., I, 317), *Станка* (1493, Б., II, 18) и др. Суффиксы *-ко -ку* и *-ка* сохраняют свою продуктивность и с греко-славянскими именами: *Андрейко* (1435, К., I, 419), *Васко* (1479, К., I, 260), *Дениско* (1435, К., I, 494), *Ионашко* (1501, Б., II, 18), *Ивашко* (1428, К., I, 214), *Исайко* (1490, Б., I, 425), *Михалко* (1480—84, Б., II, 369), *Олешко* (1437, К., I, 541), *Остапко* (1522, К., I, 243), *Панко* (1529, К., I, 59), *Стецко Дэмэнкуш* (1457, К., I, 80); *Васку* (1446, ДИР, XIV—XV, I, 214), *Ивашку* (1432, ДИР, XIV—XV, I, 95), *Илку* (1488, ДИР, XV, II, 87), *Лацку* (1403, К., I, 47), *Янку* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 120); *Андрика* (1443, К., II, 185), *Васка* (1492, К., I, 114), *Гришка* (1507, Б., II, 152), *Иванка* (1443, К., II, 129); *Агришка* (1520, К., II, 152), *Анка* (1535, К., II, 51), *Анушка* (1507, К., II, 152), *Маринка* (1444, К., I, 511) и др. Сохраняя свою продуктивность и на других этапах славянского влияния, которое укрепило позиции данных суффиксов в молдав-

ком языке, многие формы с суф. -ка бытуют и в современном молдавском языке как разговорные формы: *Василка, Илинка, Катинка* и др.

К серии суффиксов с согласным -к относится и суф. -ик, продуктивный в русском и украинском языках. Кроме диминутивно-гипокористического значения, отчего он иногда является синонимом с суф. -ка [Чучка, 61], в украинском языке суф. -ик имеет и другие значения, из которых выделяется значение признака предмета. Например, *Билик* (1456, К., II, 795). Славянский суф. -ик укрепил позицию молдавского суффикса латинского происхождения -икэ. Поэтому в имени *Владика* (1469, Б., I, 136) <Влад<сл. *Владислав* эти два различных по происхождению суффикса, но одинаковых по форме, по содержанию и по функции, совпали. В следующие века и в настоящее время суф. -икэ -ика стал одним из самых распространенных гипокористических суффиксов в молдавском языке, как в антропонимии, так и в апеллятивной лексике.

Суффикс -ец был в праславянском, в общеславянском и распространен во всех славянских языках. При его помощи образуются слова от именных и глагольных основ, которые обозначают отадъективные существительные (*юнец, старец*), носителя свойства или качества (*жилец*), названия лиц по роду их деятельности (*писец, творец, борец*). Антропонимы с суф. -ец образовались от тех же именных и глагольных основ и от первого компонента сложного имени: *Добрец*<*Добромир*, *Милец*<*Милослав*, *Станец*<*Станимир*, *Станислав* [Железняк, 50; Прокопович, 32—36, 96—97]. В молдавских грамотах имена с суф. -ец проникли из древнерусского языка: *Борис Головэц* (1421, ДИР, XIV—XV, I, 42. Форма *Головэц* характеризуется полногласием -оло- и чередованием е-э, присущее молдавскому произношению), *Стан Лукавец* (1428, К., I, 203) и др. С греко-славянскими именами суф. -ец не встречается.

Суффиксы -аш, -еш, -иш, -ош, -уш, -ша составляют группу суффиксов с компонентом -ш-, который отличается большой продуктивностью в общеславянском языке. Во всех славянских языках суффиксы с компонентом -ш- образовали гипокористические формы от первого компонента сложного имени (*Милаш, Радеш, Галиш, Богуш, Малуша* и др.) Большая продуктивность данных суффиксов отмечена исследователями особенно в западославянских языках XII—XIII вв. [Железняк, 33—40]. Из польского языка суффиксы -ош, -уш проникли в украинский язык в составе имен: *Балош, Бартош, Богуш, Януш*. В закарпатских документах XIII в. засвидетельствованы имена с суф. -ош, -уш: *Милош, Минош, Бухуш, Дануш, Якуш*, а в XIV в. появились: *Драгуш, Бенеш, Домаш* [Чучка, 70]. В славяно-молдавских грамотах XIV—XV вв. засвидетельствованы следующие имена с данными суффиксами: *Белош* (1437, К., I, 515), *Богуш* (1436, К., II, 702), *Ботэш* (1594, К., II, 471), *Бэлош* (1432, К., I, 332), *Галеш* (1490, К. I, 486), *Галиш* (1412, К., I, 97), *Драгош* (1403, К., I, 48), *Драгуш* (1443, К., II,

177), *Могош* (1400, К., I, 43), *Нанеш* (1491, К., I, 487) и др. Часть этих имен могла проникнуть прямо из польского языка. Суффиксы *-аш*, *-еш*, *-иш* сохранили свою продуктивность и с греко-славянскими именами: *Андриаш* (1392, К., I, 8), *Андриеш Служэскул* (1443, К., II, 169), *Илияш* (1411, К., I, 96), *Иоаниш Изварец* (1466, К., II, 170), *Козмиш* (1453, К., II, 462). Данные суффиксы продуктивны и в современном молдавском языке, в антропонимии и в апеллятивной лексике.

Если суффиксы с компонентом *-ш*, которому предшествуют гласные *а*, *е*, *и*, *о*, *у*, отличались большой продуктивностью в западнославянских языках и частично в южнославянских, то суф. *-ша* встречался и в восточнославянских языках XII—XV вв., особенно в древнерусском языке, где имел диминутивно-гипокористическое значение [Железняк, 31—32]. В славяно-молдавских грамотах засвидетельствовано несколько славянских имен с суф. *-ша*: *Баша* (1447, К., II, 274), *Думша* (1468, К., II, 207) и несколько греко-славянских имен: *Домша* (1492, ДИР, XV, II, 174), *Томша* (1519, ДИР, XVI, I, 152), *Фокша* (1495, ДИР, XV, II, 210), *Юрша* (1492, К., I, 113) и др. В XIV—XV вв. суф. *-ша* присоединялся и к молдавским именам: *Капша*, *Лупша* (1560, К., II, 173).

Антропонимические формы с суф. *-ота* были распространены в южнославянских и западнославянских языках в XII—XV вв. В восточнославянских языках этого периода они отсутствуют. Вначале суф. *-ота* образовывал абстрактные существительные от прилагательных (*доброта*), а производные с суф. *-ота* от антропонимов имели гипокористическое значение, но со временем они десемантизировались, стали нейтральными [Железняк, 57—60]. Позже из польского языка производные с суф. *-ота* проникли в украинский язык, где функция этого суффикса зависит от семантики основы [Редько, 148]. В славяно-молдавских грамотах засвидетельствованы славянские имена с суф. *-ота*: *Балотэ* (1481, К., 127), *Маноил Башотэ* (1428, К., I, 223), *Драготэ* (1481, К., I, 133), *Драгомир Кашотэ* (1491, Б., I, 445), *Оанчя Намнота* (1435, К., I, 404), *Работэ* (1493, Б., II, 14) и др. Эти имена проникли из южнославянских языков устным путем при первом контакте со славянами. Тогда, видимо, производные с суф. *-ота* еще имели гипокористическое значение, которое было осознано говорящими, и суф. *-ота* был присоединен и к молдавским именам: *Алботэ*, *Бумботэ*, *Капотэ*, *Лайотэ*, *Микотэ*, *Шерботэ* и др. Эти имена сохранились до настоящего времени и функционируют как официальные имена. С греко-славянскими именами суф. *-ота* уже не встречается. Видимо, причина состоит в его десемантизации. Так как формы с суф. *-ота* ничем не отличались от обычных полных имен, то не было никакой надобности в таких суффиксальных производных.

Из южнославянских языков, особенно из сербохорватского, проникли и первые имена с суф. *-ило*, который от апеллятивов образовал имена с аугментативным значением, а с антропонимами

имел гипокористическое значение [Железняк, 73—74]: *Бунила* (1507, ДИР, XVI, I, 65) и *Бунилэ* (1507, ДИР, XVI, I, 66), *Гостило* (1455, ДИР, XIV—XV, I, 262) и *Гостилэ* (1459, Б., I, 35), *Косилэ* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 117). Греко-славянские имена с суф. -ило проникли позже из древнерусского языка, где суф. -ило совпал по форме с окончанием древнееврейских имен на -ил (<ел): *Данило*, *Манойло*, *Михайло*, *Самойло*. Эти формы проникли и в славяно-молдавские грамоты: *Данило* (1455, К., II, 476), *Мануило Башотэ* (1428, К., I, 228), *Михзилэ Моймескул* (1446, К., II, 246), а по аналогии с ними появились формы *Петрилэ* (1490, К., II, 183), *Негрилэ* (1507, ДИР, XVI, I, 53) и др. Имена с суф. -илэ (<-ило) сохранились до настоящего времени, и в современном языке они бытуют как разговорные формы личных имен и как фамильные имена. С апеллятивами суф. -илэ сохранил аугментативное значение. Антропонимический суф. -илэ, присоединяясь к именным основам (существительных, прилагательных), придает им статус собственного имени: *Епурилэ* < *епуре* «заяц», *Лунжилэ* < *лунг* «длинный»; *Сарсаилэ*, *Корнилэ* — два из многочисленных имен черта в молдавском языке.

Суффикс -ав, который встречается в субстантивизированных прилагательных в сербохорватском и польском языках, хотя не был продуктивным [Железняк, 106], засвидетельствован и в нескольких именах славяно-молдавских грамот: *Грозав* фиул луй Могошел (1438, К., II, 16), *Белава* и *Билава* (1488, Б., I, 365). Форма *Грозав* сохранилась в молдавском языке как апеллятив (прилагательное и наречие) — *грозав* со значениями «ужасно, страшно, чрезвычайно» и как фамильное имя — *Грозавул*, с присоединением определенного артикля -л, но данные формы не были осознаны как производные с суф. -ав. Форма *Билау* (1436, К., I, 485) свидетельствует об адаптации суф. -ав под влиянием слов латинского происхождения с *ау-* (*аугуст-август*, *аурорэ-аврора*, *Аустралия-Австралия*). С греко-славянскими именами суф. -ав не встречается.

Не сохранился в молдавском языке и суф. -ат/-ят, засвидетельствованный в славянском имени *Синат* (1448, К., II, 342) и в греко-славянском имени *Унклят* (1421, К., I, 143) < *Ион*.

Самые многочисленные имена, зафиксированные в славяно-молдавских грамотах, проникли из восточнославянских языков. На это указывают и аффиксы, характерные для данных языков.

Суффикс -ич является одним из продуктивных суффиксов в древнеукраинском языке. Он образовал оттопонимические имена со значением «место происхождения или проживания; *баличи*, *волковици*» [Прокопович, 100], а затем приобрел патронимическое значение [Редько, 135]. Суф. -ич с патронимическим значением был продуктивным и в древнерусском языке [Прокопович, 48]. Имена с суф. -ич, аттестованные в славяно-молдавских грамотах, также имеют патронимическое значение: *Михаил сын Белич* (1433, К., 358), *Балицэ Бырлич* (1411, К., I, 84), *Драгомир Вранич* (1421,

К., 143), *Гудич* (1421, К., I, 143), *Дрэгич* (1429, К., I, 271), *Думич* (1436, К., I, 430), *Комарич* (1431, К., I, 318), *Купчич* (1425, К., I, 175), *Малич* (1437, К., I, 342), *Рэдич* (1448, К., II, 325) и др. С греко-славянскими именами суф. *-ич* менее продуктивен: *Михаил Колич* (1436, К., I, 499), *Ходко Костич* (1433, К., I, 369), *Ивашко Ункетич* (1437, К., I, 284), но эти имена сохранились как фамилии и в современном молдавском языке.

Другим продуктивным суффиксом в украинском языке XIII—XV вв. был *-чя*. Он образовал диминутивно-гипокористические формы от усеченных форм имен (*Бончя* < *Бонифаций*). Такие же формы засвидетельствованы и в славяно-молдавских грамотах: *Баличя* (1400, ДИР, XIV—XV, I, 10), *Борчя* (1497, К., II, 551), *Бухайчя* (1491, ДИР, XV, II, 172), *Мирчя* (1428, К., I, 214), встречающиеся в украинском языке в XII—XIII вв. [Железняк, 128], *Нейчя* (1487, Б., I, 287) и др. Имя *Дрэгойчя* (1493, Б., II, 26) могло быть образовано в молдавском языке по аналогии с вышеуказанными украинскими именами. С греко-славянскими именами суф. *-чя* не был продуктивным. Формы *Ванчя* (1436, К., I, 460), *Дончя* (1434, ДИР, XIV—XV, I, 114), *Калинчя* (1487, Б., I, 311) и др., видимо также проникли из украинского языка.

В славяно-молдавских грамотах аттестованы по одному-два украинских имени с суффиксами: *-ок*: *Власин Могосокул* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 115) < *Мог -ош -ок -ул*; *-ач*: *Балач* (1491, Б., I, 447) и греко-славянские имена: *Лукач* (1493, Т, II, 24) и *Копач* (1491, Б., I, 458) > Прокопий; *-ак*: *Бончак* (1494, Б., II, 34), *Фома Верешчак* (1443, Б., I, 236).

Из древнерусского и древнеукраинского языков проникли имена с суф. *-ей*: *Братей* (1407, К., I, 57), *Ивашко Братей (ул)* (1427, ДИР, XIV—XV, I, 61), *Слзвей* (1519, ДИР, XVI, I, 146). С греко-славянскими именами суф. *-ей* стал продуктивным в украинском языке (*Василей, Костей*) [См. Редько, 119—120; Чучка, 69], а в молдавском языке такие формы не образовались. Из украинского языка проникли формы: *Стэнигэ* (1424, К., I, 163) с суф. *-ига* и *Войняг* (1430, К., I, 297) с суф. *-аг/-яг*.

В славяно-молдавских грамотах встречаются имена с суф. *-ски/-цки -ский/-цкий*. В древнерусском языке с суф. *-ский/цкий* образовались фамильные имена от названия местностей. С антропонимами данные суффиксы указывали на происхождение, родство, потомство. Такое же значение имели суф. *-ски/-цки* в польском языке. Ю. К. Редько указывает, что фамильные имена с суф. *-овский/евский* писались обычно в русском языке, а с суф. *-овски/евски* — в польском языке [Редько, 83]. В наши грамоты проникли такие имена из польского и из русского языков: *Данчул, Штефул Буцацки* (1503, К., II, 489), *Мику Синовски* (1403, К., I, 48), но *Михаил Дорохунский* (1428, ДИР, XIV—XV, I, 67).

Суффикс *-ович/-евич* < *-ов, -ев + ич* с патронимическим значением был продуктивным в русском языке XIV—XV вв., затем стал суффиксом фамильных имен [Чичагов, 110]. В славяно-молдавских

грамматах находим формы с суф. *-ович/-евич*, но их функцию (отчества или фамилии) трудно определить: *Ивашко Баласинович* (1436, К., I, 392), *Борис Браевич* (1421, К., I, 143), *Штефан Борялович* (1419, К., I, 132), *Ивашко Братевич* (1429, К., I, 260), *Костя Братилович* (1411, К., I, 86), *Костя Драгошевич* (1433, К., I, 359) и др. Данные суффиксы встречаются и в греко-славянских именах этого периода: *Косте Андроникович* (1445, К., I, 220), *Тадор Васкович* (1443, К., II, 146), *Жюржю Иоилович* (1456, К., II, 585) *Думша Козмович* (1517, ДИР, XVI, I, 110), *Иаким Калиянович* (1421, К., I, 143), *Козма Шандрович* (1453, К., II, 443) и др. О том, что говорящие на молдавском языке осознали значение суффиксов *-ович/-евич* и *-овский/-евский*, свидетельствует их присоединение к молдавским именам: *Думитру Бадевич* (1421, К., I, 143), *Мирча Дулчевич* (1448, К., II, 739), *Жумэтатевич* (1412, К., I, 98), *Крецович* (1453, К., II, 443), *Жюржю Фратовски* (1412, К., I, 245), *Маноил Шербич* (1443, К., II, 189), а также к молдавским формам греко-славянских имен: *Илияш Думитровски* (1407, К., I, 418), *Думша Козмович* (1517, ДИР, XVI, I, 110), *Данко Жюржевич* (1436, К., II, 704), *Жюржю Иоилович* (1456, К., II, 585).

Как известно, лексическая единица считается полностью ассимилированной заимствующим языком только тогда, когда она начинает образовывать производные. Следовательно, появление славянских имен с молдавскими суффиксами латинского происхождения, существующими в молдавском языке XV—XVI вв., свидетельствует о том, что славянские имена полностью вошли в обиход, и говорящие могли различать структуру данных имен. Например, южнославянские имена *Драгое*, *Нягое* имеют в своем составе суф. *-оје*, который по форме и по функции совпал с молдавским суффиксом латинского происхождения *-ой*, а затем слился с ним, и данные имена стали употребляться с суф. *-ой/ю*: *Дрэгой* (1392, К., I, 8), *Дрэгою* (1498, К., II, 126). К славянским именам присоединились и молдавские суффиксы *-уц* (<лат. *ipseus* и *-ел* (<лат. *ellus*): *Дрэгуца* (1502, Б., II, 201), *Драгоцэл* (1495, ДИР, XV, II, 241) <*Драг+уц+ел*, *Могошел* (1438, К., II, 16) <*Могош+ел*.

Самым распространенным явлением адаптации славянских имен было присоединение к ним молдавского определенного артикля *-л* (чаще с соединительным гласным *-у>ул*): *Бобул* (1494, ДИР, XV, II, 204) <болг. *Бобо* <*Богдан*, *Братул* (1392, ДИР, XIV—XV, I, 3), *Братул Плешкул* (1427, К., I, 196), *Будул* (1421, К., I, 143) <болг., с-х. *Будимир*, *Вылкул* (1507, ДИР, XVI, I, 61) <болг. *Вълк Добрул* (1495, К., II, 171), *Драгул* (1414, К., I, 103), *Клинчул* (1519, ДИР, XVI, I, 140) <болг. *Клинчо*, *Радул* (1429, К., I, 258) и др. Артикль присоединялся и к некоторым усеченным формам греко-славянских имен: *Ваниул* (1517, ДИР, XVI, I, 106), *Ивул Солка* (1482, К., II, 321), *Михул* (1436, К., II, 363) и др. Затем к этим артикулированным формам примкнули славянские суффиксы или окончания. Так появились формы *Дан Выхэле* (1442, ДИР, XIV—XV, I, 180) <*Вук+ул+е* — флексия вокатива, *Драго-*

ле (1491, К., II, 74) и Драголя (1497, К., II, 551) и другие формы с -я, которые дали суф. -ля с вариантами -еля, -оля, -уля: *Детеля* (1435, ДИР, XIV—XV, I, 116), *Кираколя* (1482, К., II, 369), *Микля* (1495, К., II, 39) и др. Из формы славянского генитива *Драгула* <Драг+ул+а возникла форма *Дрэгулэ* (1513, ДИР, XVI, I, 85).

В XV в. самым продуктивным молдавским суффиксом, который присоединялся к основам славянских имен, был -еску: *Иоанэш Борилеску* (1481, Б., I, 248), *Петру Братескул* (1432, К., I, 343), *Албул Войнескул* (1493, Б., II, 13), *Мику Гэлескул* (1497, Б., II, 119), *Тоадер Нэнескул* (1495, К., I, 486), *Лазор Продэнескул* (1488, Б., I, 346), *Иоан, Журжа, Исаия Синескул* (1501, Б., II, 183), *Драгош Стэнищескул* (1490, Б., I, 403) и др.

Таким образом, исследование структуры славянских имен, засвидетельствованных в славяно-молдавских грамотах XIV—XVI вв., особенно форм и функций их формантов, и взаимоотношения славянских и молдавских формантов, выявляет закономерности образования молдавской деривационной системы не только в антропонимии, но и в апеллативной лексике. Знание структуры славянских имен, а также изменений, которые они претерпели на молдавской почве, помогают выяснить этимологию многих имен, которая до сих пор оставалась неясной или истолковывалась неправильно, по каким-либо поверхностным ассоциациям.

* * *

Молдавская антропонимия XVII—XVIII века характеризуется двумя направлениями.

С одной стороны, благодаря увеличению числа памятников, переведенных на молдавский язык, появились новые формы адаптации заимствованных антропонимических элементов к внутренним законам молдавского языка (*Василе, Думитру, Илие, Захария, Штефан, Тоадер, Ион, Матей, Тома, Санду, Ияна* и др.); исчезла из употребления основная масса древних славянских имен, из которых сохранилось небольшое количество личных имен в официальной и в популярной формах; они стали в основном фамильными именами (*Некулай Войновану, Василе Стэнишор, Йоницэ Нашку, Думитру Бран, Сандул Борчул, Григоре Батку* и др.).

С другой стороны, благодаря интенсификации социальных и политических контактов между молдавским, русским и украинским народами, появляется новое восточнославянское влияние и в антропонимии. Во-первых, сохраняются русские и украинские официальные и разговорные формы греко-славянских имен, ставшие и молдавскими разговорными именами (*Дорофтей, Дэнилэ, Мафтей, Михэилэ, Иван, Парфени, Тимофти* и др.). Во-вторых, появляются новые фамильные имена русского и украинского

происхождения (*Ионицэ Чорнею, Афтени Поросеч, Фьодор Велищуку, Петре Берехою, Нистор Друхуцэ* и др.). В-третьих, ряд суффиксов славянского происхождения становится активным, а также проникают новые украинские суффиксы, при помощи которых образуются фамильные имена от молдавских основ (*Ион Тикэлич, Костандин Корнеш, Ион Митителюк, Василе Скуртуленкул, Григораш Фиучуку, Ион Опэряк* и др.)³.

Сложный украинский суф. -ашко (<аш+ко) проник в молдавскую антропонию в составе украинских имен в XV в. В XVII—XVIII вв. этот формант становится продуктивным, присоединяясь к молдавским основам: *Думитрашко Хилимон* (МФ, I, 400), *Ион Лупашко* (МФ, I, 400), *Некула Лупашку зет Тоадер Циган от Борзешть* (1765, ДВ, XX, 73). *Иримие сын Пэтрашко* (МФ, II, 414), *Тодерашко брат Крыстий* (МФ, II, 441), *Тодирашку* (1800, ДБ, XX, 202), *Некулай Ионашко* (МФ, II, 457), *Ионашку* (1651, ДБ, XX, 19), *Теринте Видрашко* (МФ, II, 462) и др. Форма *Думитрашко* отличается большой частотностью и в произведениях И. Некулче.

В XVIII в. проникает в молдавскую антропонию украинский суф. -енко. Это один из самых продуктивных и специфических украинских суффиксов для образования фамильных имен от личных имен (отца и матери), от прозвищ, названий местностей и национальностей, названий профессий [Редько, 121]. Суф. -енко стал присоединяться и к молдавским основам, часто принимая форму -енку, к которой порой присоединялся определенный артикль -л: *Андронаки Гуриценко* (МФ, II, 461), *Васыле Скуртуленкул* (МФ, II, 427), *Ион Мырзенко* (МФ, II, 463), *Мирон Гафенку* (1762, ДБ, XX, 57), *Георгишенкул* (1817, ДБ, XX, 291) и др.

В данный период восточнославянский суф. -ич становится продуктивным в украинском языке и приобретает функцию образования фамильных имен от личных имен и особенно от прозвищ. По аналогии с украинскими именами суф. -ич стал присоединяться и к молдавским основам: *Гаврил зет луй Сурич* (МФ, II, 449), *Григораш Гырнич* (МФ, II, 449) *Никита Рысынич* (МФ, II, 442), *Лупул Кликич* (МФ, II, 458), *Дэнилэ Пырлич* (МФ, II, 438), *Сэмион Мындрич* (МФ, II, 425), *Григораш Данолич* (МФ, I, 447), *Сэкэрич* (1791, ДБ, XX, 145) и др. Под влиянием украинского языка появляются формы с суф. -ак/-як от

³ Приведенные и последующие примеры почерпнуты из следующих источников.: *Boga L. T. Documente basarabene*, XX. *Mărturii hotarnice* (1602—1814). Chișinău, 1938. (Сокр.—ДБ, XX); *Boga L. T. Documente basarabene*, II. *Scrisori și răvașe* (1660—1860). Chișinău, 1928. (Сокр.—ДБ, II); *Boga L. T. Documente basarabene*, I. *Foi de zestre* (1734—1844). Chișinău, 1928. (Сокр.—ДБ, I); *Boga L. T. Documente basarabene*, III. *Testamente și danii* (1672—1858). Chișinău, 1929. (Сокр.—ДБ, III); *Documente din Basarabia adunate de P. S. Visarion Puiu, Const. Tomescu, Ștefan Berechet, Ștefan Ciobanu* (1790—1820). Chișinău, 1928. (Сокр.—ДБ); Молдова ын епока феодализмулуй. Вол. III, п. I—II/Алк. П. Г. Дмитриев. Кишинэу, 1975. (Сокр. МФ, I, II).

молдавских основ: *Иван Дудучаку* (МФ, I, 437) *Ион Опэряк* (МФ, I, 449), *Ионицэ Сэндуляку* (МФ, I, 445) и др. Наряду с южнославянскими именами с суф. -ко, проникшими в молдавский язык в первом периоде славянского влияния и ставшими к XVII веку фамильными именами (*Батко, Быцко, Войко, Дацко* и др.), в XVII—XVIII вв. проникает ряд имен с суф. -ко из украинского языка, а другие образуются с суф. -ку/-чу в молдавском языке: *Илко* (МФ, I, 376), *Андрей Мэлайко* (МФ, I, 445), *Лукиан Хилипко* (МФ, II, 457), *Штефанко* (МФ, I, 439), *Санду Борчул* (МФ, II, 459), *Волошинку Михалаке* (1828, ДБ, I, 46), *Герчу* (1778, ДБ, XX, 91), *Дохатку* (1812, ДБ, II, 23), *Кликишчу Глигори* (1764, ДБ, XX, 63), *Васэли сэн Лешку* (1792, ДБ, XX, 210), *Панку* (1814, ДБ, XX, 287) и др. Наряду со старыми, появляются новые формы с суф. -ка: *Милка* (1796, ДБ, XX, 184), *Парфени Рошка* (МФ, II, 409), *Саука* (1662, ДБ, XX, 24), *Ионицэ Штефка* (МФ, I, 461). Более продуктивным стал суф. -ка с женскими именами: *Илянка* (МФ, II, 409), *Ифтинка* (МФ, II, 336), *Катинка Каражя* (1803, ДБ, 219), *Мэланка Нас-тасэ* (1781, ДБ, XX, 129), *Тудоска, че-ау цинут-о Паскал Хоштинэ* (1756, ДБ, 107) и др.

С украинским суф. -чя образовались новые производные, в основном от греко-славянских имен: *Григорчя* (1787, ДБ, XX, 126), *Загорчя* и *Загорче* (1778, ДБ, XX, 91), *Мэлчя* (1794, ДБ, XX, 151) и др.

В XVII—XVIII вв. становятся продуктивными в молдавском языке суф. -уш, -ош. Наряду с формами: *Бантош* (1816, ДБ, 112), *Бухуш Александру* (1670, ДБ, XX, 28), *Константин Тимуш* (1756, ДБ, 106), *Янкуш* (1647, ДБ, 165) и др. появляются производные с данными суффиксами и в молдавском языке: *Артение Ангелуша* (1791, ДБ, XX, 150. Ср. и персонаж В. Александр — *мама Ангелуша*), *Костаки Кируш* (1817, ДБ, III, 33), *Негруша Васэли* (1764, ДБ, XX, 70), *Петруш* (1667, ДБ, 199) и др.

Формы со сложным украинско-русским суффиксом -ушка (<-уш+ка) бытовали и в молдавском языке этого периода: *Анушка* (1646, ДБ, 59), *Штефан Болдушка* (1764, ДБ, XX, 63), *Марушка* (1812, ДБ, XX, 280).

По аналогии с греко-славянскими именами с суф. -еш, бытующими в молдавском языке с XIV века (*Андриеш, Георгиеш, Илиеш* и др.), в XVII—XVIII вв. суф. -еш присоединяется к молдавским отапеллятивным именам; *Сымион Вердеш* (МФ, II, 419), *Костандин Корнеш* (МФ, II, 440), *Дэнуцэ Цапеш* (МФ, II, 445), *Гуреш, Лаеш, Пенеш, Рареш* и др. Сохраняются старые патронимические образования с суф. -ин: *Онофреу Костин* (МФ, II, 430), *Ионицэ Савин* (МФ, II, 451), *Ионицэ Галин* (1818, ДБ, II, 46), а наряду с ними появляются и производные от молдавских форм личных имен: *Штефан Тимотин* (МФ, II, 457). Пополняется группа молдавских фамильных имен в форме русского генитива: *Ба-*

лаура Антоний (ДБ, I, 28), *Буга Иван* (1787, ДБ, XX, 125), *Исяя* (1798, ДБ, XX, 216), *Онака* (1646, ДБ, 185) и др.

Русские и украинские элементы, проникшие в молдавскую антропонию в XVII—XVIII вв., и те славянские элементы, которые проникли раньше и вновь стали активными в этот период, сохранились до настоящего времени в народно-разговорных вариантах личных имен и особенно в фамильных именах. Эти элементы ассимилировались молдавским языком различными способами:

1) Тенденция к артикулированию, характерная для молдавских имен, распространилась и на славянские и греко-славянские имена: *Сандул Борчул* (МФ, II, 459), *Хрихор Луцику* (МФ, I, 436), *Феодосиу Сандул* (1815, ДБ, II, 31), *Василий Мафтейчуку* (МФ, I, 436), *Тоадер Некуцуу* (МФ, II, 450) и др. В списках переписи населения Молдавии 1772—1773 и 1774 гг. имена, оканчивающиеся на *-ей*, *-ай* *-я* и на согласный, получили определенный артикль: *Андреу*, *Маковею*, *Мафтею*, *Настасю*, *Некулаю*, *Онофрею*, *Пинтелею*, *Федиул*, *Христофору*, *Якобу* и др. Артикль появляется в фамильных именах, образованных от неартикулированных личных имен, от имен с суф.; *-ашко*, *-енко*, *-чук* и др., от апеллятивов женского рода: *Михаил Юрийчуку* (МФ, I, 437), *Иван Илчуку* (МФ, I, 435), *Василий Волошчуку* (МФ, I, 435), *Ионицэ Сэндуюляку* (МФ, I, 445), *Ионицэ Чорнею* (МФ, II, 416), *Ионицэ Басоку* (1770, ДБ, XX, 78) и др.

2) Присоединение молдавских суффиксов к суффиксальным формам славянских имен: *Мирон сын Григорэшикуцэ* (МФ, II, 446), *Александра Доничоаи* (МФ, II, 402), *Нистор Друхуцэ* (1787, ДБ, XX, 23), *Штефан сын Дрэгуцэ* (МФ, II, 459), *Дурнескул Ион* (1797, ДБ, XX, 191), *Дурэсчас Аксиния — соция луй Михалчя Дурак* (1661, ДБ, XX, 23), *Иким Негришою* (МФ, I, 342), *Онофрей Спиваескул* (МФ, I, 446), *Василе Стэнишор* (МФ, II, 428), *Георгий сын Чуденесий* (МФ, II, 420) и др.

Процесс ассимиляции славянских форм имен при помощи молдавских суффиксов (латинского происхождения) усиливается в XIX в. Данный процесс распространяется в основном на гипокористические формы имен (*Анкуца*, *Дрэгуца*, *Илинкуца*, *Катинкуца*, *Катринел*, *Марушкуца*, *Милика*, *Рэдуку*, *Стэнкуца*, *Стэнишор*, *Стэнуцэ*), а по аналогии с ними и на фамильные имена: *Богуцэ*, *Брэтеску*, *Брэтуцел*, *Бэлуцэ*, *Войкулеску*, *Ивэнеску*, *Ивэнуцэ*, *Синел*, *Синикэ* и др.

XIX век в антропонимии характеризуется двумя сильными, но противоположными тенденциями:

1) Приспособление имен к нормам молдавского литературного языка. Этому способствовали несколько факторов: развитие молдавского литературного языка; вклад писателей; латинистическое течение, под влиянием которого появился ряд латинских имен, а часть греко-славянских имен была записана латинским фонетизмом; влияние западнороманских языков. Под воздействием этих

факторов в молдавских документах XIX в. появляются официальные, литературные формы имен: *Елисавета Харе* (1846, ДБ, 46), *Еманоил Дрэгич* (1844, ДБ, 148), *Инокентие* (1804, ДБ, 36) и др. Встречаются имена с латинским фонетизмом: *Теофан* (1846, ДБ, 30), *Теокист* (1846, ДБ, 46), *Теодот* (1846, ДБ, 56), *Теодор Балиш* (1804, ДБ, 179), *Тома* (1804, ДБ, 179), *Тудосе Будеч* (1804, ДБ, 36) и др. Вновь были введены в обиход балкано-романские имена: *Смаранда Донич* (1841, ДБ, 145), и *Змаранда Донич* — логофэт (1828, ДБ, 143), *Мэриоара* (1804, ДБ, 176), *Мэргэринт Некулау* (1841, ДБ, 145), *Сорица* (1794, ДБ, 112) и др.

2) Новое славянское влияние, которое усиливается после 1812 года, благодаря присоединению Бессарабии к России. Через русский язык в этот период проникает в молдавскую антропонимию ряд новых имен греческого и романского происхождения, которые не были засвидетельствованы в наших документах в предыдущие периоды: *Анатоле* (1837, ДБ, III, 74), *Вениамин* (1805, ДБ, 25), *Виктор* (1865, ДБ, 151), *Висарион* (1846, ДБ, 46), *Зинаида* (1910, ДБ, 156), *Олимпиада Харе* (1846, ДБ, 46), *Пулхерия* (1865, ДБ, 152) и др.

Одни из главных факторов русского влияния в XIX веке состоит в появлении патронимов (отчеств) в русской форме и, следовательно, в появлении официальной трехчленной формулы наименования по русскому образцу. Как показано выше, в славяно-молдавских документах XIV—XV вв. к молдавским именам присоединялись славянские патронимические суффиксы *-ин*, *-ич*, *-ович*, *-евич*: *Костин*, *Колич*, *Шербич*, *Жумэтатевич*, *Лимбэдулчевич*, *Крецович*, *Нэстурелович*, *Поркович*, *Тадерович* и др. С появлением письменных переводов памятников на молдавский язык эти формы исчезли из употребления. Суффикс *-ин* уже в XVII—XVIII вв. становится непродуктивным. Сохранились только древние формы *Костин*, *Савин*, к которым добавилось еще несколько: *Петрулин*, *Тимотин*. Суф. *-ич* становится очень продуктивным в XVIII в., но семантически это уже не тот патронимический суффикс XV в., а новый, украинский суффикс, при помощи которого образовались фамильные имена, особенно от прозвищ. Суффиксы *-ов*, *-ев* также не встречаются в XVII—XVIII вв. Только к концу XVIII в. и в начале XIX в. появляются формы с суффиксами *-ов*, *-ев* и *-ович*, *евич*. Эти две формы патронимов соответствовали русским формам отчества и различались между собой по функциям. В русском языке, как указывает В. К. Чичагов, с *-ович* и *-евич* именовались только представители высших социальных слоев эпохи феодализма. Все остальные лица, в том числе и дети лиц, именовавшихся с *-овичем*, именовались с отчествами на *-ов*, *-ев* и *-ин*. Суф. *-ович*, *-евич* присоединялись только к личному имени отца, тогда как суф. *-ов*, *-ев*, *-ин* образовали производные со значением отчества и от других слов, которые служили характерис-

тикой того или иного человека⁴. Данное положение, характерное для русского языка, продолжалось до XIX в.; оно нашло свое отражение и в молдавской антропонимии XIX века, в которой появляется трехчленная официальная формула именования с именем отчества на *-ович*, *-евич* и с указанием в тексте, что соответствующие лица являются дворянами — «нобил, nobilă»: «Ачас-тэ прокурэ апарцине Нобилулуй Константин Николаевич Дониц — Доверенность эта принадлежит Дворянину Константину Николаевичу Доницу» (1886, ДБ, 153), «Домнишоара Евгения Феодоровна Руссо — Дворянка девица Евгения Федоровна Руссо» (1886, ДБ, 153), «Тутор Нобил Павел Степанович Россет — Попечитель Павел Степанович Россет» (1886, ДБ, 153—154), Нобила Олга Ивановна Руссо (1892, ДБ, 154—155), Косте Кирилович пыркэлабул ди Хотин (1800, ДБ, XX, 81). Если социальный титул не указывается рядом с именем, то социальное положение именуемого подразумевалось из контекста: Андрей Арсэнович (1824, ДБ, III, 59), Иордаки Александрович (1817, ДБ, III, 35), Алексэй Штефанович (1828, ДБ, II, 120), Сэмион Петрович (1832, ДБ, II, 126), Михали Радович (1800, ДБ, III, 23) и др. Другие лица записаны с *-ов*, *-ев*: Думитраки Костандинову (1828, ДБ, 138), Иордаки Лазарев (1834, ДБ, III, 73), Козма Павлов (1834, ДБ, III, 73) и др.

Под влиянием русской трехчленной формулы именования лиц в XIX в. появляется и молдавская трехчленная формула, в которой патроним (отчество) ставится в именительном падеже, так как предшествующие ему элементы (генетивный артикль *а луй*, славянские апеллятивы *сын, брат, зет*) пропускаются⁵: Симион Пинтилие Андрейка, рэзеш, Константин Мария Хрицку и др.

Под влиянием русской антропонимии в XIX в. становятся более распространенными и фамильные имена с суф. *-ский/-цкий*: Иван Волчинский (1823, ДБ, III, 57), Крэжановски Димитрие (1822, ДБ, II, 81), Марковский (1824, ДБ, II, 105), Мироновский Иоан (1805, ДБ, III, 11), и др.

На современном этапе русское влияние на молдавскую антропонию проявляется в основном в гипокористических формах имен и в официальной формуле наименования.

В настоящее время получают распространение русские гипокористические формы имен: Антоша, Аня, Аркаша, Ваня, Вася, Димка, Илюша, Маринка, Нюся, Олечка, Павлик, Петя, Саша, Танюша, Федя, Шура и др. Они проникают и в художественную литературу. Употреблению русских гипокористических форм имен в молдавском языке способствуют не только современные, пов-

⁴ См.: Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, с. 47—57.

⁵ Славянская формула именования с апеллятивами *сын, брат, зет*, которая появилась в молдавской антропонимии во второй половине XVII в. и была распространенной в XVIII в. и во второй половине XIX в. уже выходит из употребления.

седневные социальные и культурные контакты, но и тот факт, что соответствующие модели адаптировались молдавским языком еще в первом периоде славянского влияния. Например, имена с суф. *-ка, -ша, -я, -ик* бытовали еще в XIV—XV вв., затем данные суффиксы присоединялись к греко-славянским именам и имели широкое распространение во всех последующих периодах. Для современного молдавского языка характерна тенденция к морфологической адаптации данных русских гипокористических форм путем присоединения к ним молдавских суффиксов: *Вэнишор, Вовушор, Володел, Льонишор, Мишуликэ, Мэшуца, Нэстица, Лизуца, Олгуца, Пэшуца* и др.

Если в XIX в. русская трехчленная формула наименования лиц употреблялась только для высших слоев общества, то в современной молдавской антропонимии под влиянием русской современной антропонимии трехчленная официальная формула именования лиц с отчеством на *-ович, -евич* стала нормой для всех граждан.

Таким образом, восточнославянское влияние в молдавской антропонимии в XVII—XVIII вв. проявилось в основном в процессе образования фамильных имен. Из большого количества славянских суффиксов, проникших в предыдущем периоде, стали продуктивными суффиксы фамильных имен, характерные для украинского языка: *-ка, -ко, -ашко, -ич, -чя*; проникли также новые украинские суффиксы: *-ак/-як, -енко, -ук/-юк/-чук*. Производные с данными суффиксами были ассимилированы молдавским языком путем артикулирования и присоединения молдавских суффиксов.

Русское влияние в XIX в. характеризуется появлением в молдавском языке трехчленной официальной формулы наименования лиц.

На современном этапе русское влияние проявляется в гипокористических формах личных имен и в утверждении трехчленной официальной формулы наименования лиц с отчеством на *-ович, -евич* для всех граждан.

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЛДАВСКИХ ТОПОНИМОВ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Современная молдавская топонимия неоднородна в этимологическом отношении. Помимо названий романского происхождения, составляющих основной фонд данного топонимического региона, она содержит наименования славянские, тюркские и др. Особенно хорошо представлены славянские топонимы. Эти наз-

вания возникли в условиях романо-славянского билингвизма на всем протяжении предыстории и истории молдавского языка.

В истории указанных языковых отношений следует различать четыре периода¹. Каждый из них отличается собственной спецификой языковых контактов и славянских заимствований в языке восточнороманского населения. Первый период соответствует балкано-романскому этапу развития восточнороманских языков (VI—X вв.), когда романским населением заимствуются южнославянские языковые элементы разговорной речи. Второй период, т. е. период дако-романской общности (XI—XIV вв.), характеризуется романо-славянскими языковыми контактами в сферах разговорной речи и книжного влияния старославянского языка². Третий период охватывает промежуток времени с XIV в. (т. е. с образования Молдавского феодального государства в 1359 г.) до Октябрьской революции. Он связан с формированием и развитием молдавского языка и интенсификацией языковых контактов с восточнославянскими народами, русским и украинским. Особенностью четвертого (советского) периода является развитие молдавского национального языка в непосредственном контакте с русским языком³.

На протяжении многих столетий славяне жили рядом и вперемежку с романским населением. Это привело в отдельных областях к романо-славянскому билингвизму, в результате которого восточные романцы усвоили большое количество славянских языковых элементов. Славянские языки оказали влияние на фонетику, морфологию, синтаксис и особенно на лексику восточнороманских языков; они оставили глубокие следы и в местной топонимии. Славянское происхождение тех или иных топонимов можно установить на основе некоторых фонетических, лексических, словообразовательных и других особенностей. Прежде всего речь идет о наличии в упомянутых названиях сочетаний *шт*, *жд* и гласного *а* (*я*) вместо сочетаний **tj*, **kti*, **dj*, гласного *ѣ*, типичных для фонетики общеславянского языка. К числу фонетических явлений, способствующих дифференциации славянских топонимов, относятся также рефлексы общеславянского носового гласного *ѣ* в виде сочетаний *ын* (*ым*) и *у*, изменение *г > х* (молд. *х*), явление полногласия и др.

Как установлено, переход общеславянских сочетаний *t+j*, *kt+i*, *d+j* и гласного *ѣ*, в *шт*, *жд* и *а* (*я*) имел место в южнославянских говорах восточноболгарского типа. Этим же говорам свойственна трансформация общеславянского гласного *ѣ* в *ѣ* (носо-

¹ См.: Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть / Ред. С. Бережан. А. Дырул, Т. Ильяшенко. Кишинэу, 1964, п. 52—53.

² Ильяшенко Т. П. Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М., 1970, с. 77—93.

³ О специфике развития молдавского национального языка см.: Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды. М., 1959, с. 5—84, 145—166 и др.; Шишмарев В. Ф. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР.— В кн.: Вопросы молдавского языкознания. М., 1953, с. 73—120.

вое), которое в восточнороманских языках сохранилось в преобразованном виде в сочетании *ын* (или *ым*). Поэтому топонимы, содержащие фонетизмы *шт*, *жд* и *ын* (*ым*), можно отнести к славяно-болгарским. Подобные названия встречаются в северных придунайских землях⁴. Указанные названия возникли во времена балканско-романской языковой общности.

Фонетические изменения $\delta > y$, $z > h$ и явление полногласия составляют характерные особенности восточнославянских языков. Топонимы с указанными фонетизмами получили большое распространение к востоку от Карпат, в бывшем Молдавском княжестве и в Буковине. На территории Молдавской ССР встречаются, например, названия: *Дубровка*, *Дубэу*, *Залуча*; *Хулбока*, *Захорна*, *Похребень*, *Хлина*, *Хырбовец*; *Березовка*, *Болотина*, *Воронец*, *Солонец*, *Хородиште* и др. С хронологической точки зрения их можно отнести к периоду дако-романской языковой общности (XI—XIV вв.) и к эпохе формирования и развития молдавского национального языка (XIV—XX вв.).

Влияние восточнославянских топообразований представлено и другими фонетическими чертами: рефлекс *и* вместо *е* (*Била Кирница*, *Билосэуць* и др.), передача славянских суффиксов **-ovr/*-evr, *-ovici/*-evici* через *-эу/-еу, -эуць/еуць*: *Вэрэнкэу*, *Деренеу*, *Дубэу*, *Василеуць*, *Матеуць*, *Трифэуць* и др. Известно, что в восточнославянских языках явление полногласия и изменение $z > h$ датируются XI веком, а исчезновение носовых гласных происходит в X—XI веках⁵. Указанные фонетические явления, по мнению Ф. П. Филина, начали развиваться еще в общеславянскую эпоху⁶.

В пределах молдавского топонимического региона встречаются и названия, фонетические черты которых на первый взгляд говорят об их принадлежности к южнославянскому пласту. Эти названия содержат упомянутые фонетизмы *шт*, *жд*, *а(я)* вместо общеславянских **tj, *kti, *dj, *ě* (*Пештера*, *Градиште*, *Граждурь*, *Дялу* и др.), сочетания *ра*, *ла*, *ре*, *ле* вместо полногласных сочетаний *оро*, *оло*, *ере*, *еле* (*ело*) (*Дрэгэнешть*, *Драгомирешь*, *Врэнешть*, *Стража*, *Брезоя*, *Слатина* и др.) Однако, при более детальном анализе можно установить, что в основе этих названий лежат либо заимствованные молдавским языком древнеславянские апеллятивы (*нештерэ*, *грэдиште*, *гражд*, *дял*, *стражэ*, *брыз*, *слатинэ*), либо молдавские антропонимы южнославянского происхождения (*Дрэ-*

⁴ Шишмарев В. Ф. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР, с. 100; Petrovici E. Studii de dialectologie și toponimie. Buc., 1970, p. 158—168, 173—202, 255—263.

⁵ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888, с. 23; Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, с. 134; Боровков В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 66, 68, 72; Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962, с. 21, 24, 80.

⁶ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972, с. 29, 210, 254—255 и др.

ган, Драгомир, Вранэ и др). Следовательно, топонимы не отражают характерные особенности тех языков или говоров, на которых говорили славяне, обитавшие некогда на территории Молдавии. То же самое можно сказать о топонимах с восточнославянским фонетизмом (х вместо г: *Бахна*, *Корханул*, *Хулубешть* и др.), встречающиеся в пределах южнославянского топонимического ареала⁷.

В древних славяно-молдавских грамотах зафиксировано множество топонимов славянского происхождения: *Билосэуць* (1447 г.), *Висока* (1460 г.), *Гвоздэуць* (1432 г.), *Деренев* (1445 г.), *Кобыля* (1482 г.), *Лэпушина* (1431 г.), *Лозова* (1420 г.), *Пересечина* (1420 г.), *Садовая* (1420 г.), *Теребна* (1429 г.), *Тырнова* (1420 г.), *Хирова* (1495 г.) и др.⁸ Нет сомнений, что эти названия древнее своих первых документальных засвидетельствований. Возможно, что некоторые из них, особенно названия больших и средних рек, относятся к древнеславянскому пласту. Правда, нет пока языковых данных, подтверждающих существование на территории Молдавии двух славянских топонимических пластов (южнославянского и восточнославянского), но отсутствуют также и данные, которые доказали бы противоположное.

О проживании древних славян к востоку и северо-востоку от Карпат свидетельствуют письменные источники и археологические памятники. Историк середины VI в. Иордан указывает, что славяны жили вдоль Дуная от города Новиотунензис и озера Мурсианус до Днестра, а на севере — до Вислы⁹. Византийские авторы Прокопий Кесарийский, Маврикий Стратег и др. сообщают, что вдоль Дуная и в приднестровских землях проживали наряду со славянами, также и анты¹⁰.

На территории Молдавской ССР обнаружено более 130 древних славянских поселений, отнесенных к VI—IX вв.: *Хуча*, *Одая*, *Алчедар*, *Реча*, *Селиште*, *Костешть*, *Калфа*, *Ханска* и др. Из них 48 принадлежали южным славянам¹¹. Проникновение южных (балкано-дунайских) славян в эти места связано с расширением власти Болгарского царства к северу от Дуная в конце IX — начале XI вв. Большое количество поселений южных славян появляется на юге Днестровско-Прутского междуречья¹². В период влияния Древнерусского государства на Карпато-Днестровские земли (X—XI вв.) на севере края образовалось много восточно-

⁷ Об этом см.: *Петрович Э.* Географическое распространение славянских топонимов на территории Румынии.— „*Romanoslavica*“, IX, 1963, с. 5—12.

⁸ Подробнее об этом см.: *Еремия А. И.* Восточнославянская топонимия Молдавской ССР.— В кн.: *Питання ономастики*. Київ, 1965, с. 109—115; *Еремия А. И.* Нуме де локалитэць. Студиу де топонимие молдовеняскэ. Кишинэу, 1970, с. 29—30.

⁹ *Иордан*. О готах, III, 34—35.— *Вестник древней истории*, 1941, № 1, с. 232.

¹⁰ *Прокопий*. Готская война, II, I, 27; III, 14, IV, 4; *Маврикий*. Стратегикон, XI, 5.— *Вестник древней истории*, 1941, № 1, с. 234, 237, 242, 253—257.

¹¹ *Федеров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф.* Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 6. Кишинев, 1974, с. 5—52.

¹² *История Молдавской ССР*. Кишинев, 1982, с. 32—33.

славянских (древнерусских) поселений. Здесь обитали славянские племена тиверцев и уличей. Об их местонахождении свидетельствуют письменные источники. Так, в «Повести временных лет» сообщается: «... уличи и тиверьцы сядяху бо по Днестру, присядяху к Дунаеву. Бе множество их, сядяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне...»¹³.

Баварский географ IX в., имя которого осталось неизвестным, отмечает, что у тиверцев было около 148 городов, а у уличей — 318¹⁴. Может быть, среди них числились и те, чьи наименования упоминаются позже в русских летописях: *Тырнова, Дичин, Белгород, Черн, Пересечен, Коломыя* и др.¹⁵

В свете приведенных выше данных явно неубедительно выглядит мнение некоторых исследователей, будто славянская топонимия Молдавии — довольно позднего времени (не ранее XIX в.) и будто она в основном носит официальный характер. Подтверждением того, что славянская топонимия этого края значительно древнее и что она возникла в результате длительного периода совместной жизни восточнороманского населения со славянами (т. е. была создана местным славянским населением, а не русской администрацией), служат, как уже было показано, многочисленные исторические и языковые данные. Географические названия, так же как и апеллятивная лексика, заимствованы молдавским языком в ходе непосредственного этнического и языкового контакта между романским и славянским населением.

Задача топонимического исследования состоит в определении языковой принадлежности самих топонимов, а не тех слов, которыми они мотивированы. К тому или иному языку относятся топообразования, обладающие фонетическими, лексическими, словообразовательными и грамматическими признаками соответствующего языка. Собственно славянскими считаются топонимы, созданные славянским населением на основе как исконно славянских, так и неславянских лексем, которые будучи заимствованными из других языков, употребляются в славянских языках (диалектах, говорах) в апеллятивной функции. От славянских заимствованных слов в молдавском языке образованы топонимы *Браниште, Думбрава, Присака, Стынка* и др. Эти названия коренным образом отличаются от топонимов типа *Зруб, Копанка, Устия, Чорна* и др., которые также встречаются на территории Молдавии. Первые стали топонимами лишь после того, как они закрепились в молдавском языке в качестве нарицательных существительных (*браниште* «заповедный лес», *думбравэ* «дубрава», *присакэ* «пасека», *стынкэ* «скала»). Вторые же в молдавском языке никогда не существовали на положении апеллятивов.

¹³ Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950, с. 14.

¹⁴ Шафарик П. Славянские древности. Т. 2, кн. I. М., 1948, с. 216.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856, с. 240.

В качестве топонимов собственно славянского типа чаще всего выступают заимствованные молдавским языком славянские географические термины: *балтэ* «болото», *бахнэ* «болото, топь», *браниште* «заповедный лес», *дял* «пригорок, холм», *думбравэ* «дубрава», *гырлэ* «речка, гирло», *грэдинэ* «сад», *грэдиште* «городище», *гринд* «возвышенное место», *езер* «озеро», *извор* «источник», *лункэ* «луг», *млакэ* «болото, топь», *мочирлэ* «топкое место», *мовилэ* «холм, бугор», *остров* «остров», *пештерэ* «пещера», *поянэ* «поляна», *присакэ* «пасека», *прислон* «перевал», *ровинэ* «болото», *селиште* «селище; место расположения села», *слатинэ* «соленый источник», *стынкэ* «скала», *топлицэ* «источник теплой воды», *хыртоп* «овраг» и др. Большое распространение они получили в микропонимии. В названиях населенных пунктов хорошо представлены антропонимы славянского происхождения: *Богдэнешть*, *Брэнешть*, *Бэлэнешть*, *Врэнешть*, *Драгомیرهсть*, *Дрэгэнешть*, *Мындрешть*, *Новаць*, *Рэдулень* и др. Эти названия содержат обычно молдавские суффиксы *-ень/-ань*, *-ешть* и др.

В качестве достоверных показателей языковой принадлежности топонимов выступают также форманты. Славянскими являются названия с формантами *-на*, *-ова/-ева*, *-овка/-евка*, *-овцы/-евцы* (>молд. *-эуць/еуць*), *-инцы* (>молд. *-инць*) и др.: *Лопатна*, *Теребна*; *Гвоздова*, *Леонтева*, *Садова*; *Богдановка*, *Калиновка*, *Сергеевка*; *Васкэуць*, *Гринэуць*, *Матеуць*; *Белавинць*, *Прокопинць*. Топонимы на *-на*, *-ова/-ева* являются древними. К тому же они хорошо представлены в топонимии всех славянских стран, включая южнославянские (Болгарию, Югославию)¹⁶. Предполагается, что они закрепились как самостоятельные топообразования еще в общеславянском языке¹⁷. Достаточно древними являются топонимы на *-овцы/-евцы*, *-инцы*. Зона их распространения не ограничивается Молдавией, а охватывает и другие территории: Западную Украину, южную часть Польши, юго-восточную часть Чехословакии. Подобные названия встречаются также в Болгарии и Югославии, где они образуют отдельный ареал (так называемый «южный» или «дунайский», в отличие от «северного» или «карпатского»)¹⁸.

Молдавские топонимы обычно содержат форманты *-ань/-ень*, *-ешть*, *-иш*, *-эрие/-ерие* и др.: *Гэурень*, *Езэрень*, *Пашкань*; *Вэрзэрешь*, *Грозешть*, *Онешть*; *Корниш*, *Кэрпишиш*; *Броскэрия*, *Курекерия*, *Кэпрэрия*. Многие из них засвидетельствованы в молдавских грамотах XV—XVI вв.

¹⁶ Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 9—89; Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом *-ън-*.— Там же, с. 90—143; Borek H. Zochodniosłowiańskie nazwy toponimiczne formantem *-on* Wrocław, 1968.

¹⁷ Никонов В. А. География русских суффиксов.— Ономастика, IX, Кракow, 1959, с. 26—48; Славянский топонимический тип (Географические названия).— Вопросы географии, № 58. М., 1962, с. 25, 29.

¹⁸ Никонов В. А. Славянский топонимический тип, с. 28.

Ойконимы *Бадеуць, Броскэуць, Фрэтэуць* и др. имеют в основе молдавские фамильные имена (*Бадя, Броаскэ, Фрате*). Однако было бы неверно считать их элементами молдавского происхождения. Эти названия образованы с помощью славянского суффикса *-овци/-евци*. Молдавскому языку не свойствен такой суффикс. Собственно славянского происхождения гидронимы *Вишневец* и *Черешневец*, несмотря на то, что их корневые морфемы этимологически тождественны молдавским апеллятивам *вишин* и *чиреш*. Указанные названия образованы от основ славянских прилагательных *вишневый* и *черешневый* с помощью суффикса *-ец*, выполняющего в данном случае субстантивирующую функцию.

Следовательно, при этимологизации топонимов (впрочем, как и апеллятивов) нужно исходить из наличия в языке-источнике всех выделяемых компонентов: и основы (корня), и формантов. Отсутствие какого-либо из них — верный признак ошибочности толкования. Именно с этой точки зрения обращают на себя внимание некоторые этимологии топонимов. Гидроним *Ботна*, например, возводится к молд. *ботэ* «деревянная бадья» и славянскому форманту — *на*¹⁹. Такая этимология неприемлема, так как молдавскому языку неизвестен суффикс *-н- (а)*, а в славянских языках отсутствует нарицательное *ботэ* с указанным значением.

Словообразовательные морфемы заимствуются довольно редко. Они проникают в другой язык вместе с соответствующими производными словами. В новой языковой среде они становятся самостоятельными формантами, отделяясь от своих основ лишь после того, как лексические заимствования организуются в отдельные структурные типы и когда по этим типам образуются новые слова.

Современная молдавская топонимия характеризуется возникновением и развитием новых семантических и структурных моделей географических названий. Новые названия создаются на лексическом материале как молдавского, так и русского языков. Процесс обновления топонимии связан с изменениями в производственной, культурной и общественно-политической жизни республики.

МОДИФИКАРЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕ ЫН ВОКАБУЛАРУЛ ЛИМБИЙ МОЛДОВЕНЕШТЬ АКТУАЛЕ

Ын лимба молдовеняскэ контемпоранэ, де алтфел, ка ши ын челелалте лимбь дин Униуня Советикэ, прочесул де модернизаре а лексикулуй аре лок пе о скарэ фоарте ларгэ, май алес ын пе-

¹⁹ Трубацев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 149—150.

риода постбеликэ. Апариция масивэ а кувинтелор ши експреси-илор ной ын тоате доменииле де активитате а омулуй есте о примэ характеристикэ а лексикулуй актуал.

Дар, май ынтый, сэ аминтим кытева консидеренте привинд каузеле апарицией кувинтелор. Еле пот фи диферите:

а) *лингвистиче*. Де екземплу, дин *астэ+зи* с'а формат *астэзь* (лат. *ista die*); *кукор+стырк* а дат *кукостырк*; *муст+де+ай* л-а формат пе *муждей*; *де+ынтре* > *динтре*.

б) *социале*. Кувинтеле ши експресииле яу наштере ын диферите групурь социале: *пескарь*, *вынэторь*, *маринарь* ш. а., апой се рэспындеск ын узул женерал. Де пилдэ: *а луа ла окь* вине дин лимбажул *вынэторилор*; *а акоста* — де ла *маринарь*.

в) *историче*. Кувынтул апаре дин нечеситатя де а денуми диферите ноциунь, фапте историче. Де екземплу, денумирилe векилор демнитэць: *логофэт*, *пахарник*, *пивничер*, *постелник*, *кроникар*, *домнитор*, *спэтар*, *апрод* ш. а., каре ау рэмас доар ын литература ку характер историк. Ын периоада советикэ: *большевик*, *совет*, *стахановист*, *чинчинал*, *НЕП*...

Деспре кэиле де ымбогэцире а вокабуларулуй лимбий с'а ворбит мулт ын литература де спечиалитате. Се штие, кэ апариция унор ной унитэць лексикале аре лок пе доуэ кэй принципале: каля интернэ ши чя екстернэ.

Пе каля интернэ се формязэ кувинте ной ку ажуторул мижлоачелор проприй сау дежа екзистенте ын лимбэ. Ачастэ кале куноаште кытева прочедеэ: *дериваря*, *компунеря*, *конверсия*, *редупликаря*, *контаминаря*, *абрeвиeря*.

Дериваря, адикэ формаря кувинтелор ной ку ажуторул афикселор (префиксе ши суфиксе), есте чел май продуктив прочедеу. Лимба ноастрэ куноаште фоарте мулте префиксе ши суфиксе формативе. Ятэ доар кытева дин ачестя:

а) префиксе — *ын-*, *ым-*, *дез-*, *дес-*, *рэс-*, *рэз-*, *стрэ-*, *ре-*, *рэ-*, *ин-*, *кон-*, *ком-*, *а-*, *не-*, *пре-*...

б) Лимба латинэ куноштя песте 70 де суфиксе, ку ажуторул кэроа се формау субстантиве, динтре каре ау фост моштените кам о трейме: *-ар*, *-ат*, *-ит*, *-ут*, *-ел*, *-ет*, *-име*, *-инцэ*, *-тор*, *-урэ*, *-этате*, *-яцэ*...

О алтэ серие маре де суфиксе есте де орижине славэ: *-ан*, *-ян*, *-ание*, *-ение*, *-аш*, *-уш*, *-ец*, *-илэ(-алэ)*, *-иш*, *-иште*, *-кэ*, *-ицэ*, *-ушкэ*...

Авем суфиксе ши дин алте лимбь: дин *грякэ* — (*-оке*, *-а*); унгарэ — (*-шаг*, *-шуг*, *-эу*); туркэ — (*-жиу*, *-лык*)...

Мажоритатя суфикселор ши префикселор енумерате аич сынт ши астэзь фоарте активе, сервинд ла дериваря нумероаселор формаций лексикале. Сэ не лимитэм, тотуш, ла ун сингур екземплу: *пэмынт* — *пэмынтеск*, *пэмынтян*, *пэмынтиу*, *ымпэмынтени*, *ымпэмынтенит*, *ымпэмынтецире*, *пэмынтос*, *пэмынтеште* ш. а.

Ун префикс неоложик фоарте продуктив (сау чел май продуктив) есте *ре-*, индикынд, де регулэ, репетаря сау реынноиря акциуний: *реедита*, *реангажа*, *реедука*, *рекема*, *реанима*, *реалейжэ*,

рекалкула, речити, регрупа, рефаче, рестабили ш. а. м. д. Мажоритатя ачестор вербе сынт калкияте дупэ модел латин сау романик ши активизате де структурь русешть де типул: *переиздать, перегруппировать, переделывать, пересчитать* ш. а. (дин лимба русэ се фак астэзь челе май нумероасе традучерь). Ачест *ре-* поате форма деривате ын мод апроапе нелимитат.

Челе май фреквенте ын ноиле денумирь сынт урмэтоареле суфиксе:

-тор: *аккумулятор, вибратор, индуктор, кристаллизатор* ш. а. (ачестя ши алтеле се деосебеск де челе русешть прин локул акцентулуй сау ши прин жеминателе КК ши ЛЛ — *аккумулятор, кристаллизатор*); тот аич се ынкадрэз ши субстантивеле анимате: *ажитатор, декоратор, экспедитор, оператор, механизатор, монтор, инсталатор*.

-итэ: *апендикитэ, гепатитэ, радикулитэ, нефритэ;*

-инэ: *албуминэ, глицеринэ;*

-ор: *компресор, инверсор, телевизор, асамблор;*

-озэ: *амилозэ, глюкозэ, фруктозэ, целулозэ;*

-ант: *коагулант, консервант, дебутант, демонстрант;*

-урэ: *апаратурэ, арматурэ, квадратурэ, аспирантурэ, коректурэ;*

-ист: паре ун суфикс екстрем де виабил (ла фел ка префиксул *ре-*, *марксист, ленинист, интернационалист, комунист, комсомолист, журналист, жеодезист, аутомобилист, кубист, радист, самбист, баскетболист*¹;

-изм: *марксизм, ленинизм, молдовенизм, абстракционизм, туризм, коллективизм, структурализм, волунтаризм, консерватизм, антагонизм, сектаризм, отзовизм, додекафонизм;*

-ент: *асистент, опонент, референт, депонент, студент;*

-ан: *академициан, физичиан, математичиан;*

-икэ: *космонаутикэ, електроникэ, жenetикэ, бионикэ;*

-цие: *продукцие, аберацие.*

Крештеря нумэрулуй аджективелор ын *-бил* о експликэм ши принтр'о каузэ де ордин екстерн: прин инфлуенца аджективелор пасиве дин лимба русэ де типул *удобоваримый* (суфиксул *-и/мый*). Ла традучеря унор астфел де аджективе ын локул конструкцией аналитиче каре поате *фи+партиципиул вербулуй де конжугат* (ын казул ностру, каре поате *фи дижэрат*) есте утилизат аджективул респектив терминат ын *-бил* (адикэ *дижерабил*). Астфел се креазэ о анумитэ економие ын лимбэ. Асеменя кувинте сынт формате кяр ши атунч, кынд пар неверосимиле (*мынкабил, бэу-бил*), деши сынт креате ын мод фиреск. Ши, тотуш, мажоритатя

¹ Деспре ролул суфиксулуй *-ист* ын дезволтаря терминологией молдовенешть, ын спечнал а челей сочиал-политиче, везь: *Маткаш Н. Г.* Кореспондентеле молдовенешть але формацилор русешть ын *-ец, -го, -век, -евец*.— Ын: *Лексикул ши фразеоложия лимбий молдовенешть контемпоране*. Кишинэу, 1981, п. 136—142.

аджективелор ын **-бил** рэмын ла дискреция ворбиторилор; еле ну ау о аутономие кларэ. Сынт де фапт ниште форме але вербелор.

Лексикализаря луй **-бил** апаре жустификатэ ын казул кынд семантик ачеста есте аутоном фацэ де верб сау ну аре вербул кореспунзэтор: *инадмисибил* (недопустимый), *индискутабил* (неоспоримый), *индеструктибил* (нерушимый).

Компунеря есте униря а доуэ сау май мулте кувинте (радикаль), каре, перзынду-шь аутономия морфоложикэ ши семантикэ, дау наштере унуй кувинт ноу, ку сенс унитар.

Ла фел ка ынтрег вокабуларул лимбий молдовенешть, кувинтеле компусе формязэ, дин пунктул де ведере ал орижиний лор, трей групурь дистинкте:

а) моштените (де екз., *трифой, адевэр, мижлок, дупэ* ш. а.);

б) ымпрумутате, май алес дин лимбиле славе, ши формате пе терен проприу. Компуселе ымпрумутате, ла рындул лор, се ымпарт ын: 1) компусе формате прин калкурь сау семикалкурь (де екз., *бинефачере, унтделемн, фэрэдележэ, бунэстаре, бунэвоинцэ, амор-проприу, друм де фер, унгераш рошу, унсрезече, трудози*) ши 2) креаций орижинале (де екз. *а ындемна, алткындва, алалтэсарэ, тотодатэ, Жора-де-Сус, демынкатул, дефокул*).

Уний черчетэторь консидерэ, кэ дин латинэ не-ау венит нумай трей кувинте компусе тематик. Ачестя сынт: *трифой, лучафэр* ши *примэварэ*. Астэзь прочедеул компунерий, сусцинут де ачелаш феномен дин лимба русэ, есте фоарте актив ын лимба ноастрэ. Ши, куриос лукру, кувинтеле компусе пот луа наштере ну нумай прин симпла алэтураре а доуэ сау май мулте кувинте, индепенденте сау депенденте, уните ку сау фэрэ кратимэ, кум ар фи: *кларвэзэтор, демынкаре, бот-грос, трайста-чобанулуй, аржинт-виу, мэринимие* (-маре+инимэ+ие), *русо-молдовенеск, флоаря-соарелуй, коате-гоале, Вадул-луй-Водэ, Редиул-маре, вагон-рестаурант, рошу-дескис, муждей, дестул, тустрей* етч., чи ши дин пропозиций сау кяр фразе ынтрежь. Пилделе де кувинте компусе провените дин пропозиций ну-с кяр атыт де пущине. Ятэ кытева екземпле: *ну-мэ-уйта, ынкуркэ-луме, гурэ-каскэ, принде-муште, лэ-мэ-мамэ, ынтурэ-луме, флуэрэ-вынт, тырые-брыу, згырие-брынэ, дукэ-сепе-пустий, учигэ-л-кручя, соаре-апуне, соаре-рэсарэ, вино'нкоаче, линже-блиде, папэ-лапте, папэ-тот, ун ну-штиу-че, перде-варэ, веде-тот, Стрымбэ-Лемне, Сфармэ-Пятрэ, Катэнсус*.

Тот динтр'о пропозиције ышь траже орижиня ши фрумосул кувинт *кумсекаде* (ом *кумсекаде*), ши де аич — *кумсекэдение*.

Астфел де пропозиций-субстантиве ынтылним, фиреште, ын литература артистикэ. Ятэ о пилдэ дин Крянгэ, унде *згырие-брынэ* апаре ынтр'о синтагмэ май маре:

...кэч, дрепт ворбинд, ши мош Василе ера ун кэрпэнос ши ун пуй де згырие-брынэ, ка ши мэтуша Мэриоара.

Повеститорул, врынд паркэ сэ «дублезе» згырчения луй мош Василе, ыл пуне пе *згырие-брынэ* пе лынгэ ун алт кувинт — *пуй*,

каре, ла модул фигурат, ый конферэ валoare де суперлатив (прин аналожие ку *пуй де сомн, пуй де бэтае*).

Дар, дупэ кум ам спус, унеорь о сингурэ ноциуне поате фи редатэ ши принтр'о фразэ ынтрягэ: *Н'ауде-на-веде-на-греул-пэмынтулуй, уйте-попа-ну-е-попа, (ун) ду-те-вино, (ун) таче ши фаче, скирца-скирца (пе хыртие), ласэ-мэ-сэ-те-лас*.

Пропозиций ши май алес фразе ку валoare де парте де ворбире се ынтылнск релатив рар. Челе екзистенте ау о векиме маре ын лимбэ ши се презинтэ ка ун тип апарте де фразеоложизме. Ши ын ачест домениу пот фи фэкуте аналожий ку алте лимбэ. *Ну-мэ-уйта*, де екземплу, есте еквивалентул луй *незабудка* ши *ne-m'oubliez ras* дин лимбиле русэ ши франчезэ. Унеле дин ачесте унитэць де лимбэ, кум ар фи *ласэ-мэ-сэ-те-лас, ун ду-те-вино* ш. а., пот фи рапортате ла вокабулар доар ку ануите резерве. Ын практика лексикографикэ еле сынт презенте (ка унитэць фразеоложиче) ла кувинтул консйдерат доминантэ. Прин урмаре, аич иновацииле де лимбэ пот фи обсервате ын куйбул лексикографик, ши ну ын режиструл де кувинте ал дикционарулуй респектив.

Ауто-, мото-, фото- етч. Фиече зи не адуче ной ипотезе штинцифиче, инвенций ши реализерь. Штиинца пэтрунде тот май адынк ын тайнеле натурий. Еа н'а май куноскут ун фронт атыт де васт ал черчетэрилор. Навеле космиче асалтязэ универсул, се дезволтэ фантастик чибернетика, биоложия, физика, кимия, штинце, каре апропие посибилитатя де а дирижа прочеселе де вяцэ.

Дупэ кум арэта Ф. Енгелс, ын штиинцэ фиекаре пункт ноу де веdere имплекэ о ынтрягэ революции ын терминий ей техничь². Ын презент лэржиря домениилор де активитате дуче ла терминологизаря лексиколуй.

Ун рол деосебит ла формаря кувинтелор ной прин компунере, май алес ын домениул штиинцелор, ыл ау аша-зиселе префиксоиде (*ауто-, мото-, фото-* ш. а. м. д.), кыт ши суфиксоиделе (*-граф, -скопие, -буз* ш. а. м. д.), каре сынт ын нумэр де апроксиматив 400. Еле се май нумеск ши елементе де компунере, авынд аутономие семантикэ.

Литера «А» дин «Дикционарул молдовенеск-рус» (ДРМ (1961) концине 2747 де кувинте, ачеш литерэ дин «Дикционарул експликатив ал лимбий молдовенешть» (ДЕЛМ, 1977) нумэрэ 3557 унитэць, 121 динтре каре (ши респектив 60 дин ДРМ) сынт формате ку елементул де компунере *ауто-*: *аутобаскулантэ, аутоескспрес, аутоклуб, аутомакара, аутотранспорт, аутоынкэр-кэтурэ, аутоынкэркэтор, аутоамфибиу, аутобазэ, аутогараж, аутодиспечер, аутодром, аутокаптор, аутокараванэ, аутокаросиер, аутокомбинат, аутомотоклуб, аутомотолотерие, аутопавилион, аутопилот, ауторапид, аутосалон, аутотракциуне, аутоотрасеу, ауто-туризм, аутофригорифер* ш. а.

² Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Предисловие к английскому изданию. — Соч. 2-е изд., т. 23, с. 31.

Дакэ вом экзамина май деталат диверселе аспекте але вокабуларулуй техник, вом констата, кэ апарация «техничизмелор» ши формаря лор пе скарэ ларгэ ын индустриe, телевизиуне, чибернетикэ, електроникэ ш. а. контрибуе ла рэспындирия лор интенсэ. Серия де кувинте формате, де екземплу, ку элементеле де компунере *теле-* есте ла фел де семнификативэ. Ын «Енциклопедия Советикэ Молдовеняскэ» сынт ынрежистрате: *телевизиуне, телевизор, телеграфие, телекомандэ, телекоммуникацие, телемеханизаре, телемеханикэ, телерегларе, ши, фиреште, телескоп, телефон, телеграф, телефоние, телецентру.*

Ын волумул II ал ДЕЛМ-улуй вор фи, де асемения, ынрежистрате: *а телевизэ, телеспектатор, телемеханик, телекинематограф, телетип, телеимприматор, телефотографияе, телеиндикатор, телеметру, телеобъектив, тележурнал, телеконкурс, телерепортаж ш. а.*

Ын ултимий ань ау девенит фоарте активе элементеле де компунере *аеро-, анти-* (ын ДЕЛМ ау фост инклуе апроксиматив 150 де унитэць), *контра-* (чирка 50), *ауто-, агро-, био-, жео-, екс-, електро-, зоо-, интер-, макро-, микро-, кроно-, кромо-, моно-, нео-, поли-, мулти-, псеудо-, психо-, радио-, семи-, стерео-, термо-, теле-, тип/о-, ултра-, супер-, хипо-, фото-, фоно-, хидро-* ш. а. Де асемения, псеудосуфикселе де типул: *-граф, -грамэ, -ложик, -лог, -метру, -скопие, -форм, -буз, -култор, -културэ* ш. а.

Инфлуенца сочиалэ а мижлоачелор де информация (радиоул, телевизиуна, преса, кинематографул, театрул ш. а.) аре о деосебитэ импортанцэ ын екстиндеря ачестор афиксе.

Формаря пе терен проприу дин доуэ сау май мулте элементе семнификативе (май алес гречешть сау латинешть) а кувинтелор компусе, афлуенца де терминь дин лимба русэ сау прин филнера лимбий русе, калкиериле масиве дин лимба русэ — тоате ачестя фак дин ынсушь кувынтул дат ну нумай ун симплу термин, дар ши ун комплекс лексикал, ун микросистем лексико-семантик (де пилдэ, комплекселе ын *теле-, ауто-* ш. а.); жукстапунеря а доуэ сау май мулте элементе тинде сэ девинэ пентру мулте кувинте дин диферите домений ун мод де формаре обишнуитэ ши органикэ. Пе лынгэ традиционалеле *талпа-гыштей, гура-леулуй, папэлапте, лэ-мэ-мамэ, ну-мэ-уйта, гурэ-каска, згырие-брынзэ, Фэт-Фрумос* ш. а. м. д., астэзь ын преса ноастрэ ши ын алте публикаций апаре ун нумэр екстрем де маре де компусе ной: *фемее-космонаут, ораш-ероу, републикэ-сорэ, инжинер-електричиан, редактор-шеф, лэкаэуш-монитор, секретарэ-дактилографэ, социал-демократ, касэ-музеу, макара-турн, штиинцифико-педагожик, социал-политик.* А се обсерва, кэ мулте дин ачесте компусе ну сынт алтчева декыт традучерь дин лимба русэ: *город-герой, дом-музей* ш. а.

Модул де формаре а кувинтелор прин жукстапунере девине инерент пентру ынсэшь структура вокабуларулуй, репрезентынд унул дин аспектеле сале челе май виабиле.

Менционэм, кэ ну екзистэ деокамдатэ критерий сигуре де инсераре а ачестор кувинте ын дикционаре. Мажоритатя дин еле сынт дате ка екземпле ла прима сау ла а доуа парте а кувынтулуй респектив, унеле дин еле фигурязэ ла сфыршитул артиколулуй лексикографик сау дупэ ромб.

Ун тип апарте ал компунерий требуе консидерат абривиеря. Принтре пущинеле абривиерь сау кувинте прескуртате пе каре ле авя лимба латинэ ера ши A.U.S.=Actum ut supra «прочедязэ ка ши май сус (кум с'а индикат май ынаните)». Ку алте кувинте, прочедеул формэрий де ной унитэць лексикале нумай прин инициале есте фоарте векь. Астэзь мулте лимбь, принтре каре руса, енглеза, жермана, франчеза, фолосеск пе скарэ ларгэ ачест прочедеу. Каузеле ау фост мултипле, дар, май ынтый де тоате, ритмул ноу, акчелерат, де вяцэ а черут ши чере економие де тимп ши де спациу. Астфел ам ажунс сэ «компримэм» афлуksул мереу крескынд де информácie. Ын легэтурэ ку дикционарул абривиерилор дин лимба франчезэ, кореспондентул спечиал ал газетей «Известия» (10-X-1971) Г. Остроумов скрия, кэ ын релацииле де афачерь але Францей с'ау акумулат атытя кувинте ку семнификаций неынцелесе, ынкыт а фост невое сэ се едитезе ун дикционар спечиал, ка сэ зичем аша, дин лимба франчезэ... ын чя франчезэ. Ел купринде доуэзечь де мий де ноциунь — денумирь редате прин кувинте прескуртате сау прин литереле инициале. Ауторул афирмэ, кэ а те ориента ын релацииле де афачерь але цэрий фэрэ ун асеменя дикционар е ачелаш лукру ка ши кум ай кэлэтори пе мэрь стрэине фэрэ хартэ.

Инфлуенцаць де моделеле лимбий русе, дин каре се фаче традичеря, зиариштий ноштри рекурт дессорь ла абривиерь, ла «экономия графикэ»; ачестя конституе ун ноу афлуks де кувинте ын вокабуларул лимбий ноастрэ.

Ка сэ не конвинжем ынкэ о датэ де ачест лукру, ам луат ун сингур нумэр ал газетей «Молдова Социалистэ», дин 2 дечембрие 1971. Аич ам фиксат урмэтоареле абривиерь: *Униуня РСС, ПКУС, АТЕМ, СУА, ОНУ, РФЖ, РПДК, ФАР, КЕЕ, РАЕ, ПКФ, «ВЦСПС», «ТТТ», «СИМ», «ВЭФ», ЦСК*, де асеменя кувинте де типул «*Инждорстрой*», «*Молдсельхозтехника*», «*Гражданстрой*», «*Оргтехстрой*». Унеорь прескуртаря респективэ, май пущин куноскутэ, есте датэ имедиат (ын парантезе) дупэ скриеря комплектэ а ымбинэрий де кувинте: *Форцеле армате революционаре (ФАР)*. Дупэ ачаства есте репетатэ нумай абривиеря. Астфел, текстул девине абсолют клар пентру орьче чититор. Дар, унеорь се ынтрече мэсура. Ши ачест лукру а фост, пе бунэ дрептате, семналат ын преса ноастрэ. Тов. А. Стынгу, ын артиколул ынтитулат «СРЫП... КМА... ФССС», ынтрябэ, дакэ *СРЫП* — абривиере фолоситэ ын газета районалэ «Драпелул Комунизмулуй» — «се мэнынкэ сау се бя», пропунынд, ла рындул сэу, о алтэ гичитоаре: «ФССС...»?.

чея че требуе сэ ынсемне: «Ферици-вэ, стимабилъ, де слова стын-гаче»³.

Абревиериле де ларгэ чиркуляцие се карактеризязэ принтр'о анумитэ инстабилитате. Унеле дин еле ау трекут дежа ла лексикул пасив, рэмынынд ын историе. Де пилдэ, НЕП, СМТ...

Ла Ем. Буков, ын «Цара мя», еле редау атмосфера тимпулуй:
Санду Плэмадэ а луй Ион

Мерже ку тренул ла Фе Зе О.

Фоарте рар апаре астэзъ ТВК (тинерецэ — вис кутезэтор), формат дупэ моделул рус КВН (Клуб веселых и находчивых), трекут ши ачеста ла лексикул пасив.

Е де менционат, кэ В. И. Ленин а фолосит ын опереле сале апроксиматив 1000 де абривиерь, мулте фиинд спечифиче времий де атунч⁴.

А венит, пробабил, тимпул сэ едитэм ши ной ун дикционар де абривиерь каре експримэ ноциунь ларжъ, мажоре, дикционар пе каре ыл ау, де екземплу, руший: «Словарь сокращений русского языка» (М., 1963) ши каре концине 12 500 де абривиерь.

Абревиериле се ымпарт, ын женере, ын симпле ши компусе. Челе симпле сынт формате прин апокопэ, адикэ прин супримаря сунетелор финале. Ачестя ну конституе кувинте ной, ну ау деривате, еле репрезинтэ варианте графиче але ачелорашь кувинте: *ы.е.н., е.н., ш.а., ш.а.м.д., кап., пажъ., км, чм, г, комп., конфр., транз., интранз., рефл., лат., сл., рус., фр., енгл., де екз., в., сек.* Асеменя абривиерь сынт утилизате, май алес, ын дикционаре, енциклопедий. Е де менционат, кэ ле фолосяу ши кэртуарий ноштри дин трекут. Бунэоарэ Мирон Костин, ынаинтя фиекэруй алинеат дин «Летописецул Цэрий Молдовой», ашазэ фрумос прескуртаря *зак.*, о абривиере де ла кувынтул слав *зачин* — ынчепут:

Зак. 50. Авя Василе-Водэ позваление де ла турчъ, че ера ачeya вое дин банъ, ну дин инима турчилор...

Зак. 51. Н'ау липситу немикэ ден тоате подоабе, кыте требуя ла веселие ка ачeya...⁵

Спре деосебире де абривиериле симпле, челе компусе сынт уни-тэцъ лексикале ной, унеле дин еле фиинд инклузе де лексико-графъ ын режистреле диферителор дикционаре. Ачесте абривиерь сынт алкэтуите дин:

а) литере инициале: *УРСС, РССМ, ПКУС, ПМСДР, ОНУ...*

Речент, лексикографий ноштри, пентру а евита ростиря деплинэ де фиекаре датэ а «Дикционарулуй експликатив ал лимбий молдовенешть», й-ау адэугат абривиеря ДЕЛМ — ун супрануме, каре паре сэ ынтре ын уз.

³ Везь газета «Молдова Сочналистэ», 15—VI—1968.

⁴ Везь: Русский язык и советское общество / Под ред. М. В. Панова. М., 1968, с. 85.

⁵ Мирон Костин. Летописецул Цэрий Молдовой де ла Арон-водэ ынкоаче / Студиу ынтродуктив де. Е. Руссев. Кишинэу, 1972, п. 163.

б) фрагменте де кувинте: *комсомол, хозрасчет, колхоз...*

в) фрагменте де кувинте ши кувинте ынтрэжь: *госплан, политбироу*.

Вом обсерва, кэ мажоритатя кувинтелор дин групеле б) ши в) не вин директ, гата аббревияте, дин лимба русэ.

Конверсия, адикэ формаря кувинтелор прин тречеря лор дин-тр'о каторгие граматикалэ ын алта фэрэ скимбаря формой сау тречеря радикалулуй дат ын алтэ парадигмэ де флексиуне, адикэ дериваря асуфиксалэ, сау омонимия лексико-граматикалэ конституе ши еа ун мижлок де формаре а кувинтелор ной. Ф. С. Котелник анализээ пе ларг казуриле де конверсие дин лимба молдовеняскэ контемпоранэ⁶. Ын легэтурэ ку ноциуня де **конверсие** апар кувинтеле: субстантивизаре, аджективизаре, вербализаре, препозиционализаре, конжункционализаре, апелативизаре, антропонимизаре ш. а.

Кынд с'а ынчепут лукрул асупра «Дикционарулуй експлика-тив ал лимбий молдовенешть», алкэтуиторий ши редакторий ау конвснит асупра унуй анумит мод де презентаре а кувинтелор де типул *адынк, дрепт, греу, амар* ш. а., каре пот фи атыт аджективе, кыт ши субстантиве сау адвербе. Пентру економие де спациу ши пентру а евита репетэриле инутиле, аджективул *адынк* (лок *адынк*), субстантивул *адынк* (адынкул мэрий) ши адвербул *адынк* (а ара *адынк*) ау фост аранжате дупэ метода де «куйб», индикынду-се пентру фиекаре дин еле категория морфоложикэ респективэ: 1. *адж.*; 2. *субст.*; 3. *адв.* Ку алте кувинте, еле н'ау фост дате дин алинеат. Уний дин речензенций дикционарулуй н'ау акцептат ачастэ методэ, афирмынд кэ асфел се сэрэчеште лимба. Метода аранжэрий кувинтелор ын куйб креазэ ынтр'адевэр о илузие де сэрэчире а вокабуларулуй. Дар нумай о илузие. Ун аргумент ын фаваоря ачестей методе есте «Словарь русского языка» де С. И. Ожегов⁷.

Аша дар, пот трече ын категория субстантивелор:

а) унеле аджективе — *митителул, верделе* («Ун верде не веде»—Г. Виеру); *Жерилэ:—Мэй, ну кумва сэ вз ымпингэ Митителул сэ ынтраць ынаинтя мя.*

Сау ун екземплу ын алт контекст: — *Вэ рог, доуэ порций де мититей!*

Субстантивизаря аджективелор де типул *албул, негрул, алба-струл, рошул, харникул, леносул, вертикала, фабулосул, зилни-кул, тынэрул, юбитул, слутул, авутул, мутул...* есте ун прочедеу фреквент ынтылнит ын лимба ноастрэ.

б) унеле партичипий: *аштернутул, сэпатул, ынвыртитэ, сфыр-шитул, одихнитул, ынцелесул, офтатул, чититул, нумэратул;*

в) унеле нумерале: *чинчюл, доюл, треюл;*

г) унеле пронуме: *еул, алтул;*

д) унеле адвербе: *бинеле, ун ерь, мынеле;*

⁶ Котелник Ф. С. Конверсия унитэцилор лексикале. Кишинэу, 1980.

⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1961.

(Ку мыне зилеле-ць адаужь)/Ку ерь внаца та о сказь (М. Еминеску).

Акум, ымбрэкат ын испрэвь ши'н кужет,
Пэшиште мелягул ностру спре мыне (Ем. Буков, Република
мая). — Литература ши арта, 31 авг., 1980).

е) унеле експресий: гура-леулуй, гурэ-каска, мынэ-спартэ.

Се аджективизязэ, де регулэ, унеле партиципий: (ом) линиш-тит, дескис, резерват, екилибрат, аскунс, ордонат, сатисфэкут, неодихнит, немьнкат, некумпэнит ш.а.м.д. Сынт инкомпарабил май пущине жерундииле аджективизате. Ачестя апар де челе май десе орь ла форма фемининэ: фумегындэ, арзындэ, тремурындэ, суфериндэ, кэзындэ, мурынды, сынжерынды, рызынды... Ултимеле формязэ спечификул лимбий ноастрэ.

Субстантивеле се аджективизязэ екстрем де рар: мерс бэрбат, атитудине бэрбатэ. Ын тулбурэтоаря поезие «Де ла тине» де Г. Виеру читим ши урмэтоареле версуре: Еу тоате / Ле депринд де ла тине / Молдовэ. /...Де ла дойнеле тале /—Плынсул бэрбат, / Де ла извоареле тале /—Рысул де прунк.

Де ла субстантиве се формязэ аджективе аналитиче ку пре-позиция де: де пятрэ (=каменный), де татэ (=отцовский), де теле-визиуне (=телевизионный), де оцел (=стальной).

Валоаре де аджектив пот авя ши унеле адвербе: бэят бине, хайне гата, ворбе аюря. Ын лимба ноастрэ веке, ла кроникарь, се ынтылнеште под мереу.

Ка адвербе пот функция унеле субстантиве: а еши глонте, а се адуна чоткэ, а шедя роатэ, а курже гырлэ, а трече пушкэ, а шедя стылп, а се цине ланц, а се сучи колак ш.а.м.д.

Дериваря, компунеря ши конверсия сынт трей прочедее прин-ципале де ымбогэцире а вокабуларулуй. Дар каля интернэ де спорице а лексикулуй май куноаште ши алте прочедее, май пущин фреквенте, дар ши еле импортанте. Ачестя сынт контаминаря ши редупликаря.

Контаминаря (сау контаминация) есте о контопире а доуэ ку-винте сау конструкций граматикале даторитэ асемэнэрий лор дин пункт де ведере семантик, сонор ш. а. Ын лимба молдовеняскэ феноменул контаминэрий се манифестэ де челе май мулте орь ын граюриле популаре (шопыркэ ← шопырлэ + нэпыркэ; трукки-нэ ← трукь + тулпинэ; колибуткэ ← колибэ + будка; смынтыля-нэ ← смынтынэ + маслянка). Сынт консидерате контаминате: ку-костырк ← кукур + стырк; муждей ← муст + де + ай; питаркэ ← ← питэ + мынэтаркэ; хэбэук ← хабока + нэук ш. а. Кувинтеле контаминате сынт, де регулэ, формаций спонтане. Ун рол дефи-ниториу ыл аре аич асоциация.

Редуликаря есте репетаря унуй сунет сау а унуй груп де су-нете дин рэдэчина унуй кувинт (сау репетаре а ынтрежий рэдэ-чинь) ку скопул де а да кувинтулуй о алтэ валoare морфоложи-кэ сау стилистикэ сау пентру а форма ун кувинт ноу. Редупли-каре (сау редупликация, дубларя, репетаря) есте ун прочедеу

май фреквент декыт контаминаря. Екземпле: *май-май, абя-абя, таре-таре, ятэ-ятэ, албастру-албастру, ку-ку, бим-бом, ходоронк-тронк, теляп-теляп, фофленкъ, пинг-понг, мор-мор, типа-липа, чок-бок, троск-пльоск, хара-пара, харчя-парчя, ей-ей, хе-хе-хе, хай-хай, ынчет-ынчет, хэц-бэц, цурлуй-бурлуй, а-ха, тура-вура, куку-ригу, коткодак, кыр-мыр, нани-нани ш. а.*

Се пресупуне, кэ ла орижине кувынтул *дойнэ* аре о редупликаре. «Ын «Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть»⁸ читим: — Пробабил, формат дин креация режіоналэ *дайна*. Комп.: *Чине-а зис динтый дайна, арсэ й-а фост инима*. Де ачеш провениенцэ ар фи вербул реж. *а дэйна* «а легэна», «а баланса», «а мишка ынкоаче ши ынколо».

С'ар фи формат прин аналэжне ку *хэй-хэй*→*а хэй*→*хэиту-рэ, тананикэ*→*танана*. Сау ла славь: *ба*→*бай-бай*→*баюш-ки-баю; баяти*→*баснь*.

Актуалменте с'а активизат мулт прочесул деривэрий семантиче, ал детерминологизэрий ши терминологизэрий. Детерминологизаря аре лок ын резултатул женерализэрий сенсулуй спечиял ын прочесул де фолосире а кувынтулуй. Посибилитатя трансферулуй семантик ал кувынтулуй ынкэ ну ворбеште деспре кэпэтаря унуй сенс ноу, фигурат, де кэтре кувынтул респектив. Дар ынтр'ун шир де казурь сенсуриле секундаре «се принд» де кувинт, ши кынд е vorba де терминологиче, адикэ де лексикул спечиял, ачесте сенсурь метафориче пот сэ апарэ ын узул женерал литерар кяр пе прим план. Ши, де бунэ самэ, о бунэ парте дин терминь ау кэпэат ной сенсурь ын лимба литерарэ, адикэ а авут лок детерминологизаря ачестор формаций ши, респектив, — «деспикаря» семантичий женерале а кувынтулуй ын сенсурь индентенте: терминологик ши женерал литерар сау нонтерминологик. Екзистэ мулте унитэць лексикале, каре, пэстрынду-шь сенсул терминологик, манифестэ алте карактеристичь дифференциале: *микроклимэ, параметру, ажиотаж, апожеу, сферэ, атмосферэ, симптомэ, кризэ, а чимента, лимитэ, аренэ, траумэ, импулс, валенцэ; а демара, а мобилиза, нивел, аксиомэ, а акумула, гамэ, контакт, ас, блок, потенциал, синхроние, арсенал, а анкора, иероглифэ, амалгам, антипод, базэ, екилибру, констелацие, багаж, старт* («Стартул ын ера космикэ» — титлул унуй артикол де Андрей Лупан⁹) *диапазон, фундамент*. Тоате ачесте кувинте ши мулте алтеле ау дериват сенсурь ной де ла челе инициале. Ачестя сынт аша-зиселе неоложизме семантиче. Ын лимбажул спортив, де пилдэ, аур, аржинт, бронз, ынсямнэ «медалие де аур (аржинт, бронз)».

Аурул а фост кучерит де Х.

Ын женере ын периода советикэ, дакэ е сэ ворбим ынтр'ун сенс май ларг, фоарте мулте кувинте шы-ау модификат структура

⁸ Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть / Редакторь: Н. Раевский, М. Габинский. Кишинэу, 1978, п. 118.

⁹ Лупан Андрей. Скрнерь. Вол. 3. Кишинэу, 1973, п. 76.

семантикэ. Сенсуре ной ау кэпэат о серие де кувинте дин челе май куноските: *палат, депутат, патриотизм, моралэ, четэцан, пионер, династие, фермэ, дружинэ, гардэ, указ, оператор*.

Суб ачест аспект есте конклюдент урмэторул екземплу: «Дикционареле експликэ кувынтул латин «студент» ка персоанэ «каре мунчеште ку зел, сетоасэ де куноштинце». Да, принципала менире а студентулуй есте де а ынвэца. Ачест лукру е клар пен-тру орьчине. Дар концинутул комплект ал ачестей ноциунь ну рэмыне нескимбат, ши ын зилеле ноастре ел се скимбэ май репе-де ка орькынд. Кум сэ ынвэць, че сэ ынвэць, кум сэ алежь ши сэ-ць ынсушешть принципалул дин ноянул де дате че се реферэ ла професия та? Тоате ачестя ну сынт делок кестиунь реториче»¹⁰.

Терминологизаря есте ун прочес инверс детерминологизэрий: о парте дин кувинтеле че ынтрэ ын узул жэнерал пот авя ши ва-лоаре де термин. Де пилдэ: *дежет, пичор, уреке, брац, мынэ, кап, жоқ, окь, гярэ* ш. а.

Фиинд уна дин челе май марь богэций але попурулуй, лимба есте тотодатэ история деталатэ а гындирий луй, история туту-рор ноциунилор ши идеилор че конституе патримониул сэу спи-ритуал. Вяца экономикэ, политикэ ши културалэ, фелул де трай, медиул ынконжурэтор, натура, обичеюриле, контактеле ку алте попоаре ш. а. — тоате ачестя импримэ лимбий карактеристичь де ордин кантитатив, ын примул рынд, фэкынд-о ын ачелаш тимп сэ фие мереу чэя че есте, адикэ сэ-шь пэстрезе физиономия са.

Инфлуенца алтор лимбь, ын специал ын епочиле де марь трансформэрь сочиале ши де интенсификаре а легэтурилул динтре диферите нороаде, ну есте делок ун фапт акцидентал, ши, ку атыт май мулт, унул неглижабил. Димпотривэ, ымпрумутили лексикале, де екземплу, практикэ астэзь ын перманенцэ, фак ка во-кабуларул сэ се дезволте неуниформ: ба май репедэ, ба май лент. История куноаште периодае каре ау екзерчитат о инфлуенцэ ко-лосалэ асупра вокабуларулуй. Астфел, эпока че а урмат дупэ Маря Рэволюцие Социалистэ дин Октомбрие есте о эпокэ де ре-фачере радикалэ а сочиетэций ши, ын маре мэсурэ, а лимбий ноастре. Ну екзистэ попор ын лексикул кэруя сэ ну афлэм ку-винте ши експресий ымпрумутате — соартэ пе каре н'о поате евшта нич о лимбэ, фие кыт де ынаинтатэ. К. Маркс спуня, кэ «орьче нации поате ши требуе сэ ынвэце де ла алте наций»¹¹. Ачесте кувинте пот фи реферите ши ла штинца лимбий.

Попоареле лумий с'ау афлат ын стрынсе релаций ши ау фэкут скимб де кувинте дин челе май ындепэртате времурь. Дрепт мэртурне а ачестор релаций экономиче, политиче ши културале стэ лимба. «Ашиждеря ши лимба ноастрэ дин мулте лимбь есте аду-натэ ши не есте аместикат граул ностру ку ал вечинилор де прин-

¹⁰ Брежнев Л. И. Ку привире ла едукация комунистэ а оаменилор мунчий. Кувинтэрь ши артиколэ. Кишинэу, 1975, п. 482.

¹¹ Маркс К. Капиталул. Префацэ ла едиция ынтый. Кишинэу, 1967, п. 10.

прежур, мэкарэ кэ де ла Рым не тражем, ши ку але лор кувинте ни-с амстекате¹².

Инфлуенца културилор ши а лимбилор славе де рэсэрит асупра мултор скрииторь ши оамень де вазэ ай културый ноастре есте бине куноскутэ. Ын ачест сенс сынт елоквенте пэрериле експусе де уний скрииторь.

Константин Стамати: «...тоате ачесте кувинте стрэине, ши май алес славоне, аша с'ау ынцеленит ши с'ау хултуит ын лимбажул молдовенеск, кэ де с'ар змулже дин рэдэчина лор, с'ар секэтуи лимба, лукру че нич челелалте наций але Еуропий ну л-ау фэкут» (Опере алесе, 1958, п. 386). Михаил Еминеску: «...пердеря чя маре ера кэ ынтряга комоарэ а лимбий, че стэ дин зикэторь, провербе, инверсиунь, адекэ дин фразе гата фэкуте, моштените дин ням ын ням, де ла стрэмошь, ле арункэ ын апэ пентру кэ ын еле ерау ши кувинте де орижине нелатинэ. Паре чине штие че ненорочире ар фи фост ачаста, паре кэ н'ам трэит ку вечиний суте де ань ши н'о сэ май трэим, паре кэ фэкусе гаурэ ын чериу, дакэ ам примит ной кыте чева де ла ей ши ей де ла ной»¹³. Алеку Руссо: «Дупэ сокотяла мя кувынтул фие слав, фие турк, фие латин аре дрепт ла ымпэмынтенире. Ши нумай обштыска фрэмынтаре ши невое пот сэ-й дее четэцение, яр ну ауторитатя фабриканцилор де системе».

Дикционарул де кувинте стрэине дин лимба русэ¹⁴ концине песте 23 000 де кувинте, чея че аратэ, кэ ши о лимбэ дин челе май богате де пе глоб, кум е лимба русэ, тот аре невое де ымпрумутурь лексикале. Кяр астфел де кувинте карактеристиче кум ар фи: *князь, карп, бук, король, купить, хлев, осел, хмель, холост, кнут, крюк, ларь, пуд, сельдь, пихта, салака* ш. а. ау фост ла орижине ымпрумутурь дин алте лимбь. Еле ау фост ымпрумутате ынкэ де слава комунэ, яр дин ачаста ау фост моштените де лимба веке русэ.

Унеле ымпрумутурь ау кэпэтит о ларгэ циркулацие атыт ын лимба скрисэ, кыт ши ын чя оралэ. О серие де кувинте сынт де орижине гречьяскэ: *аргат, монетэ, омидэ, липсэ, кондей, сэпун, пипер, а агониси, а соси, филозоф, граматикэ, историе, чедру, сфеклэ, крокодил, идол, каторгэ, криват, магнет, палатэ, стих, фелинар, кор;* мулць терминь дин домениул релижийей сынт астэзь ынвекиць: *яд, амвон, анатемэ, ынжер, евангелие, икоанэ, мэнэстире, монах* ш. а.

О алтэ серие де орижине турко-тэтарэ: *копак, такым, чулама, аман, хараба, харем, басма, луля, буклук* ш. а., унеле венинд прин интермедиул лимбилор славе: *диван, сундук, базар, харбуз,*

¹² Григорье Уреке. Летописецул Цэрий Молдовой / Студиу ынтродуктив де Е. Руссев. Кишинэу, 1971, п. 61.

¹³ Капйтоле дин история лимбий литераре молдовенешть. Кишинэу, 1971, п. 45.

¹⁴ Словарь иностранных слов. 6-е изд. / Под ред. В. И. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова и Л. С. Шаумяна. М., 1964.

*аришин, отоман, балык, барабанэ, казак, капканэ, каракул, кир-
пич ш. а. Де орижине унгурыскэ сынт: илэу, имаш, ням, а бируи
ш. а.*

Фоарте мулте унитэць лексикале дин лимбиле еуропене де ас-
финцит ау венит ын лимба ноастрэ ын епока луй Петру I прии
интермедиул лимбий русе: *арматэ, администрация, атак, атеист,
афект, багаж, базэ, баланцэ, балкон, бал, байкэ, барьерэ, билет,
билиард, бригадэ, бронзэ, газетэ, галант, ероу, груп, губерние,
хусар, десант, дефект, диверсие.*

Прии филиера русэ ын лимба молдовеняскэ ау венит кувинте
де диферитэ орижине.

Дин енглезэ: *аутокар, акваланг, антибиотик, ацидофилин,
блок, блуминг, бойкот, булдозер, ербичиде, лайнер, митинг, най-
лон, тайм, стуардесэ, филм, допинг, кемпинг, старлетэ, стриптиз,
дриблинг...*

Дин франчезэ: *абразив, алтернативэ, вираж, депоу, интенсифи-
каре, капот, модернизм, турбинэ, филтру...*

Дин жерманэ: *волфрам, дедерон, матрицэ, муфэ, цех, шифер.*

Дин италиянэ: *алегро, барок, бруто, интермецо, капелэ, мафие,
колорит, тариф, теракотэ, фирмэ, финал, фрескэ, соклу.*

Дин оландезэ: *борд, яхт, абрикос, баласт, боцман, матрос.*

Дин спаниолэ: *армадэ, ембаргоу, силос, хунтэ.*

Дин алте лимбь: *дзю-до, кимоноу, цунами, чесуча, шашлык,
акын, ашуг ш. а.*

Се штие кэ нумэрул интернационализмелор спореште тот май
мулт. Пе база советизмелор ши а интернационализмелор фондул
лексикал комун се ымбогэцеште. Ачаства конституе ун маре про-
грес ал лимбий ын женере, финндкэ чел май импортант лукру
есте кэ се поць ынцележе песте тот ку чей ку каре комуничь. Ду-
пэ кум се штие, пентру попоареле дин цара ноастрэ дрепт лимбэ
де контакт сервеште лимба русэ. Астэзь мулте лимбь фолосеск
кувинтеле: *хотел, ресторант, мотел, буфет*, еквивалентеле лор мол-
довенешть май векь финнд: *хан, бирт, кырчумэ, бодегэ*; ын лимба
русэ: астэзь — *отель, (гостиница) ресторан, мотель, буфет* ын
трекут: *постоялый двор, кабак, корчма, трактир.*

Дупэ кум ведем, динтр'ун сингур екземплу, кувинтеле а доуэ
лимбь контемпоране сынт май апропийате (чел пуцин ын скрис)
декут кувинтеле фолосите ын трекут. Дар кувинтул поате деве-
ни нормэ май алес дин моментул кынд есте фиксат пе хыртие,
ын скрис. Херман Паул, принтре алтеле, спуня ын але сале
«Принципий де историе а лимбий», кэ «нумай даторитэ фиксэрий
ын скрис норма ынчетязэ де а май депинде де уний ворбиторь
ши поате фи трансмисэ женерациилор виитоаре суб аспект не-
модификат»¹⁵. Ын ачелаш тимп требуе сэ рекуноаштем каракте-
рул секундар ал ворбирий скрисе, рэмынеря ей ын урмэ де чя

¹⁵ Герман Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, п. 478.

ворбитэ. Л. В. Шчерба компара лимба ворбитэ ку о форжерне, ын каре ау лок тоате модификэриле дин лимбэ.

Трансформэриле сочиале дин ултимеле дечений ну нумай кэ ау акчелерат прочесул де апропиере а ворбирий орале де чя скрисэ (ливрянскэ сау професионалэ), дар ау ши консолидат приоритатя, темелия скрисэ а лимбий литераре молдовенешть. Тот май сенсибиле девин «кэтушелэ» формей скрисэ а ворбирий, инфлуенца конструкцилор ши ымбинэрилор формелор скрисэ.

Трансформэриле дин техникэ ши штиницэ пот авя инфлуенцэ асупра концинутулуй семантик ал кувинтелор. Сенсуриле фигурате але техницизмелор пэтрунд, дупэ кум ам спус май сус, ын вокабуларул курент, демонстрынд астфел пэтрундеря доменулулуй техник ын вяца котидианэ. Астфел, сынт адэугате сенсурь фигурате пентру: *а акчелера, а акса, багаж (багаж де куноштинце), а мобилиза, а чимента, фундамент, контакт, блок, ас, аксиомэ, иероглифэ, амалгам, антипод, диапазон, амплитудине, а анкора, антидот, екилибру, биланц (а фаче биланцул), а дезарма ш. а.* Кувинтул *констелации* аре сенс фигурат де фамилие ынфрэцитэ (*констелации де попоаре*). Тоате ачестя се рапоартэ ла феноменулул детерминоложizare, поменит anteriор.

Ын планул релацилор интернационале требуе менционатэ серия де кувинте: *а деколониза, деколонизаре, антиимпериалист, антимилитарист, антимонополист, антифасцист, антихитлерист ш. а.*

О трэсэтурэ лингвистикэ партикуларэ, акчелератэ де факторий социаль, е фаптул кэ ун маре нумэр де нумирь але професиилор маскулине а девенит астэзэ ши феминине; моциуня граматикалэ девине фоарте фреквентэ. Ачест феномен шь-а гэсит чя май ларгэ рефлектары ын ноул дикционар ал лимбий молдовенешть. Пе лынгэ маскулинеле респективе ау принс сау принд вяцэ фемининеле: *конструктоаре, макаражицэ* (ултимул атестат ын «Тинеримя Молдовой» дин 15.XII, 1978), *консултантэ, колаборатоаре, директоаре, инжинерэ, кимистэ, ботанистэ, академичианэ, прешединтэ, аутоаре, мембрэ, илегалистэ, авиатоаре, милицианэ ш. а.*

Аич интервине ун момент ну нумай де ордин системик, норматив, дар ши де ордин естетик, еуфоник: ну вом спуне *жеолоагэ, биолоагэ* — ун каз ридикулизат де скринирул Аурелиу Бусуйок ын романул «Сингур ын фаца драгостей». Ну вом спуне, де асемеия, *министрэ, ректорэ ш. а.*

Прочесул инверс; де ла феминин спре маскулин, есте репрезентат слаб: *мулгэтоаре*→*мулгэтор*; *дактилографэ*→*дактилограф*; *цесэтоаре*→*цесэтор*; *стуардесэ*→*стуард ш. а.*

Лэржиря ши демократизаря ынвэцэмынтулуй публик (астэзэ ынтр'ун сингур сат молдовенеск сынт зечь ши суте де интелектуаль, спечиалишть ку студий супериоаре ши медий спечиале), импортанца тот май маре акордатэ мижлоачелор де информácie капабиле сэ фурнизезе штирь дин челе май ындепэртате режинуь алс цэрий ши дин ынтряга луме — тоате ачестя фаворизязэ фолосиря уней лимбь куренте униформе. Астфел поате фи експли-

катэ диспарияция кувинтелор ынвеките, пэстрате доар ын мэсура ын каре ле путем гэси ын опереле скрииторилор контемпорань че дескриу трекутул историк (комп. ын ачест сенс, де екземплу, «Йо, Димитрие Водэ Кантемир» ла Влад Йовицэ ш. а.). Диспарияция лимбажелор партикуларе (ал чизмарилор, де екземплу) ши атенуаря диференцелор динтре вокабулареле диалектале (кувинте, форме, прононцате диалекталэ ш. а.) се датореште инфлуенцей ковыршитоаре а радиоулуй, телевизиуний, пресей, школий медий ши супериоре, а рэспындирий литературий артистиче ши челей де специалитате.

Пе де алтэ парте, апар кувинте ной, дар каре ынкэ ну ау о арие де рэспындирие жёнералэ ши деачея инклюдеря лор ын вокабуларул жёнерал ал лимбий молдовенешть креазэ о проблемэ дин челе май дифичиле. Унеле дин еле, кяр дакэ ау фост инсерате ын корпус дикционарулуй, сынт ынсоците де менциуня *пар сау ворбит, популяр: кепкэ, бензинэ, моторолер* ш. а.

Скрииторул Андрей Лупан ын уна дин поезииле сале «Олимп диспрецунт» пуня ынтребаря:

*Кум прецуешть кувынтул каре-л спуй,
Ынкрединцат де оамень ши де времуре?*

Ын ынсэшь пынза артистикэ а поетулуй-академичиан атестэм о серие де кувинте, унеле динтре каре «бат ла поарта вещей»: *кирэу, булихар, хожма, цэрэнит, фармазоанэ, а тривожии, роботаш, тырзыелник, трудаш* ш. а.

О парте дин ачесте кувинте ши экспресий с'ау доведит а фи ефемере, алтеле с'ау старторничит ын вокабуларул жёнерал, финд ынтродусе сау урмынд а фи ынтродусе ын ДЕЛМ. Аич с'а прочедат цинынд конт де фапул кэ ынтре ноциуня де «лимбэ литерарэ» ши ноциуня де «лимба литературий артистиче» ну есте о коинчиденцэ деплинэ, ултима ешинд прин арумите елементе дин кадрул лимбий литераре проприу-зисе.

Ын сочитате литература а девенит арбитрул лимбий коректе. Ятэ де че есте екстрем де импортантэ респонсабилитатя скрииторилор ын фаца чититорулуй. Литература есте ну нумай о формэ де луптэ идеоложикэ, чи ши ун мижлок де едукация естетикэ. Се штие, де-о ворбэ, кэ субстантивеле ын **-(и)тате**, суб инфлуенца масивэ а субстантивелор русешть терминате ын **-ость**, пэтрунд ын тоате сфереле де активитате уманэ (типул: *продуктивность — продуктивитате*). Дар, мулте дин субстантивеле абстрактэ русешть ын **-ость**, дупэ кум не-о аратэ практика лексикографикэ, се традук прин субстантивул *карактер* + аджектив (де екз.: *прозаичность — карактер прозаик, предвзятость — карактер прекоңченут*).

Андрей Лупан, авынд ка модел пе русескул *органичность*, скрие: «Дар еа (адикэ поезия чивикэ — А. Б.) жёнерязэ эмоций ши конвинджерь ын деплина органичитате а фэптурий умане»¹⁶.

¹⁶ Лупан Андрей. Оп. чит., вол. III, п. 373.

Ын «Нарчис ши Хиперион» де М. Чимпой ынтылним: *элементаритате, пасионалитате* ши пе ачелаш *органичитате*: «Солементаритате де версет а Скрисорилор еминесциене креазэ ачя либертате а мишкэрий поетулуй принтр'ун тип нелимитат, че-шь асочиязэ ши спаций ла фел де васте, каре лягэ презентул де историе, история де мит, клипа, де орькынд, микул космос де макрокосмос, ынтр'о органичитате сусцинутэ а визиуний, органичитатя финнд ши ун атрибут фундаментал ал гындирий сале политиче ши социале»¹⁷.

Ун каз симилар ыл формязэ кувынтул *спечификэ* — формэ пентру субстантивул *спечифик*, фолоситэ де Андрей Лупан: «Проблема е де а лэмури каре есте специфика виабилэ а кэрций» (Скриерь, 1973, в. III, п. 388).

Форма *спечификэ* есте сприжинитэ прин аналожие, пе де-о парте, ку кувинтеле де типул *мелодикэ*, яр пе де алтэ парте, де форма фемининэ русьскэ *специфика*.

А девенит фоарте актив префиксул *не-* дин лимба ноастрэ (парциал суб инфлуенца префикселор (*без-* (*бес-*) ши *не-* дин лимба русэ), префикс каре паре кэ поате фи алэтурат пе лынгэ о маре парте а аджективелор ши субстантивелор — лукру пе каре-л фак адесеорь скринторий ноштри. Астфел, Григоре Виеру утилиязэ кувинтеле: *неплоае, незэпадэ, несомн, неодихнэ, немулт, непэмынтян* ш. а. Де екземплу: «Мэ урмэреште де-атунч дин копилэрие, ун фел де тямэ ын фаца неплоий, незэпезий, ын фаца ынгецулуй де примэварэ сау а фригулуй кэзут ын плинэ варэ» («Фииндкэ юбеск», п. 10). Сау: Ын праг, / Спиче де неодихнэ («Нопциле мамей»).

Яр Ион Ватаману скрие: «Кэч еу де-аколо, дин вечие / Ку неодихнэ ам сэ те'нтрэб: / — Че фаче ел, фрумосул верб?» (Дин поэзия «Кувинтеле лимбий молдовенешть»).

Ла Андрей Лупан гэсим: *неымпэкаре, неповесте, нелитературэ, непретенциозитате, некэртурэрие* ш. а. Де екземплу: «Кытэ баналитате, кыте речидиве де дисператэ некэртурэрие, кыт хаос индесцифрабил с'ар путя евита принтр'о симплэ унификаре а черинцелор критиче?»¹⁸

Ынтрепэтрундеря диверселор пэтурь сочиале (сатул се апропие де ораш, яр орашул де сат, май алес дупэ рэзбой ынкоаче) се рэсфрынже ын план лингвистик ынтр'о атенуаре а дифференцелор динтре нивелуриле лимбий. Астэзь, де екземплу, де мулте орь терминий фамилиарь сау популярь ну май сынт симциць ка атаре: *а бокса* — «а лови ку пумний»; *болфэ* — ынфлэтурэ; *жигэрае* — жиг; *желеу* — пелтя; *курекиу* — верде ынкис; *куркубетэ* — тидвэ; *кыркотэ* — сфадэ; *элинэ* — змеурэ; *а лефтери* — а фаче сэ пярдэ тоць баний; *а се лехэмети* — а се пликтиси, *а се дезгуста*; *лукрэтурэ* — унелтире, *интригэ*; *леукэ* — пылние; *кишкэ* —

¹⁷ Чимпой М. Нарчис ши Хиперион. Кишинэу, 1980, п. 19, 59, 98, 206.

¹⁸ Лупан Андрей. Оп. чит., вол. III, п. 228.

1) *туб де каучук*; 2) *кырнац де касэ*; *скроб* — *мынкаре дин оуэ бэтуте ши прэжите*; *абрикос, гэтялэ ш. а.*

Унеле кувинте шь-ау пэстрат нумай анумите сенсурь. Астфел есте казул кувинтулуй *либрар*, каре дин челе патру сенсурь не каре ле авя одиноарэ, астэзь трей сынт ынвеките: 1) «стэпын ал уней либрэрий»; 2) «негустор де кэрць»; 3) «едитор де кэрць», актуалменте аре нумай сенсул де «вынзэтор ынтр'о либрэрие» ши ачеста паре сэ фие пудин фреквент. Алте кувинте ышь пэстрыэзэ нумай сенсул фигурат. Астфел кувинтул *азил* есте ынтребуинцат доар ку сенсул фигурат де «лок де рефужии, де сигуранцэ». Ын презент пентру копий орфань, бэтрынь сау инвализь сынт алте ашезэминте де ынтрэцинере гратунтэ: *касэ де копий, касэ пентру инвализь*. Аич поате фи алэтурат *декан*, ку трей сенсурь ынвеките. Ачестя ши алте екземпле ворбеск деспре редучеря полисемней унор кувинте, ка резултат ал ноулуй мод де вьяэ а породулуй молдовенеск.

Дин комплексул де модалитэць, каре модификэ ын перманенцэ статул вокабуларулуй лимбий молдовенешть актуале, дериваря ши ымпрумул рэмын челе де базэ. Ануме еле скимбэ рапид ши симцитор фаца лексикулуй.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

Резюме

Модернизация лексики молдавского языка происходит в широком масштабе, особенно в послевоенное время. Массовое образование слов и выражений во всех сферах человеческой деятельности является главным признаком современного развития словарного состава молдавского языка. Основываясь на данных словарей, изданных в последнее время в Молдавской ССР (напр.: Молдавско-русский словарь. М., 1961; Дикционар експликатив ал лимбий молдовенешть. Вол. I. Кишинэу, 1977 и др.), а также на фактах публицистического и художественного стилей, автор приходит к выводу, что в лексике молдавского языка происходят значительные количественные и качественные сдвиги. В то же время часть слов из области разных ремесел прошлого (мельничного дела, старого транспорта, военного дела, и др.) приобретает все более и более архаичный характер.

Автор останавливается подробно на деривации (словообразование), словосложении, конверсии, редупликации (удвоение), контаминации и аббревиации (сокращение). При этом подчеркивается, что процесс словосложения и аббревиации особенно активизируется под влиянием моделей русского языка. В статье приводится серия префиксов и суффиксов латинского, славянского и другого происхождения с высоким словообразовательным коэффициентом (ре-, -тор, -ист, -ан, -ян, не-, -ение и др.). Некоторые из них (напр. ре-, не-, -итате, -бил и др.) стали более активными в результате влияния соответствующих морфем русского языка (пере-, не-, ось-, -имый, без- и др.); срав.: реедита — переиздать, неынсемнат — незначительный, продуктивитате — продуктивность, индуструктибил — нерушимый, неплоае — бездожде и др.

Относительно словосложения констатируется, что здесь особое место в смысле активности занимают так называемые псевдоаффиксы типа ауто-, мото-, фото-, -граф, -буз, всего около четырехсот единиц. В «Толковом сло-

варе молдавского языка», например, на букву «А» включены 3557 слов, из которых 221 слово образовано при помощи словообразовательного элемента ауто- (для сравнения добавим, что в «Молдавско-русском словаре» 1961 г. таких слов всего 60 единиц).

Говоря о семантической деривации, автор затрагивает вопрос о детерминологизации и терминологизации. Часть терминов, сохраняя свой терминологический смысл, приобретает новые дифференциальные признаки (напр.: микроклимэ, апожеу, сферэ, атмосферэ, а чимента, ас, блок, арсенал, а анкора, багаж, констелации, старт и т. п.). В этом процессе особую роль играют школа, книга, радио, телевидение, печать, кино, театр, которые заметно содействуют приближению обиходно-разговорной речи к письменному языку.

Обращение к лексическим моделям других языков для выражения новых понятий и обозначения неизвестных прежде предметов является (после деривации) вторым главным путем обогащения словарного состава молдавского языка. На протяжении всей своей истории наш язык заимствовал большое количество слов, словообразовательных аффиксов и конструкций из других языков, в первую очередь из славянских. В настоящее время большинство слов и словосочетаний заимствуются в основном из русского или через посредство русского языка.

Следовательно, деривация и заимствование (а последние 30—40 лет и словосложение) являются главными процессами, которые определяют динамику словарного состава современного молдавского языка.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА

О ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

По определению Ф. П. Филина, «национальный язык, в отличие от языка народности, представляет собой сплошное объединение единого для всей нации нормированного многофункционального литературного языка с нестандартизированными устными разновидностями речи»¹.

Его состояние, как отмечает Г. В. Степанов, «определяется конкретным составом компонентов... единая форма литературного языка или вариантная, наличие того или иного количества диалектов или говоров, наличие переходных форм речи вроде полудиалектов и т. д.»².

Таким образом, хотя решающей, ведущей составной частью этого объединения «является литературный язык»³, а именно он «представляется общим для всех слоев населения и охватывает все или многие важные сферы общения»⁴ (что является весьма существенным для национального языка), все же нельзя сводить национальный язык к литературной его форме, как это часто пытаются представить отдельные исследователи. Такое суженное понимание, подчеркивает Ф. П. Филин, неправильно. Литературный язык в рамках национального языка, по утверждению В. Н. Ярцевой, «находится в сложных и изменяющихся соотношениях с внелитературными вариантами речи обиходно-разговорной (диалектами, полудиалектами, различными формами построения и т. д.), преобразуя их и приспособляя их к общим национальным нормам, к сложной стилистике единой национальной речи»⁵.

Указывая на то, что формы существования языка довольно четко установлены и определены в лингвистической литературе

¹ Филин Ф. П. Ленинское учение о нации и некоторые проблемы национального языка.— Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1970, № 2, с. 150.

² Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976, с. 81.

³ Филин Ф. П. Указ. соч., с. 150.

⁴ Там же.

⁵ Ярцева В. Н. Развитие литературных языков.— В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 52.

(назовем, в первую очередь, работы М. М. Гухман, в частности ее исследование о немецком национальном языке, раздел в первом томе «Общего языкознания») и все вместе и каждая в отдельности из этих форм «были неоднократно рассмотрены в приложении к самым различным языкам», В. А. Аврорин дает их следующее определение: «Это самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с **различной иерархией** по признаку общности исходного материала и поэтому в принципе доступные пониманию в пределах одного народа, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным сферам использования»⁶.

Выделяют обычно следующие наиболее четко очерченные формы существования языка: форма литературная в двух своих разновидностях (письменной и устной), обиходно-разговорная и диалектная.

Наиболее легко поддаются определению литературная и диалектная формы, занимающие крайние позиции в данной классификации. Что касается промежуточных звеньев, то здесь под обиходно-разговорной формой понимается любое противопоставление литературной речи, с одной стороны, и альтернатива регионально или социально ограниченных форм — с другой. М. М. Гухман обращала внимание на особую зыбкость границ, отделяющих обиходно-разговорные койнэ от литературного языка, особенно от его устно-разговорных стилей; вместе с тем, считает она, и диалектные формы проникают относительно легко в обиходно-разговорную речь, что создает максимально открытый характер этой структуры, неопределенность границ ее варьирования⁷.

При определении и разграничении форм существования молдавского национального языка мы исходим из общепринятого положения о том, что эти формы различаются между собой по ряду параметров, а именно:

а) по степени обработанности формы, т. е. по отбору, регламентации и усовершенствованию языковых средств;

б) по охвату сфер употребления, по широте распространения и обслуживания различных областей человеческой жизнедеятельности;

в) по богатству выразительных средств и дифференцированности стилей.

Согласно первой позиции более высокой степенью совершенства, нормативной обработанностью, связанной с определенным отбором и регламентацией, обладает литературная форма молдавского национального языка. С этой точки зрения последняя форма отличается от обиходно-разговорной и диалектной, хотя было бы не совсем правильно утверждать, что по отношению к

⁶ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975, с. 53.

⁷ См.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 528.

диалекту, территориальному говору непринемлемо понятие нормы (ведь противопоставляется один говор другому).

Литературная речь, если не касаться целей и сфер ее применения, выполняет те же языковые функции, что и другие формы языка. Однако благодаря своей регламентированности, нормативной обработанности она лучше подходит для этих задач.

Свойственные литературному языку отбор и регламентация затрагивает все языковые уровни (фонетику, лексику, семантику, грамматику). В качестве нормы литературного языка, как правило, выдвигается наиболее распространенная или «перспективная» фонема, лексическая единица, форма слова, синтаксическая структура.

Так, например, из синонимического ряда: *удэтоаре, левэр, бурэ, поливалник, стишкэ, поливалницэ, плойницэ*, встречающиеся в различных говорах и в обиходно-разговорной речи, в качестве нормы литературного языка употребляется слово *удэтоаре*. Выдвигается в ранг нормы, скажем, слово *роабэ* из синонимического ряда *таргэ, роабэ, тачкэ, паташкэ, тежгере, тэрэбоанцэ, кэруц* и т. д.

В литературной речи встречаются языковые явления, не имеющие своей основы в других формах существования языка. В качестве примера можно привести употребление непалатализованных билабиальных и лабиодентальных *б, п, в, ф* перед йотованными (*бине, пепт, веспе, фир*), представленные различной степенью палатализации в разных молдавских говорах (ср. *бдине, гине, дине, кепт, т'епт, жеспе, зеспе, ш'ир, хир*).

В роли нормы здесь выступает стадия, предшествующая палатализации, пусть более ранняя, чем в говорах, но зато более приемлемая для орфографии, а к слову сказать, орфография, будучи основана у нас на фонетическом принципе, ведет за собой и произношение.

Что касается великого множества лексических единиц литературного языка, отличающих его от остальных форм национального языка, то их появление, как будет показано ниже, обусловлено необходимостью выразить более точно и дифференцированно определенные понятия, мысли. Так, например, переданные парфразой понятия «чея че ну-й ку путинцэ», «чел прин каре ну трече апа» в литературной речи выражены лаконично соответствиями *импосибил, импермеабил*. (Отметим, также, что каталог наименований цвета в текстильной промышленности насчитывает тысячи слов, в то время как в обиходно-разговорной речи или в говорах их около двух десятков).

Выше отмечалось, что с точки зрения нормированности литературный язык отличается от обиходно-разговорной речи.

Что касается речи диалектной, то здесь существует определенная условность: норма имеется, хотя и не зафиксирована. Один территориальный говор отличается от другого по употреблению отдельных, только ему свойственных лексических единиц,

словоформ, синтаксических конструкций. В одном из них нормой считается, к примеру, *агудэ*, в другом — *шорковэ*, в третьем — *дудэ* и т. д. Литературному *вицел* в одном говоре соответствует форма *ж'ицел*, в другом — *гицел*, в третьем — *з'ицел* и т. д.

Обиходно-разговорная речь же характеризуется, как замечает М. М. Гухман, «осуществлением твердых правил или норм, ограничивающих данные образования от диалекта или литературного языка. Иными словами, если диалекту и литературному языку свойственна своя система правил или норм, в первую очередь фонетических и лексических, то обиходно-разговорные койнэ характеризуются таким диапазоном варьирования, который ставит под сомнение существование здесь своей системы правил или норм»⁸. Обладая, как уже указывалось, открытым характером структуры, неопределенностью границ варьирования, обиходно-разговорная речь, в частности обиходно-разговорная форма молдавского национального языка, характеризуется по сравнению с литературным языком спонтанностью, синтаксической неорганизованностью, упрощенными структурами, отсутствием чаще всего подчинительной связи между синтаксическими единицами. Об этом говорят, в частности, такие реплики в диалоге, как:

— Да, да... — нумайдекыт. — Д'апой, пэй ну зичям еу?... Ворбэ сэ фие... — Ыхы... — Апой с'аштепте... — нич ворбэ... Д'апой кум!... Ць-ай гэсит! и т. д.

Указанная речь характеризуется нестабильностью в использовании лексических единиц, большими колебаниями в употреблении омосемантов. Например, для обиходно-разговорной молдавской речи в высокой степени свойственно использование русских эквивалентов молдавских слов и выражений. Вот лишь два—три примера из обиходно-разговорной речи различных профессиональных и социальных слоев:

— Ай фэкут машина?

— Ну, кэ ну-с запчасти. Да пэн думиникэ требу с'о фак, кровь с носа (разг. механика).

— С'о дус ла пятиминуткэ.

— Скоате-о дин скорость, заводеште-о ши дэ задний ход (разг. шоферов).

— Ымпрежур сэ фаче-о неоновая оболочка.

— Требуе сэ айбэ 40 гаус (из разговора студентов политехнического института).

Создаются своего рода дублиеты молдавских слов, употребление которых вовсе не может быть регламентировано, так как в идентичных условиях в одном случае может быть употреблено русское слово, в другом — молдавское, даже одним и тем же говорящим. Невозможно установить, например, когда употребится один из трех эквивалентов: *А (се) скоате де ла евиденцэ, а се лya де не учот, а се выписуи*.

⁸ Общее языкознание, с. 528.

В молдавской обиходно-разговорной речи русские эквиваленты появляются, в первую очередь, когда речь идет о терминах. Вместо зафиксированных в словарях неологизмов широко используются исконно русские слова или слова другого происхождения, но заимствованные через русский, как, например: *земснаряд, кран, пятиминутка* и др.

В обиходно-разговорной речи почти не встречаются их соответствия, фигурирующие в словарях современного молдавского литературного языка: *драгэ, макара, волантэ* и др. Более того, многие из них, как указывается в коллективной статье, посвященной молдавскому языку, опубликованной в книге «Типология сходств и различий близкородственных языков», встречаются и в разговорном варианте литературного молдавского языка. Такое употребление русских эквивалентов молдавских слов характерно не только для неологического страта. Терминология во многом также является здесь русской, например: *тормоз, задний мост, коробка передач, гусеница, задний ход, прокладкэ, прицеп, грузовик* и т. д. Казалось, проще употреблять молдавские названия, имеющие в основе исконно молдавские слова (термины во многих случаях появляются в результате метафоризации бытующих в языке слов). Однако поддержка со стороны русского языка, которым говорящие на молдавском языке сравнительно хорошо владеют, делает употребление данных заимствований весьма устойчивым.

В обиходно-разговорной речи употребляются также и русские глаголы, приводимые в соответствие с парадигмой спряжения молдавского глагола. Многие европеизмы в молдавском литературном языке имеют несколько иную форму, чем в русском (ср. *китанцэ — квитанция, комбинэ — комбайн, рестаурант — ресторан, фасцизм — фашизм* и др.). В обиходно-разговорной речи же они выступают в форме, свойственной русскому языку (*квитанции, комбайн, ресторан, фашизм*).

Выше уже обращалось внимание на нечеткость границ, отделяющих обиходно-разговорную речь от речи диалектной. В частности, такие особенности молдавской диалектной речи, как палатализация отдельных фонем в позициях перед *йотированными*, свойственны и обиходно-разговорному языку (правда, речь идет о характерной центральному говорам палатализации. Формы типа *зин, хин* здесь не встречаются).

Обиходно-разговорной речи присущи также многочисленные семантические заимствования из русского языка. Речь идет о значениях типа: *атырнаря луй фацэ де товарэш* со смыслом «отношение» (атитудине), *сунэ-й луй Василе* для «звонить по телефону» (а да ун телефон), *а се ынкрединца, убедитсья* (а се конвинже) и т. д.

Другая позиция, по которым отмеченные формы существования языка дифференцируются — это охват сфер употребления, широта распространения и обслуживания различных областей

человеческой жизнедеятельности. С этой точки зрения литературная форма отличается от остальных двух форм существования языка.

В самом деле, языковая общность является важнейшей чертой национального языка, т. к. «в период консолидации нации требуется единство языка всей нации». В этом смысле, как отмечают А. Т. Базиев и М. И. Исаев, даже не столь существенна самостоятельность языка, его индивидуальность как дифференцирующий признак нации (один и тот же язык или его вариант, как показал неоднократно в своих работах Г. В. Степанов, может выступать в качестве средства общения различных наций — испаноязычные, англоязычные и т. д. нации), сколь «принципиально важна сама сущность речевой общности как средства человеческого общения»⁹.

И в этом смысле, конечно, литературная форма национального языка лучше остальных двух форм выполняет эту функцию. В отличие от территориального говора, да и от обиходно-разговорной речи, употребление которых лимитировано сферой бытового, профессионального, просторечного, жаргонного общения, молдавский литературный язык охватывает все сферы деятельности: на литературном языке пишется художественная, общественно-политическая, экономическая литература, литературный язык — это язык школы, прессы, радио, телевидения, театров, употребляется также на производстве, в быту, в государственном управлении.

Таким образом, по отношению к остальным двум формам существования национального языка, молдавская литературная речь полифункциональна, и характеризуется, как бы, универсальностью, хотя следует заметить, что в некоторых функциях государственной администрации молдавский литературный язык употребляется параллельно с русским языком. Сферы применения обиходно-разговорной речи несколько шире употребления территориального говора, но в этом смысле она не может сравниться с литературной формой.

Обиходно-разговорная речь вступает во взаимодействие с территориальными говорами, распределяя между собой сферы общественной деятельности. Говоры продолжают господствовать в повседневном бытовом общении, в то время как обиходно-разговорная речь завоевывает и другие сферы.

Третья позиция, по которой разграничиваются формы существования национального языка, — это богатство выразительных средств и дифференцированность стилей. Это непосредственно связано с предыдущим критерием, так как стилевое разнообразие обусловлено полифункциональностью литературного языка.

Как известно, «говорящий, владеющий литературным языком, варьирует свою речь в зависимости от того, где, с кем и о

⁹ Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация. М., 1973, с. 87.

чем он говорит»¹⁰. А это предполагает наличие определенных языковых средств, при помощи которых говорящий, в соответствии с ситуацией, точно и образно выражает свои мысли. Как можно было заметить, означенные формы существования молдавского национального языка различаются между собой в первую очередь по своему лексическому составу.

Следует заметить, что употребление терминов также удел литературного языка. Это позволяет более дифференцированно выражать то или иное понятие, более точно, согласно ситуации, передать соответствующую информацию.

В диалектной речи или в речи обиходно-разговорной для обозначения того или иного предмета, явления, особенно в диалогах, широко используются указательные местоимения, различные слова с okazjiональным значением типа: *дрэкрэрия аста*, при помощи которых можно указать на любой предмет. Когда человек в разговоре не знает названия того или иного предмета, или не может вспомнить его, он часто прибегает к подобного рода языковым средствам.

Как уже указывалось, в формах речи диалектной или обиходно-разговорной находят широкое применение целые парафразы, вместо употребляющихся в литературном языке терминов.

Примеров, подобно приведенным выше (*чея че-й ку непутинцэ* вместо *импосибил*), в языке довольно много.

Ясность, точность, строгость конструкций, свойственные литературному языку, в меньшей мере характеризуют диалектную или обиходно-разговорную речь. Это обусловлено неподготовленностью, спонтанностью, непосредственностью общения.

Точность выражения достигается, как уже указывалось, оформлением и организацией речи определенным образом, отбором и сочетанием соответствующих языковых средств. А это предполагает, как известно, наличие разных стилей в языке.

Так, например, для официально-деловой речи характерна конкретная терминология, отражающая юридические отношения, выработанные и закреплённые в письменной форме, отдельные формулировки, клише, многие из которых носят архаический характер¹¹.

Что касается научного стиля, то для него свойственно употребление большого количества научных и технических терминов, характеризующихся моносемантичностью. С их помощью соответствующие понятия выражаются точно и ясно. В этом смысле употребляется система сочинительных и подчинительных союзов, широкое употребление вводных слов и др. Обладают своими особенностями и другие стили литературного языка.

Однако, говоря об особенностях каждого из стилей, нельзя считать, что они разделены между собой непроходимой границей.

¹⁰ Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 18.

¹¹ См.: Шмелев Д. Н. Указ. соч., с. 33.

В этой связи Д. Н. Шмелев отмечает: «Наблюдаемые в самой действительности различия в применении языковых средств, которыми определяются функциональные разновидности языка, наблюдаются в пределах одного и того же языка и в сфере деятельности в общем одного и того же языкового коллектива, поэтому нельзя ожидать, чтобы соответствующие разновидности речи не перекрещивались друг с другом, чтобы границы между ними, устанавливаемые по одним признакам, не перемещались бы, когда на первый план выдвигаются другие признаки»¹².

Возражая против попыток представить графически стилевые разновидности литературного языка как подобие концентрических кругов или секторов одного круга, Д. Н. Шмелев полагает, что литературный язык «с большим основанием мог бы быть представлен как такой круг, который в зависимости от функциональной направленности речи смещается в разные плоскости, при разных смещениях отдельные его части выступают на первый план, некоторые другие — отходят в тень. Функциональные разновидности тогда, — заключает он, — это разные проекции единого круга в трехмерном пространстве»¹³.

Особое место в рамках литературной формы национального языка занимает стиль художественный, собственно язык художественной литературы. Его отличительной чертой является то, что здесь «используются все средства национального языка и намеренно воспроизводятся черты разговорной речи»¹⁴. В этом плане он стоит особняком в ряду других функциональных стилей. В самом деле, если в рамках других стилей (научном, официально-деловом, публицистическом) использование языковых средств не выходит за пределы нормы литературного языка, то художественная литература включает в себя такие средства, которые характерны различным стилям языка. Так, если обратимся к отдельным рассказам И. Друцэ, заметим, что язык его героев содержит множество элементов, которые выходят за пределы литературной нормы. Вот, например, как представлен диалог между автором и стариком, лежащим на полке вагона.

— Аузь, баде!

— Оф...

— Матале ну ци-й сете?

— Мие? Паркэ ну. Да д'че мэ ынтребь? Ай вр'ун гыт де жин?

— Вин н'ам еу, да се поате гэси ла о невое. Да че-й ку мата, зачь де вре-о боалэ?

— Еу? М'о ферит домнул. Ын тинерецэ ам зэкут де харбалиц, дар демулт...

— Атунч дар че жемь ынтруна?

— Де чудэ жем, мэй драгул мошулуй! Дее домнул атытя жүнгюрь ынтр'ынса, кыте капичь еа мь-а луат де поманэ.

¹² Шмелев Д. Н. Указ. соч., с. 28—29.

¹³ Там же, с. 39.

¹⁴ Там же, с. 33.

Или же другой диалог между солдатом Харабажиу и капитаном в рассказе «Мургул ын Крimea»:

Дупэ ачея кэпитанул а луат ши м'о май кемат одатэ...

— Яр а кэзут мургул?

— О кикат, дон кэпитан, о кикат яр...

— Че ну-л ымпушь?

— Ыл пушк, дон кэпитан. Пе круча мя, кэ-л пушк.

В художественной литературе в изобилии используются языковые средства, относящиеся к другим формам существования национального языка, нежели к литературному языку. Речь идет о многочисленных диалектизмах (слов, словоформ, синтаксических конструкций), а также элементах обиходно-разговорной речи. Это лишний раз свидетельствует о том, что между различными формами существования языка нет непроходимых границ.

В целом, можно утверждать, что с точки зрения стилового разнообразия, литературный язык занимает особое место среди других форм молдавского языка. Ни в рамках местных говоров, ни в обиходно-разговорной речи какие-либо стили не выделяются, хотя следует признать, что определенные их зачатки и здесь можно наблюдать. Например, человек, пользующийся обычно обиходно-разговорной речью, несколько видоизменяет ее в зависимости от собеседника, от аудитории.

Выше больше внимания было уделено обиходно-разговорной форме, чем другим формам национального языка. Было сделано это с целью обратить внимание на один из важных аспектов молдавского языка, который не попал еще в поле зрения исследователей.

Видимо, следует исходить из имеющегося соотношения между различными формами национального языка и при выработке литературной нормы не пренебрегать и некоторыми тенденциями, характеризующими обиходно-разговорную речь, которые могут приобрести характер литературной нормы.

В сущности, все формы существования национального языка выполняют функцию общения, и с этой точки зрения все они заслуживают внимания исследователей.

МОЛДАВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Молдавский язык прошел длительный сложный путь от своей первичной формы существования в качестве разговорно-бытового и своих первых проявлений как фольклорно-песенного до его современного состояния — молдавского национального языка. Этот процесс не представляет собой некий континуум, что характерно и для развития любого языка мира. Примером того явля-

ется история русского языка. От церковно-славянского на болгарской основе и древнерусского языка Киевской Руси до языка Московской Руси, а затем до современного русского языка — это длительный путь смены диалектной основы, изменения дифференциальных типологических черт, становления грамматических, лексических, орфографических и орфоэпических норм русского языка — это путь развития языка во взаимосвязи с развитием общества.

Базируясь на изменении социально-экономических и политических устройств в ходе развития различных форм человеческой деятельности, принимает новые аспекты и языковая форма деятельности; на этой основе видоизменяется и мировоззрение, психический уклад, и, наконец, мышление, в том числе языковое мышление носителей соответствующего языка, в данном случае молдавского. Эти, казалось бы, азбучные истины для исследователя, рассматривающего развитие языка во взаимосвязи с развитием общества, не всегда понимаются и учитываются в отдельных изысканиях. При этом возникает примерно такой вопрос: какова связь между развитием общества, развитием форм деятельности, изменением мировоззрения и становлением, например, вариантов множественного числа обоюдного рода, типа древнемолдавского *кымпурь* и *кымпъ* (последнее, как известно, сохранилось только в сочетании *а бате кымпий*), или становлением звательной формы существительного (*оаме, филозоафе* в древнемолдавском и *омуле, филозофуле* в современном языке; правда, у В. Александри встречается усеченная форма *кодре: ши ту, кодре, те-ай ускат*), или формированием глагольной парадигмы, в частности предположительного наклонения (*а фи кзынд, а фи зикынд у М. Эминеску*, или образное динамичное у В. Александри: *ту ешьт сосинд, еу ын плекаре*). Во всех этих типовых морфологических сдвигах основную роль играет изменение социальной базы языка и соответственно формы языковой деятельности, которое происходит путем привлечения к этой деятельности, в её устном и письменном аспектах новых слоев носителей языка.

Изменение социальной базы языка следует считать одной из основных движущих сил развития национального языка. Об этом весьма ярко писал Е. Д. Поливанов: «В том, что язык, на котором мы говорим в 1928 г., и тем более язык того пионерско-комсомольского поколения, которое вообще не существовало еще в дореволюционную эпоху, существенно отличается от языка рядового интеллигента довоенного времени, никто, я полагаю, не будет сомневаться»¹. Дело не только в том, что изменились социально-экономические условия, а и в том, что появилась социальная прослойка, которая не могла быть до революции, изменилось языковое мышление нового поколения и старого в новых

¹ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1958, с. 206.

условиях. Полностью изменилась социальная база языковой деятельности.

Второй основной движущей силой языковых изменений следует считать различное соотношение литературной, обиходно-разговорной и диалектной форм существования языка со всеми их аспектами функционирования. При расширении языковой деятельности носителей языка расширяется и видоизменяется сфера действия литературного языка и соответственно суживается социальное значение диалектов и обиходно-разговорного языка. Происходит как бы переплетение этих трех форм существования языка. Литературный язык обогащается за счет широко распространенных явлений обиходно-разговорной и диалектной форм языка в начале в своем устном аспекте, в различных ситуациях говорения, а затем и в письменном аспекте. К известной формуле „*Nihil est in syntaxis quod ante non fuërit in stylo*“ добавляется: „*Nihil est in syntaxis quod ante non fuërit in sermone*“. Одновременно растет общественное значение литературного языка, который в своем узусе приобретает характер общетерриториальной распространенности, полифункциональности и широкой стилиевой дифференциации. Высшей реализации этих функциональных (узусных) характеристик язык достигает в своей национальной литературной форме. Эти три характеристики — общетерриториальная распространенность, полифункциональность и стилиевая дифференциация представляют собой типовые признаки узуса национального литературного языка.

С системной точки зрения признаком номер один национального литературного языка является норма — объективная и оценочная, осознанная норма. Поскольку о любом языке можно говорить как о литературном, если у него имеется грамматическая, лексическая, орфографическая и орфоэпическая норма, следует выяснить, в чем же отличие литературного языка от национального литературного языка с точки зрения признака номер один — нормы.

На всем протяжении истории развития национального языка происходит его нормализация, т. е. становление и стабилизация архитектоники высказывания, композиционной организации текста, лексических и семантических рядов, всех звеньев речевой цепи. В этом процессе принимают участие как теоретики, так и практики языка в различных ситуациях говорения, в различных стилиевых манифестациях. Если вспомнить историю развития молдавского литературного языка, то можно отметить определенную роль рассуждений о молдавском языке наших летописцев, оценки и предписания Димитрия Кантемира, принципы лексикологии и стилистики писателей и деятелей культуры конца XVIII, затем XIX в.: Костаке Конаки и Алеку Руссо, переводчиков этого же времени — Алеку Белдимана и Георге Асаки, нормализаторскую деятельность В. Александри, его борьбу против латинизации, за народно-разговорную основу языка, высказывания М. Эминеску о

музыкальности молдавского языка в отличие от логичности валашского, резкий отпор А. Матеевича искажению основ молдавского литературного языка.

Таковы вкратце отдельные вехи процесса нормализации молдавского литературного языка в дооктябрьский период, процесса его индивидуализации в ходе становления грамматической, лексической, орфографической и орфоэпической норм. Процесс этот продолжается и в послеоктябрьский период; он наблюдается и в настоящее время, поскольку норма при всей своей стабильности, и, в отдельных случаях, консервативности, являясь исторической категорией, допускает отдельные явления вариативности.

Норма литературного языка донационального периода — когда он является в первую очередь книжным языком, а его разговорный литературный аспект характерен в основном для отдельных грамотных слоев населения, тогда как большинство носителей языка является безграмотным — носит более консервативный характер. Постепенная демократизация нормы литературного языка в связи с тем, что в процессе ее кодификации принимает участие большинство носителей языка и все формы существования языка — и литературная, и обиходно-разговорная, и диалектная — характеризует национальный литературный язык. Норма приобретает общественный характер и в этой связи допускает отдельные вариативности как в архитектонике высказывания, так и в реализации лексико-семантических рядов. В процессе демократизации норма приобретает также наддиалектный характер, происходит постепенное стирание диалектных различий языка, их социальной характеристики, аспекты литературного языка дифференцируются по сферам деятельности и по ситуациям говорения, при учете формы высказывания — будь это монолог, диалог или полилог. Национальный литературный язык все больше расширяет сферу своей реализации в устном аспекте, так как письменный его аспект сохраняет характер сравнительной консервативности.

На современном этапе молдавский национальный литературный язык развивается в трех направлениях: 1) он продолжает развивать свою национальную индивидуальность в процессе взаимодействия трех форм его существования; 2) являясь одним из национальных языков нашей страны, развиваясь в процессе билингвизма его носителей (с русским языком), он воспринимает отдельные системные явления современного русского языка, главным образом те, которые соответствуют его собственным тенденциям; и 3) молдавский язык приобретает черты интернационального характера через посредство русского языка, тем более что большинство этих интернациональных черт основано на греческих и латинских морфемах, что также соответствует общей системной характеристике молдавского языка.

Рассмотрим каждое из выделенных трех направлений развития молдавского национального литературного языка.

Первое — развитие национальной специфики языка в процессе взаимодействия его трех форм существования. Процесс национальной индивидуализации языка берет свое начало от песенно-фольклорной индивидуализации, которая хранится и развивается в отдельных аспектах литературного языка, в частности в художественной литературе, в ее лучших народных образцах, за что боролись и борются представители молдавской культурной жизни прошлого и настоящего как в теоретическом, так и в практическом планах.

Приведу лишь один пример. Системный префиксальный ряд выражения отрицания в молдавском языке образован префиксами различного происхождения: латинский *in*, греческий *a-* и славянский *не-* (типа *инконтестабил*, *аморал*, *невиноват*). В обиходно-разговорной речи и в говорах отдается предпочтение форманту *не-*. Можно отметить и для литературного языка определенную закономерность: отрицательная форма прилагательных и наречий, образованных от причастий и супина, т. е. от именных форм глагола, образуется с префиксом *не-*: *некуноскут*, *неспус*, *невэзут*; *не несимците*, *не невэзуте*; *де нерекуноскут*, *де неынкипуит*. Более того, отрицательное прилагательное *инконтестабил*, например, образуется с префиксом *ин-*, а супин той же семантики — с префиксом *не-* *де неконтестат*. С префиксом *не-* образуется и негативный антоним существительного: *ынкредере* — *неынкредере*, *ынцележере* — *неынцележере*, *дрептате* — *недрептате*.

Отдельные неологизмы с суффиксом *-бил*, которые обычно образуют свою отрицательную форму с префиксом *in*, также как и в языке источнике: *посибил* — *импосибил*, *супортабил* — *инсупортабил*, в отдельных парах несмотря на их явно книжный характер допускается префиксация с префиксом славянского происхождения: *агреабил* — *неагреабил*, *акчептабил* — *неакчептабил*, а отдельные прилагательные даже исключают отрицательную форму с *in*: *фаворабил* — *нефаворабил*, а не *инфаворабил*. Специфическая дистрибуция отрицательных формантов в современном языке по сути продолжает и развивает более ранние тенденции индивидуализации молдавского языка. Известно, что в древне- и в средне-молдавском языке имел широкое употребление маркер отрицания *не-*, и отдельные представители культуры XIX века выступали против внедрения слов французского происхождения с префиксом *ин-*, даже тех слов, которые впоследствии остались в литературном языке. В своей известной статье «Дикционар гротеск» В. Александри высказывается против употребления слова *инамик* — *инимик*, иронически замечая, что нам не нужны «мелкие души»: *инимь мичь*, когда у нас существует издавна: *приетен* и *неприетен*.

Можно привести еще немало примеров развития национальной специфики молдавского литературного языка на современном этапе, но в каждом случае следует выявлять не отдельные формы,

а системные парадигмы, как в вышеприведенном примере — префиксальную.

Второе направление развития современного молдавского литературного языка выражается в расширении отдельных системных явлений под воздействием соответствующих аналогов русского языка. Это — в первую очередь становление именной микросистемы в системе синтаксиса на основе различных способов субстантивного выражения мысли, находящей опору в самом молдавском языке. На базе имен действия в настоящее время наблюдается широкое развитие таких моделей сочетания как: *пунере ын акциуне* «ввод в действие», *луаре де мэсурь* «принятие мер», развитие новой модели выражения объектного подчинения: *«ел а пропус алежера луй Х... ын постул де директор»* развитие дефисного атрибутивного сочетания: *нава-спутник, арма-ракетэ*, а также новой модели связи между именами и на этой основе — новой модели порядка слов: *стэпын лежитим — попорул* «законный хозяин — народ», т. е. вынесение на первый план не подлежащего — *попорул*, а его качества — *стэпын лежитим*. Использование этих моделей именных конструкций особенно активизируется в современном литературном языке, главным образом в публицистике, где именные структуры с глагольным содержанием образуют клише, повторение которых вызывает определенную, точную реакцию мышления, как, например: *Дескидера експозицией де кэрць; Апаричия унуй ноу агрегат*.

Известно, что во французском языке также получили широкое распространение именные конструкции, образующие в этом языке так называемый *style-substantif*. В этой связи интересно заметить следующее. В литературный французский язык именные конструкции стали входить через посредство художественной литературы в прошлом веке. И несмотря на то, что отдельные исследователи писали по этому поводу „comment il ne faut pas écrire“ и считали это явление отклонением от классического стиля Флобера, все же *style-substantif* подчеркивает С. Ульман в своей „Précis de sémantique française“², вошел в литературный язык и, французская нормативная стилистика предпочитает именно эту форму высказывания. Следовательно, уже в XIX веке во французском языке стал приобретать характер нормы именной способ выражения мысли, который вошел в литературный язык из языка художественной литературы, из произведений таких мастеров слова как Додэ, Гонкур, Золя и др. Об этом свидетельствует А. Ломбард в своей известной работе „Les constructions nominales dans le français moderne. Etude syntaxique et stylistique“³.

Кроме того, известно влияние французского языка не только на молдавский язык, но и на русский в прошлом веке через его

² Ullmann S. Précis de sémantique française. Berne, 1952, p. 143.

³ Lombard A. Les constructions nominales dans le français moderne. Etude syntaxique et stylistique. Uppsala et Stockholm, 1930.

двуязычную верхнюю прослойку общества. Вместе с тем и в русском и в молдавском именной способ выражения мысли нашел широкое распространение на современном этапе и приобрел характер системности через посредство публицистического стиля, особенно расширившего свои функции и свое влияние на литературный язык в настоящее время.

Третье направление развития молдавского национального литературного языка на современном этапе — это приобретение молдавским языком черт интернационального характера. Это выражается в первую очередь в экономии языковых средств в речевой цепи. В современную эпоху во многих языках немыслима, например, длинная латинская фраза, нить которой иногда теряется так, что довольно трудно ее найти. По меткому определению Ж. Марузо, для латинского языка характерно распыление родственных терминов и превращение фразы в «систему обращений и ответов на расстоянии»⁴. В современных языках архитектура высказывания более компактна и более сжата в своей линейной последовательности, что обусловлено в известной мере современным ритмом жизни. Кроме того, в связи с развитием науки, техники, культуры каждодневно появляются новые понятия в различных сферах деятельности. Если в свое время, говоря о латинском языке Иероним писал „*ipsa latinitas et regionibus quotidie mutetur et tempore*“, то это тем более закономерно в современных условиях развития человеческого общества, и в частности советского общества. Одновременно повседневные связи между представителями соответствующих наук разных стран мира приводят к необходимости номинации одних и тех же понятий или действий этимологически идентичными или схожими языковыми формами. Это можно проиллюстрировать на примере так называемой «космической» лексики. В коллективной монографии «Словообразование современного русского литературного языка» подчеркивается следующее: «Так как достижения наук, связанных с освоением космоса, имеют общечеловеческую значимость и поэтому одна и та же «космическая» информация должна быть одновременно передана на различных языках (при различных формах международных связей и обмена информацией), естественно, что в области «космической» лексики усиливается взаимовлияние языков. В результате этого расширяется и упрочивается международный фонд морфем»⁵. Известно, что в основе образования международного терминологического фонда находятся латинский и греческий языки. При этом, как замечает Бруно Мильорини «греческий предпочитается в тех случаях, когда необходимо обра-

⁴ Marouzeau J. L'ordre des mots en latin. Paris, 1953, p. 113.

⁵ Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 285.

зовать сложные слова, латинский более подходит для образования дериватов»⁶.

Появление новых наименований и необходимость их дальнейшего расширения в будущем предопределило проведение дискуссии о терминах космонавтики в русском языке на страницах журнала «Авиация и космонавтика» в 1965 году (№ 2). Интересен также тот факт, что когда газета «Вечерняя Москва» в апреле 1965 г. объявила конкурс, предложив своим читателям назвать новым словом «свободное плавание человека в космосе вне корабля», — почти одновременно проводился конкурс по вопросам «космической лексики» и в других столицах — в Варшаве, Берлине, Белграде. Для русского языка, следовательно, проблема деноминации в отдельных подъязыках не может быть решена индивидуально и субъективно, тем более когда имеется в виду сфера деятельности, интересующая не только специалистов соответствующей области. Такой подход к решению проблемы инноваций в русском языке облегчает положение в других национальных языках, тем более, что латинские и греческие этимоны или морфемы не чужды системе самого молдавского языка.

Адаптация же той или иной лексемы или синтагмы терминологического характера носит национальную окраску, ибо она соответствует конкретному языку если не по форме, то хотя бы по звучанию.

Таковыми представляются три направления, в которых развивается в настоящее время и будет развиваться в будущем молдавский национальный литературный язык.

ДИАЛЕКТНАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Любой современный национальный язык как целое в отношении своей структуры, пишет Р. И. Аванесов, представляет весьма сложное и многообразное явление. В разных сферах своего употребления он во многом различается, но в то же время всегда остается самим собой и обычно характеризуется определенным комплексом общих структурных признаков¹. Национальный язык в свою очередь делится на литературный язык с его письменной и устной формами и на диалектный язык, которому свойственны территориальные варианты.

Р. И. Аванесов замечает также, что, отграничивая диалектный язык от разных форм народно-разговорного языка и языка лите-

⁶ Migliorini B. Trois questions glottotechniques.— Le français moderne, 1973, № 1, p. 69.

¹ Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, с. 7.

ратурного, следует помнить, что диалектный язык — в особенности в позднейшие эпохи истории языка — развивается в тесной связи как с народно-разговорным языком, так и с языком литературным и имеет немало черт, объединяющих его с ними².

Диалектный язык — это язык в его бесписьменных формах в любом населенном пункте на территории его распространения. В языке всегда действуют различные факторы, которые создают его неоднородность, и поэтому он бывает не единым. Различные вариации языка делятся на территориальные диалекты и на социальные варианты.

Ученые поставили перед собой задачу выявить диалектные формы молдавского языка и определить их территориальное распространение. Решение этой задачи зависело от имевшегося у исследователей фактического материала, от уровня разработки диалектных данных, от критериев группировки территориальных единиц молдавского языка и др. Впервые этот вопрос был поставлен М. В. Сергиевским³. В качестве критерия деления на северную и южную диалектную область послужил переход палатализованных губных **ф**, **в** и аффрикат **ч**, **дж** на севере — в мягкие свистящие **с**", **з**" и на юге — в шипящие **ш**", **ж**". Границей между этими диалектными областями были реки Ягорлык и Кодыма. Разные деления молдавского диалектного языка находим в «Курсе современного молдавского литературного языка»⁴, у Г. В. Гринько⁵, у Р. Г. Пиотровского⁶ и у других исследователей.

Выявление диалектных подразделений молдавского языка и расплывчатость в определении их территориального распространения объясняются скудностью фактического материала, а в отдельных случаях — невысоким уровнем разработки диалектных данных⁷. Еще в 1951 году И. Д. Чебан писал, что «на территории Молдавии нет отдельных диалектов, отличающихся особым грамматическим строем и словарным фондом»⁸.

На основе научного анализа опубликованных и неопубликованных материалов «Молдавского лингвистического атласа» была произведена группировка говоров молдавского языка и составле-

² Русская диалектология, с. 9.

³ Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды / Под ред. Д. Е. Михальчи. М., 1959, с. 135; Сергиевский М. В. Диалектологическая карта АМССР. — В кн.: Молдавские этюды. М.; Л., 1936, с. 88—101.

⁴ Курс де лимбэ молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Вол. I./Суб ред. луй А. Т. Боршч, Н. Г. Корлэтану ши В. П. Соловьов. Кишинэу, 1956, п. 20.

⁵ Гринько Г. В. Лукраре асупра темей «Куноштинць деобште деспре лимбэ» ын класа VII.— Ынвэцэторул Советик, 1952, № 3, п. 34—36; Гринько Г. В. Предаря темей «Грауриле лимбий молдовенешть». — Ынвэцэторул Молдовой, 22.XI.1952.

⁶ Пиотровский Р. Г. Структурные схемы и типологическая классификация диалектов. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1963, с. 236—252.

⁷ Удлер Р. Я. Диалектное членение молдавского языка. Ч. I. Кишинев, 1976, с. 35.

⁸ Чебан И. Д. Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина. — В кн.: Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина. Кишинев, 1951, с. 22.

на диалектологическая карта. Было установлено, что на территории Молдавии не существуют ярко выраженные диалекты, имеются лишь группы говоров. На диалектологической карте⁹ выражены границы говоров, изоглоссы и их переходные зоны. Все говоры Молдавии связаны между собой общностью многих черт, которые являются составными частями всего молдавского массива.

Таким образом, на территории Молдавии выделяются следующие территориальные подразделения по группам говоров: 1) **центральные говоры**, которые занимают территорию МССР и нескольких районов Одесской области, за исключением юго-западной части области, крайнего северо-запада и северо-восточных районов на левом берегу Днестра; 2) **юго-западные говоры**, которые включают говоры десяти населенных пунктов, расположенных в Вулканештском районе МССР, в Ренийском, Измаильском и Килийском районах Одесской области; 3) **северо-восточные говоры**, которые распространены на левом берегу Днестра в 8 населенных пунктах Каменского и Рыбницкого районов Молдавской ССР, а также Котовского района Одесской области. Переходные говоры бытуют в зоне, включающей населенные пункты Дубоссарского и Тираспольского районов левобережья МССР и Ананьевского района Одесской области; 4) **северо-западные говоры**, которые распространены в Бричанском районе. Переходные говоры расположены в Дондюшанском, Единецком и Рышканском районах Молдавской ССР, а также в нескольких населенных пунктах Новоселицкого района Черновицкой области. Эти говоры образуют своеобразный мост между буковинскими говорами, центральными и северо-восточными. Отдельные группы образуют говоры Северной Буковины, говоры восточной Украины, говоры РСФСР, Абхазской АССР, Казахской ССР и Киргизской ССР. Границы групп говоров, установленные по языковым причинам, обусловлены комплексом исторических причин¹⁰.

Употребление литературного языка в школе, на радио, в печати, на телевидении и кино, общение коренных жителей села с современной местной интеллигенцией и многое другое в последние десятилетия меняют границы языковых явлений. В речь молодого и среднего поколения проникают литературные варианты, и в то же время расширяется территория распространения особенностей говоров центрального массива. Так, наиболее типичные для северо-востока звуки *с*"—*з*" вместо литературных, *ч*, *в*, *ж*, *ш* заменяются вариантами *ш*", *ж*" характерными для говоров основного массива, «авторитет которых весьма высок в силу ряда социальных причин»¹¹. Такие же интерференции наблюдаются и

⁹ См. карту 17 из монографии Удлера Р. Я. Диалектное членение...

¹⁰ Подробнее см.: Удлер Р. Я. Опыт группировки молдавских говоров на основе данных молдавского лингвистического атласа (АЛМ).— В кн.: Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973, с. 18—28.

¹¹ Удлер Р. Я. Ынсемнэтата материалелор Атласулуй лингвистик пентру студия лимбий литераре контемпоране ши а историй ей.— ЛЛМ, 1967, № 4.

в области лексики: узкодиалектные слова, бытующие в говорах северо-восточной группы, заменяются общемолдавскими, например: с"јолáн — кáрни, т"йтý — пýни, пéкар' — брутáр', кузнéц — ковáл' — ш"ерáр', крýшы — акомпýнт, без — лилијáк и др. Аналогичный процесс происходит и на юго-западе, где местные формы заменяются не литературными, а диалектными формами центрального массива. Например: чјурјáшы — ш"ирéшы, дж"јолáн — ш"јолáн, дж"јубéр, — ш"јубéр, ýл' пи — һýлпи, паáр — пэ́һáр, заáр — дзэ́һáр, моóр — моһóр, пешк'ир' — штергáр' и др. Таким образом, в результате может происходить интенсивное нивелирование говоров. Исчезновению подвергаются сначала те особенности, которые более резко отличают соответствующие группы говоров от соседних. Все реже употребляются диалектные слова, типичные для определенной группы говоров, для определенной местности. «Впоследствии,— пишет Р. Я. Удлер,— усилятся тенденции к образованию единого типа территориальной речи. Особенности говоров центрального массива воспринимаются носителями окраинных групп говоров благодаря превосходству экономического, культурного и политического характера этой области, более развитой со всех точек зрения»¹².

Хочется отметить, что более пожилые информаторы будучи, естественно, менее грамотными, оказываются сегодня более консервативными в сохранении тех или иных диалектных особенностей своих родных говоров. Они меньше контактируют с носителями других говоров, не испытывают влияния литературного языка. Молодежь, напротив, находясь под влиянием школы, художественной литературы, печати, кино и т. д. лучше владеет литературным языком и сознательно старается устранять из своей речи характерные для своего родного говора особенности. Собирая антропонимический материал, мы лично столкнулись с тем, что диалектный язык находится под влиянием литературного языка и в значительной мере зависит от социальных, экономических и культурных преобразований, происшедших в нашей республике в последние десятилетия. Это было легко заметить в первую очередь при анкетировании представителей среднего возраста, которые делают различие между диалектными и литературными формами личных имен: «Даж"ýд, ашé дзýш"им ной, цэрáни, да ла кáрти сы скрýйи Давýд» или «Ч"ýлип спун бэтрýни, да тинери ну май спун ашé, ий Ш"ýлип дзык». В некоторых говорах информаторы дифференцируют литературные и диалектные формы, употребляя оба варианта в зависимости от возраста того или другого индивидуума. В селе Кожушна Страшенского района информатор утверждал, что «Прош"иráш сы дзýш"и дáк-ый н"ик, јар Профiráш — ла май мáри». Продолжая эту мысль, хочется подчеркнуть, что носители диалектного языка сознательно упот-

¹² Удлер Р. Я. Диалектное членение..., ч. II, с. 169.

ребляют литературные слова, отмечая при этом, что эти слова «*йс май деликати*», «*май фрумоаси*» или «*аша сы дзыш*» ла *карти*»¹³.

Диалектная система выступает как частная реализация общеязыковой системы, тем самым определяя ее зависимый характер. Говоря о самостоятельности языковой системы и зависимости диалектной системы, имеется в виду не генетический план, а общие тенденции развития системы. Вторым характерным признаком диалектной системы по сравнению с общеязыковой считается ее открытость, т. е. наличие общих звеньев у целого ряда диалектных систем. Открытый характер диалектной системы способствует проявлению ее третьей особенности — большей проницаемости по сравнению с системой языковой. Она наблюдается на всех уровнях диалектной системы, особенно в области лексики. Проницаемость — это возможность проникновения в данную систему элементов другой системы. Так, вместе с заимствованием предметов, инструментов, понятий были заимствованы и новые слова из диалектов контактирующих языков. Таким образом объясняется появление украинских и русских слов в восточных молдавских говорах, как *лисник*, *поизд*, *кипилюх*, *зараз* и др. или болгарских и гагаузских в юго-западных молдавских говорах, как: *пешк'ър'* (полотенце), *дам* (сарай), *френкь* (помидор), *гьол* (озеро) и др., или германских в говорах Буковины — *цуг* (поезд), *шпархат* (печь) и т. д. Близость языковых систем диалектов вызывает определенный психологический эффект. Поскольку система диалекта часто более вариативна по сравнению с системой литературного языка, то всякое проникновение элемента другой диалектной системы воспринимается как фонетический или грамматический вариант собственной системы. Носители близкородственных говоров очень легко в процессе общения осваивают сходные языковые элементы, что и приводит в конечном счете к смешению говоров, диалектов.

Диалектный язык представляет собой систему диалектных микросистем и макросистем различных степеней. Диалектные различия в лексике многочисленнее, чем фонетические и морфологические различия. Слова характеризуются различным происхождением, продуктивностью, динамикой и стабильностью в языке. Диалектные слова составляют определенные диалектные системы, которые в свою очередь входят в систему общенародного языка. В говорах одно и то же понятие или один и тот же предмет может иметь несколько названий, а, с другой стороны, одно слово может иметь в разных говорах различные значения¹⁴. Ди-

¹³ Об этих формах см. подробнее: *Комарницки В. А.* Экспрессии в диалектале «*май деликат*», «*май пи културы*», «*май ын политикэ*», «*ын политикэ*». — ЛЛМ, 1959, № 2, п. 72—73.

¹⁴ Подробнее о диалектных лексических различиях см.: *Диалектология молдовеняск* / Суб ред. луй Р. Удлер ши В. Комарницки. Кишинэу, 1976, п. 173—176.

лектный язык по сравнению с литературным языком очень богат синонимами и словообразовательными формами: *картоф* — *барабулэ, хандрабуркэ, кромпле*; *пэтлэжикэ* — *френкэ, думадэ*; *ам терминат* — *аж мынтуит, ам гэтит, ам бетерит* и т. д. «Если для обозначения терминов, касающихся разновидностей вил,— отмечает В. К. Павел,— литературному языку известны лишь пять терминов (*фуркэ, фуркуцэ, фуркой, цэпой, цэпоеш*), то в говорах этой же системе реалий соответствуют двадцать лексем»¹⁵. Для обозначения подсолнуха в говорах было заанкетировано 18 лексических вариантов (*рэсэритэ, сора соарелуй, фаца соарелуй, рэсэрита соарелуй, сорянкэ, пэпэдие, растосоль, сонишкэ, пэчоанкэ* и др.), а для обозначения верхушки подсолнуха аттестовано 35 слов (*кэпак, кэпэцынэ, тэрэбанэ, ташпкэ, пэчоанкэ, соритэ, пэлэрие, кэчулэ, кушмэ, кашкет, кап, роатэ, ротицэ, ротолугэ, туртэ, плэчинтэ, тава, таблэ, вешкэ, вешкэлие, талжер* и др.). Здесь можно также отметить, что в говорах такое богатство вариантов характерно и для антропонимов. Так для личного имени *Мария* было собрано около 80 разных антропонимических единиц (*Мэриуца, Мэриоара, Мэриука, Мэририка, Марика, Маричика, Марчика, Рика, Чика, Маша, Машка, Мэшуца, Мэшука, Машенка, Шуца, Шука, Маруся, Марусика, Маруселу, Марусинка, Сика, Марусел* и т. д.), для имени *Ион* — более 100 (*Ионикэ, Ионел, Ионети, Ионицэл, Ионуц, Ионуш, Никэ, Нелу, Нелуку, Нелукэ, Нелуц, Нелуцу, Оникэ, Онел, Онуцэ, Оничел, Никуцэ, Оня, Онуш* и т. д.). Хочется отметить, что по сравнению с литературной антропонимией в говорах бытует очень много различных вариантов и для более новых имен, употребляемых в последнее время (*Светлана* — *Света, Светуня, Светуца, Светика, Светуля, Светука, Светушка* и др., *Татiana* — *Танюша, Танюца, Тэника, Тэнел, Тэнуш, Танця, Таничка* и др., *Аурел* — *Аураш, Ауренцу, Аурикэ, Аурелуш, Релу, Релукэ, Релуц, Рiku, Рикуня, Рikuшор, Рикэ, Рikuцэ, Аурелу* и т. д.), большинство которых еще неаттестовано словарями.

Диалектный язык является источником обогащения литературного языка. Это видно из последних словарей молдавского языка, в которые включены самые распространенные местные лексемы: *адэпэтоаре, алэмые, а анина, анцэри, боя, брынкэ, брэкаче, булихар, а бурика, вазон, а грэи, гужь, гутунар, желиште, а зэтри, кикэ, килдурь, а кихоти, лампак, мэхалэ, опалкэ, скиртэ, талагир* и др. Диалектизмы, употребляемые писателями, служат, во-первых, для локализации действия, а во-вторых, они характеризуют социальное происхождение того или иного персонажа. В этом смысле очень удачно употребляют диалектизмы Ана Лупан, Ион К. Чобану, Ариадна Шаларь, Ион Друцэ и др. В их произведениях можно найти такие лексемы, как *межэ* «граница, край

¹⁵ Павел В. К. Терминология агриколэ молдовеняскэ. Кишинэу, 1973, п. 142.

огорода», *лампак* «кирпич», *тэрпан* «вид топора, которым режут камыш», *кацавейкэ* «вид кожуха», *торанжиу* «желтый цвет», *зэморыт* «голодный», *скрынгицэ* «селедка», *туца* «уменьшительное имя для отца», *шокэит* «хромой», *фрэсуеште* «ломается (о человеке)», *коплеш* «верзила», *точитоаре* «кувшин для вина», *троахнэ* «болезнь» и др.

Диалекты ограничены в территориальном отношении: у каждого диалекта своя определенная территория. Этим объясняется употребляемый по отношению к ним термин «территориальные диалекты» или «говоры» (а также «местные говоры», «местные народные говоры», «областные говоры»), посредством которого их противопоставляют социальным диалектам, говорам. Социальные диалекты обычно в территориальном отношении не ограничены — они по преимуществу являются достоянием крестьян-колхозников. Однако практически такое противопоставление не влечет за собой особых неудобств, так как социальные диалекты — это прежде всего арго, профессиональные и разного рода специальные языки. Н. А. Мещерский предлагает называть их не социальными диалектами, а «специальными» или «условными языками»¹⁶.

Территориальные и социальные диалекты отличаются друг от друга еще тем, что характерные особенности территориальных диалектов касаются фонетики, морфологии, синтаксиса, а также лексики и фразеологии, в то время как особенности социальных диалектов охватывают главным образом факты лексики и фразеологии. Арго и жаргоны, пишет В. Д. Бондалетов, включают в свой словарный состав условную лексику, известную только членам данной социальной группы¹⁷.

Необходимо иметь в виду часто встречающуюся неоднородность говора села, его социально-языковую дифференциацию. Эта дифференциация имеет глубокие исторические корни. Диалекты как таковые восходят к феодальному и дофеодальному периоду. Уже в эпоху капитализма, не говоря (применительно к нашей стране) об эпохе социализма, диалекты являются категорией пережиточной: они уже не обусловлены общественно-экономическими условиями, а напротив, продолжают существовать, несмотря на новые условия, которые вызывают к жизни процессы их постепенного разложения, деформации, нивелирования, приближения к литературному языку.

При этом влияние литературного языка обычно распространяется неравномерно на говоры разных населенных пунктов и социальных групп местных жителей в пределах одной территории. Оно распространялось прежде всего по основным, важным для

¹⁶ См.: Русская диалектология / Под ред. проф. Н. А. Мещерского. М., 1972, с. 11.

¹⁷ Бондалетов В. Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Л., 1966, с. 3.

экономики страны путем сообщения. Чем теснее экономические и культурные связи данной местности с административным, экономическим и культурным центром, тем сильнее обычно влияние языка центра на соответствующие говоры.

Влияние литературного языка может быть неравномерным не только по отношению к разным территориям, но также и по отношению к разным социальным группам населения одной и той же территории, одного населенного пункта.

Материалы «Молдавского лингвистического атласа» свидетельствуют о том, что в ряде населенных пунктов продолжает существовать дифференциация форм и значений, обусловленная социальным положением их жителей¹⁸. В Молдавии с конца XVI в. кроме селений царан-крестьян¹⁹ существовали села рэзешей, села мазылов и др. Рэзешы были мелкими феодалами, имели свои земли и пользовались некоторыми привилегиями. Также привилегированным было и сословие мазылов²⁰. Для МЛА были исследованы более 40 сел, в которых в настоящее время живут бывшие рэзешы, мазылы и др.²¹. Речь бывших рэзешей и мазылов отличается и в настоящее время от речи бывших царан, проживающих в одних и тех же селах, особенно в селах Нишканы Каларашского района, Мошены Рышканского района, Стойканы Сорокского района и др. Она была ближе к литературной, потому что большинство рэзешов было грамотным. Рэзешы держали связь с городом, старались отличаться от крестьян²². Приведем несколько примеров из речи рэзешей, мазылов в соотношении с примерами из речи царан:

Рэзешы	Крестьяне
чш"ин	ш"ин
мóркув	мóркож"
кавалёр ди 'он'оáри	ворниш"ёл
домниш'оáры ди 'он'оáри	дру́шки
бунéл	тэту́кы, тэты́кы
буні́кы, ненја́кы	мы́кы, мэму́кы

Интересно также отметить, что в бывших рэзешских селах сохранились старые календарные личные имена, меньше обычного употребляются новые личные имена. В этих селах можно встретить такие старые имена как: *Петрунеля, Епистимия, Маврикия, Анфилофий, Елифер* и др. Проблема социальной дифференциации в молдавских говорах остается пока мало изученной.

¹⁸ Удлер Р. Я. Диалектное членение... ч. II, с. 170.

¹⁹ История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965, с. 100—105.

²⁰ Аницупов И. А. Государственная деревня Бессарабии в XIX веке (1812—1870 гг.). Кишинев, 1966, с. 43—44.

²¹ Удлер Р. Я. Диалектное членение... ч. II, с. 171.

²² См. подробнее Мелник В. Унеле партикуларитэць сочиале але граюрилор молдовенешть (пе база материалелор АЛМ).— ЛЛМ, 1979, № 2, п. 46.

В наши дни наблюдается естественное различие между речью отдельных общественных прослоек населения современного села в зависимости от возраста, профессии и даже пола носителей говоров. Условия развития современных молдавских говоров, которые находятся под постоянным влиянием литературного языка через посредство школы, печати, радио, телевидения и т. д., создают предпосылки для нивелирования говоров и их приближения к литературному языку. Однако литературный язык влияет на диалектный язык неравномерно, бывает, что в одном и том же селе одни группы населения в большей степени приобщаются к нормам литературного языка, чем другие. Речевые вариации в устах наших современников точнее всего охватываются понятием «полудиалект»²³, занимая промежуточное положение между традиционным территориальным диалектом и литературным языком нации. Такие вариации должны стать предметом детального исследования.

---

²³ Подробнее о «полудиалекте» см.: Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, с. 7 и 10.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Известно, что потенциально структура любого языка содержит в себе возможность развить все функциональные стили и образовать функционально-стилистические системы¹. Тем не менее, этот процесс определен многими внешними факторами, поскольку реализация такой возможности зависит в первую очередь от социально-исторических условий развития языка. Доказательством тому является тот известный факт, что у таких древних языков, как санскрит, готский, древнеанглийский, старославянский, древнеармянский, древнегрузинский и других имелись большие внутриструктурные возможности для создания терминологии во всех областях знания. Однако этого не произошло по той простой причине, что социальное развитие в конкретное историческое время не достигло необходимого уровня для создания соответствующих сфер общественной деятельности.

Логически и фактически вытекает положение о том, что решающую роль в дифференциации языка и образовании различных функциональных стилей играют социальные потребности общества, которые, в свою очередь, обусловлены эволюцией самого общества, его жизнью, наличием целого ряда общественно-политических и культурных учреждений. При этом необходимо подчеркнуть, что общество в данном случае влияет на язык не непосредственно, а через общественные функции, поскольку определенные сферы общественной деятельности создают конкретные предпосылки образования функционального стиля, что обуславливает и некоторые внутриструктурные изменения языка. Так, при наличии социальных условий развития науки образуются терминологические пласты лексики, появляются определенные синтаксические конструкции и фразеологические единства, свойственные научному функциональному стилю. Внешние факторы непосредственно влияют не только на возникновение и развитие

¹ Вероятнее всего можно утверждать, что в микроструктурах любого языка, даже самого консервативного, заложена потенциальность его функционально-стилистической дифференциации, которая может реализовываться только в зависимости от условий функционирования языка.

функционально-стилистической системы, но детерминируют и само ее существование. Однако при всей важности внешних факторов общая композиционная структура² функциональных стилей не ограничивается их воздействием. Внутряязыковые процессы играют не меньшую роль и поэтому их следует учитывать при изучении функционально-стилистической дифференциации. Следовательно, лишь объединение двух аспектов: **языкового** и **внеязыкового**³ может дать полное представление о динамике и движении самого процесса функционально-стилистической дифференциации в пространстве, во времени и в социуме, поскольку все особенности функциональных дифференциаций языка, в том числе и стилистических, происходят не сами по себе, а в определенной исторической среде.

Принимая во внимание вышесказанное, функциональный стиль (как единица функционально-стилистической дифференциации) рассматривается нами одновременно как **языковая** и **социально-историческая** категория.

Однако при определении самого понятия «функциональный стиль» подавляющее большинство лингвистов выносят на первый план языковые признаки функционального стиля⁴, не акцентируя внимания на внеязыковые факторы его развития, в связи с чем Л. Д. Шагдаров считает, например, что недостаток определений функционального стиля кроется в том, что в них не «указана зависимость формирования стилей и стилистической дифференциации от экстралингвистических факторов (содержания, цели, задач общения, общественных сфер употребления данного стиля)»⁵. М. Н. Кожина также полагает, что изучать, объяснять и понимать стилистические явления невозможно без обращения к экстралингвистическим фактам⁶.

Некоторые лингвисты, сознавая двойственную природу (языковую и внеязыковую) функционального стиля, находятся в за-

² Под термином «композиционная структура» функциональных стилей мы подразумеваем совокупность присущих данной системе закономерностей, определяющих форму и поведение системы в целом, а также предполагающих образование определенных лингвистических моделей, складывающихся в языке в результате специализации языковых средств.

³ Эта проблема является, по определению Г. В. Степанова, «одной из сложных проблем теоретического языкознания» (Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976, с. 63).

⁴ См.: Матезиус В. Язык и стиль.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967, с. 463—464; Горнунг Б. В. Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики.— В кн.: Проблемы современной филологии. М.: Наука, 1965, с. 89—90; Пиотровский Р. Г. Очерки по стилистике французского языка. Морфология и синтаксис. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960, с. 19; Семенюк Н. Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. М.: Наука, 1972, с. 46; Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975, с. 82.

⁵ Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1974, с. 11.

⁶ См.: Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968, с. 140—142.

труднительном положении при определении данного явления. «Не ясно,— пишет, например, Б. Н. Головин,— нужно ли искать существенные признаки стиля в области языковой структуры или же, в первую очередь, в сферах ее функционирования»⁷.

Дело в том, что отношения, складывающиеся в языке, в результате взаимодействия внутренней структуры с внешними факторами сложны и неоднозначны. Таким образом, понимание функционально-стилистической дифференциации языка должно быть многоаспектным и разносторонним, что, в свою очередь, позволило бы: а) выявить социально-историческую обусловленность становления и развития функционально-стилистической системы данного языка; б) проследить количественные и качественные изменения различных функциональных стилей на различных исторических этапах существования языка; в) установить преэминентность в развитии отдельных функциональных стилей.

Функциональный стиль рассматривается в данной работе как социально-историческая и языковая категория, сложившаяся на базе отдельных «функциональных жанров», которые являются более ранними функциональными образованиями и в некоторых случаях предшествуют становлению литературной формы языка. Понятие «функциональный жанр» вводится в научный обиход в связи с тем, что утвердившееся в современной лингвистической литературе понятие «функциональный стиль» не может быть отнесено ко всем историческим периодам и ко всем языкам. Понятие «функциональный жанр» в отличие от понятия «литературный жанр» мы относим к лингвистике; оно отражает первоначальное использование языка в определенной, сравнительно узкой сфере человеческой деятельности и включает в себя класс текстов, которые имеют одинаковое назначение⁸.

С точки зрения генезиса функциональный жанр предшествует функциональному стилю. Более того, при рассмотрении вопросов, касающихся развития функционально-стилистической системы в ретроспективном плане, целесообразнее говорить не о функциональных стилях в современном понимании этого термина, а об отдельных функциональных жанрах и видах письменности, которые в отличие от стилей более близки к конкретным текстам. Возможно, выделение отдельных функциональных жанров, для которых свойствен поиск специализированных средств в условиях возникновения новых сфер человеческого общения может быть одним из стимулов развития литературной формы языка. Таким образом, можно допустить, что функциональный

⁷ Головин Б. Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971, с. 119.

⁸ Так, при изучении древнемолдавских источников обнаружено, что отдельные функциональные жанры появляются до установления литературной формы в языке этого периода. Юридические документы, официально-деловые бумаги, частные письма, книги религиозного содержания функционально дифференцированы, они отличаются как по содержанию, так и по языковому оформлению (использованию определенных синтаксических моделей, стилистических форм и т. д.).

жанр как более частное по отношению к стилю образование возникает на более раннем историческом этапе дифференциации языка и в определенной степени содействует становлению его литературной формы.

Следовательно, функциональный жанр появился в результате социальной необходимости. Единые модели текстов, их одинаковое назначение, целенаправленный способ отбора и использования языковых средств в этих текстах — таковы наиболее специфические черты этой функциональной единицы языка.

Функциональный стиль сложился исторически на базе нескольких функциональных жанров. Гипотетически процесс образования функционально-стилистической системы можно представить следующим образом: в результате дифференциации языка, обусловленной социальными потребностями, в языке образуется один функциональный жанр (возможно и несколько); затем по мере развития общественных функций языка их количество увеличивается. Совокупность нескольких близких по своей функциональной направленности жанров образует функциональный стиль. И только при стабилизации в языке определенного количества функциональных стилей можно говорить о наличии функционально-стилистической системы (см. рисунок).

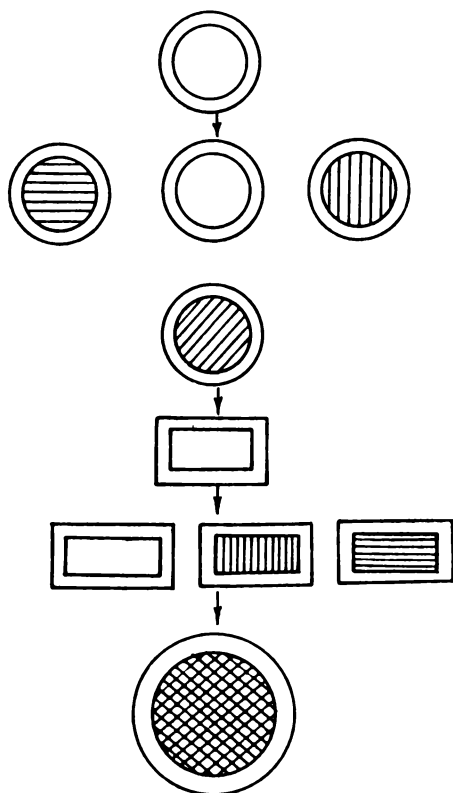
функциональный жанр

Σ функциональных жанров

функциональный стиль

Σ функциональных стилей

функционально-стилистическая
система

Примерная схема образования
функционально-стилистической си-
стемы (Σ —сумма)

Однако несмотря на то, что «аранжировка» компонентов в схеме выглядит вполне последовательно, все же такая схема не является универсальной для всех языков, поскольку в каждой конкретной социоситуации число функциональных элементов будет различным⁹.

* * *

Вопрос о функционально-стилистической дифференциации, о значимости стилей и, следовательно, о наличии функционально-стилистической системы следует рассматривать с учетом истории каждого конкретного языка, поскольку каждый язык развивается в конкретных социально-исторических условиях и обладает определенными внутривидовыми возможностями.

Современный молдавский язык имеет развитую систему функциональных стилей, уходящих своими корнями в далекое прошлое. В средние века в период возникновения и развития феодализма, особенно после образования феодального Молдавского государства в XIV в., началось ведение многоотраслевого хозяйства, которое вызвало потребность в новых формах общения между людьми. Однако к этому времени не все формы существования молдавского языка были достаточно развитыми. Также не произошла еще функционально-стилистическая дифференциация молдавского языка.

В результате исторически сложившихся связей молдавского народа со славяноязычными народами старославянский язык, обладающий развитой по тому времени функционально-стилистической системой, начал использоваться в сферах культа, внутренней и внешней дипломатии, а также в деловой и административной областях¹⁰.

Употребление старославянского языка в качестве литературного явилось своего рода школой для восточнороманских языков, подготовив почву для возникновения и развития письменной разновидности их литературных форм.

Первоначальное функционирование старославянского языка в различных сферах жизни молдавского народа сыграло также положительную роль в том, что в становлении функциональных жанров, а затем стилей молдавского языка моделью их композиционной структуры послужили соответствующие жанры и стили старославянского языка. Следует также отметить, что в результате языковых контактов между восточнороманскими и славянскими народами восточнороманские языки получили готовый алфавит, который благодаря богатым возможностям изо-

⁹ Так, в условиях двуязычия и многоязычия в нашей стране социальная роль каждого национального языка сочетается с ролью языка межнационального общения. Поэтому в некоторых сферах общественной жизни наряду с национальным языком употребляется русский язык, который влияет как на развитие функционально-стилистических систем, так и на их внутривидовое развитие.

¹⁰ Ильяшенко Т. П. Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М.: Наука, 1970, с. 24—25, 79—101.

бражать звуки языка на письме почти не нуждался в переработке. Вместе с алфавитом молдавский язык заимствовал и письменную традицию, а также модели ряда функциональных жанров и стилей.

В XVI в. на молдавский язык переводятся священные писания Нового и Ветхого заветов, жития святых, богослужебные книги, среди которых самыми известными являются «Псалтиря Шкеянеэ» (Шкейская псалтырь), «Кодичеле Воронецан» (Воронецкий кодекс) и др. Их язык архаичен, перевод дается дословный, порядок слов в предложении соблюдается как в оригинале. Однако употребление новых слов и словосочетаний, а также форм и структур при попытке передать абстрактные религиозные мысли сыграли положительную роль в первоначальной обработке молдавского языка и в его стилевой дифференциации. Введение с XVII в. молдавского языка в богослужение вместо церковнославянского потребовало перевода культовой литературы, которая получила большое распространение также в качестве дидактического материала при обучении чтению и письму в монастырских школах, то есть можно утверждать, что подобная литература выполняла определенную практическую роль. Видный ученый богослов Варлаам, издавший в 1643 г. первую книгу на молдавском языке, пишет: «...количество людей, понимающих смысл святых писаний (на славянском языке — *Т. Р.*), уменьшается, и поэтому я попытался сделать святое писание понятным и начал писать на родном языке, чтобы каждый смог понять и учиться...»¹¹.

Введение в богослужении молдавского языка вместо церковнославянского означало существенную переориентацию в области церковной языковой политики. Одновременно молдавский язык должен был стилистически приспособиться к новой для него функции. Начинаются поиски создания и совершенствования новой формы языка — литературной, базового элемента для образования ряда функциональных стилей. В этот процесс вовлечены не только ученые-богословы, но и переводчики, а также ряд государственных деятелей. Таким образом, «в результате сознательного воздействия общества на язык»¹², в XVII в. происходит отмежевание литературной формы (в ее первоначальном виде) от разговорной формы и местных говоров, хотя разграничение между этими формами носит во многом еще условный характер.

Деловые документы представляют собой самую массовую разновидность письменных памятников в Молдавии. Еще в середине XVI в. при государе Петре Шкёпу молдавский язык вводится в господарскую канцелярию. В целом молдавская деловая письменность второй половины XVI в. предстает перед нами как развитая и сложная система документов, разнообразных по целевому

¹¹ *Bianu I., Hodoş N. Bibliografia românească veche (1508—1830), v. I. Buc.: Editiunea Academiei române, 1903, p. 140.*

¹² *Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 338.*

назначению и своей значимости. В языковом отношении их объединяет подчинение общей модели, принятой в то время при написании всякого рода деловых бумаг.

Однако языковые данные из деловой письменности не привлекаются исследователями по исторической лексикологии, фонетике, грамматике, в результате чего деловой язык XVI—XVIII вв. изучен недостаточно. Эти данные не явились также предметом историко-стилистического исследования, то что затрудняет, в свою очередь, построение общей теории образования и развития молдавского литературного языка.

Юридический функциональный жанр в Молдавии складывался на протяжении многих столетий. Вплоть до XVII в. почти безраздельно господствовало неписаное право «обычеул пэмынтулуй» (обычай земли). Был также в ходу славянский перевод византийского свода законов, известный под названием Синтагмы Матвея Властаря. Первый кодекс законов, написанный на молдавском языке «Правила риторului Лукач», или «Правила де ла Путна» (Уложение ритора Лукача), датируется 1581 годом. Книга осталась в рукописи и, поэтому не получила большого распространения. Однако мы можем проследить процесс становления юридической терминологии, для которой использовались различные источники: а) латинский элемент: *фийастр* <лат. *filiaster*, *шерб* <лат. *servus*, *карте* <лат. *charta*, *черка** <лат. *circare*, *кунтени*** <лат. *continere* и др.; б) славянский элемент: *нэйми* <ст. сл. *нанимати*, *очинэ* <ст. сл. *отчинъ*, *олтариу* <ст. сл. *олътар*, *сэмэшлуи* — <ст. сл. *сѣмъшлати*, *степенэ* <ст. сл. *степен*, *свиток* <ст. сл. *свитокъ* и др.; в) также термины, образованные на собственном языковом материале: *бунэате*, *кэутаре*, *чертаре****, *сментялэ***** и др. В тексте используются юридические формулы типа: *диреп ачел кум дзисем* или *майнте*, *диреп че ау ынтребат* и др.

К концу XVI столетия зарождается эпистолярный жанр. По традиции письмо состоит из трех частей: начало и конец письма выражены стилистическими формулами, содержание письма написано по большей части произвольно. Модель (образец) письма заимствовалась из старославянского языка.

Отдельным функциональным жанром этого периода является жанр светского романа (роман популар). На молдавский язык переводится ряд средневековых романов: «Александрия», «Флоаря дарурилор» «Варлаам ши Иоасаф», «История луй Бертолдо», «Повесть философулуй Сандипа» («Александрия», «Пчела», «Варлаам и Иоасаф», «История Бертольдо», «Рассказ о философе Сандипе») и др.

* Слово *черка* употребляется в значении «пытать, спрашивать».

** Слово *кунтени* употребляется в значении «запретить».

*** Слово *чертаре* употребляется в значении «наказание».

**** Слово *сментялэ* употребляется в значении «жалоба».

Переводная литература сыграла важную роль в становлении литературной формы молдавского языка, поскольку в процессе работы над переводом осуществлялся поиск и выбор определенных семантико-синтаксических структур. По-видимому, это явление закономерно и для русского языка, так как А. И. Соболевский считал, что «переводная литература в древней Руси имела гораздо большее значение, чем оригинальная. Она была несравненно богаче чем оригинальная»¹³.

Кроме того, в процессе перевода в текст включались молдавские пословицы, поговорки, отдельные легенды. Благодаря своеобразной адаптации многие фрагменты произведений запоминались и передавались из уст в уста.

Богатство и разнообразие словарного состава, употребление живописных сравнений, выразительность диалогов, пластичность выражений, простота синтаксиса — все это выделяет светские романы среди функциональных жанров XVII—XVIII столетий. Предложение (фраза) строится свободно, естественно, в отличие от тяжеловесных фраз религиозных писаний, летописей и юридических документов. Пример из романа «Флоаря дарурилор» — *Ши поць сэ асемець ынтристаре пре корбу, пентру кэч кынд веде пуий луй кэ сэ наску албь, сэ скырбеште атыта, кыт фуже ши-й ласэ, кэ ну креде кэ сынт ай луй, пентру кэч ну сынт негри ка ши ел ши ну-й плак пынэ ну фак пене негре* содержит не только пластичное живописное сравнение «пенали» с «черным вороном», но отличается также изяществом и совершенством формы. Использование придаточных предложений, соединенных сочинительным союзом *ши* (и) приближает данное предложение к синтаксической точки зрения к разговорной форме языка, обеспечивая тем самым легкость восприятия мысли.

В XVII—XVIII вв. развивается деятельность целой плеяды талантливых молдавских летописцев и просветителей: Гр. Уреке, Мирона Костина, Иона Некулче, Дим. Кантемира, среди которых Гр. Уреке является по утверждению Е. М. Руссева «открывателем дорог в молдавской историографии XVII—XVIII вв.»¹⁴.

Их работы способствовали появлению нового функционального жанра — историографического. Эти произведения создали новое направление в развитии оригинальной литературы того времени. Сами летописцы в большой мере содействуют обработке письменной (книжной) разновидности молдавского литературного языка. С точки зрения языковой большой удельный вес в предложении занимают существительные и числительные. Текст изобилует антропонимами и топонимами. Все это придает их произведениям книжный характер.

Ср.: *Октоврие 9 дзиле, в лято 7104 (1595), ау сосит Замойский*

¹³ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. V.

¹⁴ Руссев Е. М. Премизеле хронографией боерешть ын Цара Молдовей.— Ын: Черчетэрь де историе литерарэ. Кишинэу, 1978, п. 9.

ла Цуцора ку оштите луй ши а доа дзи дунэ соситул луй Замойский, октоврие 10, с'ау вэдзут ши стрэжилие тэтэрэшь, октоврие 11 ау сосит ши сингур ханул ку тоатэ оастя (Мирон Костин. Летописецул Цэрый Молдовеи де ла Аарон-водэ ынкаоче, с. 74).

В предложении из 36 слов — 21 выпадает на долю существительных и числительных.

Таким образом, молдавский язык, приспособляясь в течение XVII—XVIII вв. к новым для него функциям, образует такие функциональные жанры, как административно-юридический, историографический, религиозной литературы, народного рассказа, эпистолярный, представляющие собой основу некоторых функциональных стилей. Этим заканчивается первый этап в функционально-стилистической дифференциации молдавского языка.

Второй этап — возникновение функциональных стилей — протекал на базе ряда сложившихся ранее функциональных жанров, и датируется нами более поздним периодом. Отдельные функциональные стили начинают появляться только в конце XVIII — нач. XIX вв. Следовательно, функциональный стиль в нашем понимании выступает как гетерогенное образование, состоящее из многих компонентов, представленных функциональными жанрами.

Этот этап связан непосредственно с количественными и качественными изменениями в языке. Такие изменения в функциональных системах молдавского языка XVIII — нач. XIX вв. обусловлены прежде всего расширением общественных функций молдавского языка. В связи с этим происходит дальнейшая дифференциация языка по формам существования и функциональным стилям, наметившаяся в предшествующие исторические периоды. На протяжении XVIII—XIX вв. появляются новые функциональные жанры (научно-популярный в XVIII в., учебный в конце XVIII в., газетный в XIX в.), складываются предпосылки образования стиля художественной литературы, оформившегося к середине XIX в. Параллельно формируются терминологические системы языка науки, публицистики, совершенствуется юридическая и официально-деловая лексическая системы. В XIX в. количественный рост функциональных стилей приводит в свою очередь к качественному изменению экзистенциальной системы¹⁵, к образованию литературной формы языка. Она становится ведущим звеном в системе экзистенциальных форм и является основным компонентом национального языка. Требования к литературной форме языка национальной эпохи определяются возросшими потребностями со стороны общества. Эта форма призвана обслуживать все (или большинство) сфер общественной жизни: образование и общественно-политические сферы, официально-деловую и юридическую, развивающиеся области науки и средства массовой коммуникации, литературу и искусство.

В XVIII в. наравне с существующими функциональными жан-

¹⁵ Здесь и далее употреблен термин «экзистенция» в качестве синонима к термину «существование».

рами появляется учебный жанр. Важным моментом в становлении учебного жанра сыграли работы Ам. Хотиниул-а, который издал «Де обште географие пе лимба молдовеняскэ, скоасэ де пе география луй Буфьер.— Яссы, 1795» (Общая география на молдавском языке, переведенная с географии Буфьера), «Граматака теоложичяскэ, скоасэ ын лимба молдовеняскэ де пе богословия луй Платон, архиепископул де Москва, ши де пе алте кэрць би-серичешть. Яссы, 1795» (Теологическая грамматика на молдавском языке, составленная по богословию московского архиепископа Платона и по другим церковным книгам). Он также написал работу «Граматака дела ынвэцэтура физичий» (Грамматика о физических явлениях), которая осталась в рукописи.

Во всех своих работах Ам. Хотиниул стремился изложить и прокомментировать в доступной форме новейшие достижения науки того времени. Его сочинения имеют большое значение, поскольку они позволяют проследить процесс становления научных, научно-популярных и учебных терминов. При заимствовании научных понятий автор перенимает также и термин, которому дает научное объяснение. Ср.: *топографие* — *адекэ скрисоаря локулуй* — (топография, то есть описание местности), *хорографие* — *адекэ скрисоаря де сате ши четэць* (топонимия, то есть описание сел и крепостей), *оризон* — *локул унде апуне соареле* (горизонт — место, где заходит солнце) и др. В отношении основного термина *географие* автор пишет: *Географие, есте кувинт греческ, алкэтуит дин доаы кувинте, ги, ши, графие, каре ын лимба ноастрэ алтэ ну зиче фэрэ де кыт, скрисоаря пэмынтулуй* (Ам. Хотиниул. Де обште географие..., с. I—V).

Однако в XVIII столетии появляются только элементы научной терминологии. Обширная научная литература на молдавском языке появляется лишь в XIX веке. В 1837 г. издается книга Д. Чихака «Историа натуралэ». В конце ее дана «Скара кувинтелор» (Таблица слов), в которой приведены такие термины, как: *амальгам, антрацит, аметист, апатит, арсеник, титан, полигамия, полипе* и др. Кроме того, автор поместил в этой таблице различные научные терминологические сочетания типа: *анималеле артикулате* — (сочлененные животные), *анималеле вертебрате ку сынже калд* — (позвоночные теплокровные животные), *анималеле пробосцидате* — (хоботные животные) и др. (Д. Чихак. История натуралэ, 1837, с. 484—507). Каждый термин и терминологическое сочетание сопровождается указанием страниц, на которых они встречаются в тексте. Книга имела не столько научное, сколько практическое значение, поскольку материалы использовались в учебных целях.

Синтаксическое построение предложения в научных и учебных текстах соответствует в общих чертах нормам современного молдавского языка, то есть в предложениях соблюдается естественный для молдавского языка порядок слов.

Ср.: *Асия, есте ашэзатэ ынтре екфатор, ши ынтре 10 граде де*

лэциме, купринзынд нумай Асиа чя маре, фэрэ де Асиа чя микэ ачаства аре пущин ын лэциме, ши хотэрындушь деспре мязэ ноапте, ку колфул персианул, ши деспре рэсэрит ку окянул Индианеск, ши деспре апус ку Ефиопия... (Ам. Хотиниул, цит. раб. с. 21); или Арсеник сэ гэсешче натив, апой ымпреунат ку газ оксигеник, ка Ацид арсеникал, прекум ши ымпреунат ку сулфур ши ку фелюрите металурь. Ачесте минералий арсеникале сэ десфиинцазэ прин ардере ши дау ун мирос ка де устурой (Д. Чихак, цит. раб., с. 452); или: Ымбэтрынцит ын мижлокул бэтэлишлор ши а луптелор политиче, луынд аминте асупра стэрий ымпрежур а Европий, ел (Стефан Великий — Т. Р.) ну ш'ау тэгэдуит примеждииле де каре патрия аве сэ се ымпресоаре дунэ а са моарте дин партя нацишлор ынтэртате ши ын атыте рындурь де дынсул эмерите, ши май алес дин партя турчилор карий сунусэсе акум пе Унгария (Г. Асаки. Дескриере луй ага Г. Асаки дин история Молдовей. Яшь: Албина, 1834, с. 3).

Наличие большого числа существительных с абстрактным значением, употребление терминов, широкое использование причастных и герундиальных оборотов определяют научную функционально-стилистическую направленность текстов.

Известно, что еще в XVIII в. были составлены три словаря на молдавском языке, а в первой половине XIX в. издается «Дикционар славяно-молдовенеск» (Славяно-молдавский словарь), составленный монахом Андроником из монастыря Ноул—Нямц (близ села Кицканы, Бендерского уезда). В 1840 г. в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук печатается работа Я. Гинкулова «Собрание сочинений и переводов в прозе и стихах для упражнения в валахо-молдавском языке». Во второй части работы имеется молдавско-русский словарь, в который включены около 4000 слов.

Рассматривая качественные изменения функционально-жанровой системы молдавского языка, необходимо подчеркнуть, что в XVIII—XIX вв. свое дальнейшее развитие получили юридический и официально-деловой функциональные жанры, приобретая качество функциональных стилей.

Во всех сводах законов наблюдается употребление определенных формул, свидетельствующих о том, что стиль написания такого рода документов полностью утвердился в языке.

Ср. 1) *Сэ сечере тот союл де пыне сау де ин ун ом ынтро зи де понт 16 прэжинь, сау сэ косаскэ 20 прэжинь, ку карату ши ку клэдиту ла локул унде се ва ымблэти, каре требуи сэ фие ку апропиере де царинь де унде сэ стрынже пыня ши ну май департе де доу версте.* 2) *Сэ факэ мошиноае ла картоафе сэмэнате пе лок де доуспрезече пражинь ун ом ынтро зи де понт.* 3) *Сэ опреще стэпынул мошией де а ынтребуинца пе цараний ла лукру ын зиле де сэрбэторь сау а чере, ка тоате 12 зиле, кувините луй дунэ понтурь сэ сэ лукрезэ ындатэ* (Цит. по «Контрактул нормал», 1846, сс. 25, 29, 41).

Новым по времени своего возникновения явился газетный функциональный жанр, положивший начало развитию публицистического функционального стиля в молдавском языке XIX в.

При более близком рассмотрении с точки зрения исторического развития этого стиля выявляется, что возникший как отдельная функциональная единица в функционально-стилистической системе языка, он с самого начала выполняет определенную общественную функцию, четко разграниченную от других, а именно — функцию воздействия на формирование общественного мнения. Основным принципом, на котором строится публицистический стиль, является принцип информативности.

Первое публицистическое издание в Молдавии вышло на французском языке (см.: *Courier de Moldavie*). Появление публицистических материалов на молдавском языке совпадает с началом издания в XIX веке ряда газет: «Албина Ромыняскэ», «Дачия литерарэ», «Пропэширя» и др.

Поскольку «язык журналистики испытывает нужду в определенном запасе различных формул (фраз)»¹⁶, то и на примере молдавского языка можно проследить, как с самого начала возникновения публицистического стиля в языке вырабатываются четко оформленные клише, используемые почти в каждом номере газеты. Такие фразы можно назвать «дежурными», то есть готовыми к употреблению в любой необходимый по тексту момент. Традиционным для информационных материалов является указание места и времени события, для чего используются определенные формулы типа: *сунт титлу де/сунт нуме де; прин рапортул дин... се ынштиинцязэ, кэ...; ынштиинцэрь де ла... арагэ кумкэ; официал сэ ынкрединцязэ, кэ; сынте ымпутерничь де а адуце ла коноштинца публикэ и др.* (Албина Ромыняскэ, 1831, 4 октября.). Именно в публицистике происходит оформление модели информационно-сжатого предложения, в котором соблюдается определенный порядок слов. Ср.: *Конгресул Национал, ын Сесиа са дин 22 май, ау алес пе принцул Леополд де Сазен-Кобург де Краю а Белжилор* (Албина Ромыняскэ, 1831, 23 июня).

Безусловно, публицистический стиль в XIX в. окончательно не установился. Настоящее развитие он получил только в советский период и занимает одно из ведущих мест в иерархической системе функциональных стилей молдавского языка.

На протяжении XVIII—XIX вв. качественно новые черты приобретает жанр светского романа. Берут начало новые литературные жанры: поэзия, проза, драматургия. Появляется целая плеяда молдавских поэтов и писателей, чьи имена связаны с утверждением литературной формы языка: Г. Асаки, М. Когэлничану, В. Александри, М. Эминеску, И. Крянгэ, А. Донич, К. Стамати, К. Негруци, А. Руссо, Б. П. Хашдэу и др.

Эти различные литературные жанры объединены в одну функционально-стилистическую систему благодаря единой обществен-

¹⁶ Гавранек Б. Указ. соч., с. 363.

ной функции, выполняемой художественной литературой, а именно функцией воспитания эстетического восприятия мира.

На третьем этапе развития функциональных стилей молдавского языка, в период установления новых социальных отношений, молдавский язык функционирует в условиях молдавско-русского двуязычия, развивающегося в процессе сближения культурных и бытовых традиций советских наций и народностей, имеющих единую социально-политическую и хозяйственно-административную базу. Постоянная и разносторонняя политическая, экономическая и культурная взаимосвязь молдавского народа с другими народами Советского Союза, основным средством коммуникации между которыми является язык межнационального общения — русский, накладывает свой отпечаток и на молдавский язык, вследствие чего складываются общие лексико-фразеологические и синтаксические модели во всех функциональных стилях.

Следовательно, изучение развития функционально-стилистической системы молдавского языка в советский период должно проводиться с учетом двух основных внеязыковых факторов: 1) установления социалистической общности (политической, социальной, экономической и культурной) жизни молдавского народа с другими народами Советского Союза, обусловившей, в частности, дальнейшее развитие молдавско-русского двуязычия; 2) создания и совершенствования терминологических систем молдавского языка под влиянием научно-технической революции.

Оба эти фактора способствовали появлению целого ряда новых элементов в функционально-стилистической системе молдавского языка. Например, влияние двуязычия на лексико-грамматическую сторону функциональных стилей молдавского языка проявляется через: а) непосредственные заимствования русских терминов; б) заимствование иностранных терминов через русский язык; в) калькирование лексико-фразеологических единиц; г) активизацию некоторых словообразовательных элементов под влиянием русского языка.

В научный функциональный стиль молдавского языка входят те научные и технические термины, которые в свою очередь пришли в русский язык или образованы в нем на основе латинских и греческих корней. Например: *концентрация, конденсация, сублимация, технократия, синхрофазотрон, холография* и др.

Новые слова, проникшие в молдавский язык из русского, либо из других европейских языков через русский, способствуют обогащению научного и публицистического, а отчасти и официально-делового стилей молдавского языка, что оказывает влияние на развитие книжного, литературного языка. Важным признаком этих слов является близкая с русским языком фоно-морфологическая структура и идентичное или близкое смысловое наполнение. Ср.: *прогресс, коммунизм, партии, пропаганды, агрессия, антагонизм,*

диалектике, догматизм, експансиуне, експроприере, еманципаре, болшевизм, суботник, звеноу и др.

Контактирование с русским языком в условиях сложившегося молдавско-русского двуязычия породило ряд новых, ранее не известных молдавскому языку, калькированных слов и словосочетаний, активно употребляющихся в современном литературном языке.

В официально-деловом стиле: *пе кале административэ, алэтурата листэ, лимбаж журидик, кондикэ де презенцэ, режиструл стэрий чивиле* и т. д.

В научном стиле: *куноаштере социалэ, орындуиря економикэ, контрадикцииле де класэ, мижлоачеле де продуцере, фаза супериорэ а комунизмулуй, централизмул демократик, ынтречеря социалистэ, продуктивитатя мунций, коопераря мунций* и т. д.

В публицистическом стиле: *рззбой рече, диверсие идеоложикэ, скимб културал, блокул комуништилор ши ал челор фэрэ де партид, вижиленцэ революционарэ, лупта де класэ* и др.

Следует отметить, что кальки из официально-делового и научного функциональных стилей употребляются и в публицистическом стиле. Таким образом, создается «общий фонд» калькированных терминов. Под влиянием синтаксических моделей русского языка в молдавском литературном языке наблюдается возросшая частотность употребления деепричастных оборотов, начинающихся с определенных слов. Это явление встречается в оформлении официально-деловых документов. Например: *авынд ын ведере, консидерынд, декларынд, облигынду-се, реаминтинд, нэзуинд, фиинд конвинишь, аскултынд ши дискутынд рапортул* и т. д.

В последнее время все чаще стали употребляться инфинитивные конструкции типа: *дрептул де а ынвэца, дрептул де а лукра, дрептул де а пуне ынтребаря ла ординя де зи* и др.

В официально-деловом стиле современного молдавского литературного языка наблюдается образование систем синтаксических синонимов. Так, русскому деепричастному обороту «принимая во внимание» в молдавском соответствуют два варианта: *авынд ын ведере (кэ)* и *луынд ын консидерации (кэ)*. Словосочетания *ын ведеря, привитор ла: ку привире: привинд, ку целул: ын скопул*, употребляющиеся в официально-деловом стиле также образуют синонимические ряды.

Особое место в системе функциональных силей занимает стиль художественной литературы, являющийся экзистенциально-гетерогенным функциональным образованием. Эта особенность стиля художественной литературы вызвала острую полемику среди языковедов, не приведшую однако, к однозначному определению его статуса. Необходимо подчеркнуть, что стиль художественной литературы, в отличие от других функциональных стилей, представляет собой совокупность различных иерархических структур и соотношений. В любом художественном произведении переплетаются индивидуальный стиль автора и функциональный стиль как со-

Форма существования языка	Функциональный стиль			
	художественный	публицистический	научный	официально-деловой
Литературная (письменная)	+	+	+	+
Литературная (устная)	+	+	—	—
Разговорная	+	—	—	—
Диалектная	+	—	—	—

циальное явление, то есть, если, с одной стороны, функциональные возможности как экзистенциальной, так и стилистической систем языка проявляются в индивидуальном стиле писателя, то, с другой стороны, индивидуальное творчество возможно только в рамках данной системы. Кроме того, в художественном произведении из общенационального языка, из его синонимических рядов отбираются необходимые фонетические, морфологические, лексические и синтаксические средства по принципу образной ассоциативности, тогда как в научном или официально-деловом выбор осуществляется по принципу терминологической однозначности.

В различных функциональных стилях используются различные элементы экзистенциальных форм, и отбор языковых средств подчиняется только той функции, которую призван выполнять язык в каждом конкретном случае.

Наблюдения над использованием этих форм при образовании функциональных стилей позволили выявить, что в стиле художественной литературы допускается употребление элементов из самых различных форм существования языка (таблица). Это отличает стиль художественной литературы от других функциональных стилей.

* * *

Следует также обратить внимание на определенную преемственность в развитии того или иного функционального стиля. Так, например, сопоставление некоторых текстов юридического содержания, написанных в самые различные эпохи, позволило выявить чрезвычайно интересный факт. Тексты одинакового назначения сохранили на протяжении столетий не только свою функциональную направленность, но и формально-грамматические признаки. Сопоставление проводилось на примерах взятых из трех кодексов законов, написанных соответственно в XVI, XVII и XX вв.* XVI в. представлен также примерами из кодекса законов «Правила ригорулуй Лукач» (Уложение ригора Лукача), XVII в. — «Правила луи Василе Лупу» (Уложение Василия Лу-

* Выбор именно этих веков не случаен, поскольку только в XVI в. появляются функционально-жанровые элементы будущих стилей, в XVII в. они развиваются, пополняясь новыми компонентами, а в XX в. уже можно говорить о развитой системе функциональных стилей.

пу), а XX в.— из 3-х кодексов законов Молдавской ССР: «Кодул де прочедурэ чивилэ ал РСС Молдовенешть» (Гражданский процессуальный кодекс Молдавской ССР), «Кодул кэсэторней ши фамилией ал РСС Молдовенешть» (Кодекс о семье и браке Молдавской ССР) и «Кодул мунций ал РСС Молдовенешть» (Кодекс труда Молдавской ССР). Ср.:

XVI в. (Pravila ritorului Lucaci, 1581)*

Чела че ва фура бесярекэ, сэ-й дя пре спинаре 30 де тойаже, ярэ пре пынтече 20 ши 4 (с. 163);

Де (в значении — дакэ) **се ва исповеди** де тоате пэкателе сале ла духовникул сэу... (с. 164);

Кынд вор ведя кэ е ынтре ей ачаста, кэ муяря фрэцыне-меу, принтру че е ымпреунаре десэвыршитэ ку нусул, мие ясте а доа спицэ ка ши фрате-меу, де-а хир а пэр, прентру че-с ымпреунаць прин дзиса луй Думнедзэу (с. 181).

XVII в. (Pravilele lui V. Lupu Voevod)**

Чела че ва слободзи пожар ын пэдуре стрэинэ ши де вор арде нискаре помь, пе ачеста сэ-л печетлуяскэ ын мынэ ши сэ плэтыскэ пагуба ындоит (с. 8);

Дакэ ва курэци нештине вия сау лазул, сау ва токми каса, сау алте ка ачесте ши дечь се ва пэрэси ши ле ва ласа пустий фиинд лукру гата ши вор ынчепе а се стрика, атунче стэпынул локулуй поате сэ-л гоняскэ ши сэ-л скоацэ де'нтрачел лок ши фэрэ штиря жьюдецулуй (с. 23—24);

Кынд сэ ва прилежи ун ом кэсаруу ын вяца луй сэ-шь дэруяскэ авуция са фемей сале сау фемея барбатулуй сэу, ачеста даре сэ ва адевара дунэ моарте ярэ ну ын вяцэ, ынсэ ши моарте сэ фие де'н фире ярэ ну де вре о невое (с. 44).

XX в.

Чел каре чере, ка инстанца сэ ордоне унуй ынскрис де кэтре персоана че партичинэ сау ну партичинэ ла прочес, требуе сэ пре-чизезе ын че констэ ачастэ довадэ ши сэ арэте мотивеле пентру каре консидерэ, кэ довада с'ар афла ла персоана респективэ (Кодул де прочедурэ чивилэ... 1965, с. 33);

Дакэ ын урма десфачерий кэсэторией сау дин алте мотиве пэринций ну локуеск ымпреунэ, де ынцележеря лор депинде пе лынгэ чине требуе сэ локуяскэ копий минорь (Кодул кэсэторией ши фамилией... 1971; с. 36);

Кынд мунка се престязэ ын тимп де ноапте, дурата стабилитэ а мунций (скимбулуй) се редуче ку о орэ (Кодул мунций... 1973, с. 38).

Таким образом, эти документы объединены как общей сферой использования, общим назначением и целью, то есть внеязыковыми факторами, так и общими зачинами лексико-грамматических моделей. Синтаксическое построение предложений-формул сохра-

* Рукопись издана впервые в Бухарете в 1971 г.

** Книга переиздана в Ботошанах в 1875 г.

нилось почти неизменным на протяжении веков. То же самое можно сказать и в отношении эпистолярного стиля, композиционная структура которого сохранилась во многом до наших дней. Много общего у научного и публицистического стилей, сохранивших функциональную направленность и композиционную структуру.

Подводя некоторые итоги вышесказанному, можно подчеркнуть следующие моменты:

— естественное развитие функциональных стилей обусловлено как факторами внеязыкового, так и собственно языкового характера; однако внеязыковым факторам принадлежит главная роль в первоначальном возникновении функциональных жанров, поскольку реальные потребности общества на определенном социально-историческом этапе создают конкретные условия функционального членения языка, на фоне которых вначале происходит функционально-жанровая, а впоследствии функционально-стилистическая дифференциация языка;

— изучение функциональной дифференциации языка в ретроспективном плане позволяет установить, что специализированные области языкового общения возникли в Молдавии в XVI—XVII вв. в результате расширения общественных функций молдавского языка и являлись продолжением книжно-славянской традиции; в XVII—XVIII вв. происходит параллельная функционально-стилистическая и экзистенциальная дифференциация молдавского языка, в результате которой формируются характерные индексы (стилистические и экзистенциальные), послужившие основой для его дальнейшей дифференциации;

— в условиях активного молдавско-русского двуязычия влияние русского языка распространяется на развитие и обогащение функциональных стилей молдавского языка; этим процессам способствуют следующие факторы: а) проникновение в молдавский язык большого количества терминов из различных функциональных стилей русского языка; б) образование сходных типов лингвистических моделей в молдавском и русском языках в результате тесного контактирования носителей этих двух языков.

ЕЛЕМЕНТЕ ДЕ СТИЛ ШТИИНСИФИК ЫН ЛИМБА МОЛДОВЕНЯСКЭ ДИН СЕКОЛЕЛЕ XVII—XVIII

Ын компарацие ку стилул литературий белетристиче сау ку чел журидик-административ (орь официал, кум есте нумит уне-орь ын литература де специалитате), каре ау ынчепут сэ се контуреze ын ануите скриерь релижиоасе, ын кроничь, ын примеле манифестэрь але експримэрий артистиче молдовенешть ши, рес-пектив, ын акте канцелэрьешть, скрисорь партикуларе ши лежюньр

дин секолеле XVI—XVII, стилул штиинцифик молдовенеск а луат фиинцэ мулт май тырзну. Требуе сэ менционэм ынсэ, кэ унеле елементе карактеристиче ачестуй стил — кум ар фи ынтребуинцаря унор терминь ку карактер май мулт сау май пущин штиинцифик сау комуникаря суб формэ де рационаменте а унуй анумит кончинут — апар спорадик ынкэ ын секолул ал XVII-ля ын кропичь ши кяр ын скриериле релижиоасе. Астфел, митрополитул Дософтей ынтребуинцэзэ пентру прима датэ ын лимба молдовеняскэ о серие де терминь ку карактер штиинцифик, ын специал де орижине грякэ, латинэ ши славэ: *аритхмитики* «аритметикэ», *астрологхие* «астроложие», *автократор* «аутократ», *енкиклопедие* «енчиклопедие», *гхеометрие* «жеометрие», *индропикэ* «хидропизие, дропикэ», *лексикон* «лексикэ», *леопард* «пантерэ», *комес* «конте, воевод», *консциенцие* «конштиинцэ», *музикэ*, *нотариу* «нотар», *пендикондарх* «кондукэтор милитар ал уней унитэць де 50 де оставь», *поетик* «поет»; *провиденцие* «провиденцэ», *пролог* «ынтродучере, префацэ», *сиринэ* «сиренэ», *сенат* «сфат», *стихурь ямвичешть* «версете ямбиче», *тестамент* ш. а.

А се компара, де екземплу, фрагментул дин «Вяца ши петреачеря св/и/нцилор»: «ми-и жеале к-ам ынвэцат тоате мештершугуриле дэскэлий *философией*, *риторики*, *аритхмитики*, *гхеометрия* ши тоатэ *енкиклопедия*, ши май выртос к-ам ынвэцат ши ачeya веселитэ *музикэ* а кынтэрий, спэсытоаре де с[у]фл[е]те, ши ынкэ ши дин *астрологхие* н-ам лэсат немикэ, дин тоатэ, не-мвэцат»¹.

Мулте дин ачесте ымпрумутурь лексикале, куренте ын опера кэртуарулуй молдован дин ачя эпокэ, трэеск ши астэзь ын лимба ноастрэ контемпоранэ, бинеынцелес, мажоритатя лор авындун алт фонетизм. Пунынду-ле ын циркулацие ын скриериле сале, Дософтей ышь дэ сама, кэ еле ну вор путя фи ушор ынцелесе де чититорь ши де аскултэторь. Деачея, десеорь, ел аре грижэ сэ ле експличе, фие прин ноте маржинале, фие прин синониме: ера болван де *индропикэ*, *апэ сунт пиеале*; чата *сенатулуй*, адекэ *сфатулуй*; *автократор* ши *самодэржец*; де рудэ маре ши *илустратэ* (гласат маржинал: *луминатэ*) ш. а.

Прин контрибуция кроникарулуй Мирон Костин лимба молдовеняскэ се ымбогэцеште де асеменя ку елементе стрэине, че ауун карактер савант. Ка ши Дософтей, ынвэцатул логофэт ынтродуче ын опера са кыцьва терминь де базэ дин штиинцеле акчесибиле ын Молдова дин а доуа жумэтате а секолулуй ал XVII-ля. Авем ын ведере вокабуле де фелул: *армандэ* «арматэ», *астроном*, *десинтирия* «дезинтерние», *календар*, *канцелар*, *козмографие* «космографие», *комета*, *колоние*, *комисар*, *консул*, *гхенерал*, *малигн*, *математик*, *меленхолие*, *милион*, *милэ* «мэсурэ терестрэ», *океан*,

¹ Читат дупэ: Rosetti Al., Cazacu B., Onu L. Istoria limbii române literare. Buc., 1971, p. 148.

планетэ, принципе, сенатор, стат, сумэ, тестамент, тиран, трактат, фантастик² ш. а.

Суб пана марелуй кондеер Мирон Костин фраза капэтэ, фацэ де ынаинташий сэй, ун карактер кэртурэреск (савант), концинынд периоаде конструите прин интеркалара май мултор пропозиций секундаре ын пропозиция принципалэ, аре дестуле агломерэрь де детерминативе, дин каре ну липсеште нич читатул ерудит. Ачаста се обсервэ, май алес, ын опера луй де матуритате «Де нямул молдовенилор, дин че царэ ау ешит стрэмоший лор». Пасажул че урмязэ вине сэ конфирме теза енунцатэ: «Ачестя поменинду-сэ пентру дескисул минций, сэ се ынцелягэ статул лумий, не ынтоар-чем ла история ноастрэ де Траян, кум ну с'ау ындестулат ку атыта парте де луме, кыту ау кэлкату ку оштите луй де ау тре-кут Европа пе динколо пынэ ла апа Донулуй, каре апэ дин инима цэрилор москичешть есе ши каде ын Маря Нягрэ, ла Крым, чи трекинду Донул ау кэлкату ши Асия, ловинду пре ла Юзбек, марь цэрь тэтэрешть. Ярэ де ла Юзбек пе дупэ Маря Каспней, каре маре деспарте Крымул ши Аздереханул де цэриле Персулуй, пе ла бахтри ши аколо, прин цэриле Персулуй ши прин Асирия ла Египет, унде ла Египет, де боала че-й зик десинтерия, адекэ дезнодаря винтрелуй с'ау сфыршиту вяца» (п. 262—263).

Нота ливрескэ а синтаксей, пе каре ам сублиният-о ын опера татэлуй сзу, ышь пуне печетя песте тот ши ын кроника луй Николэе Костин. Екземплеле пот фи гэсите фэрэ мултэ греутате де орьчине ар ынчерка сэ верифиче ачастэ афирмации.

Студия ынчепутурилор стилулуй штинцифик, ынсэ, ну поате фи кончепутэ фэрэ а се арэта ролул, пе каре л-а авут унул динтре чей май де вазэ кэртурарь ай тимпулуй — Димитрие Кантемир. Ку тоате кэ деспре лимба оперей марелуй ынаинташ ал културый ноастре с'а май ворбит ши с'а май скрис³, проблема терминологийей техниче ши штинцифиче контемпоране пынэ ын презент н'а фост супусэ уней экзаминарь систематиче. Ын челе че урмязэ не пропунем сэ релевэм стэруинца луй де а ымбогэци вокабуларул лимбий молдовенешть дин ачя эпокэ ку ной елементе лексикале кэртурэрешть, пентру а путя эксприма ын граюл сзу орьче ноциуне филозофикэ ши штинцификэ орькыт де абстрактэ; вом арэта тотодатэ модул де адаптаре ши де ынкorporаре але ачестора ын скриериле сале.

Континуынд чя май бунэ традиции а секолулуй ал XVII-ля ын чей че привеште ымбогэциря вокабуларулуй ку елементе лексикале ной атыт дин граюл вну ал попорулуй, кыт ши ку ымпру-

² Май амэнуцит везь: *Cazacu B. Influența latină asupra limbii și literaturii lui Miron Costin.*— *Studii de limbă literară. Probleme actuale ale cercetării ei*, 1960, p. 103—109. *Rosetti Al. Observații asupra limbii lui Miron Costin.* Buc., 1950, p. 19—20.

³ Азем ын ведере, ын примул рынд, студнул деосебит де прешнос ши екстрем де печесар ал *Т. В. Урсу «Лимба Хроникулуй луй Димитрие Кантемир»*, апэрут ын анул 1973 ла едитура «Штинница».

муть дин алте лимбь ынвечинате, традиции ынчепутэ де пре-
лаций кэртуарь Варлаам ши Дософтей, прекум ши де плеяда
кроникарилор Григоре Уреке, Мирон ши Николае Костин, Димит-
рие Кантемир, ка нимень алтул, а депус ефортурь перманенте
ын ведеря креэрий лимбий литераре ши штинцифиче молдове-
нешть. Посибилитэциле луй ын ачастэ дирекции ау фост мулт май
масть декыт але предечесорилор дин кауза кэ авя о културэ май
васть ши, деч, ун оризонт май ларг декыт кроникарий. Ын *Ката-
стихул историчилор, гхеографилор, философилор, поетичилор ши*
а алтор оамень ынвэцаць елинь, латинь ши де алте нямурь а кэ-
гор нумере се поменеск ши мэртурише ли се адук дин «Хрони-
кул векимый романо-молдо-влахилор» сынт индикаць песте 150 де
ауторь, пе каре кэртуарул й-а консултат ын ведеря скриерий
кэрдий.

Персоналитате маре, форматэ ын диферите медий, ын спери-
тул диверселор културь, ерудит ку о богатэ ши вариатэ форма-
ции интеллектуалэ, полиглотул молдован примул а ынчеркат сэ
ридиче лимба ноастрэ ла нивелул алтор лимбь литераре дин
Еуропа — грьака, латина, славона, консидерате лимбь де пре-
стижиу.

Ын опера са ку карактер историк, релижиос ши, май алес, ын
чя ку карактер философик ши ын литература реторикэ, скриито-
рул авя невое де идей комплексе, де аргументе де ложикэ, де
диверсе ноциунь абстракте, каре черяу ун лимбаж деосебит де
чел ал текстелор кроникэрешть ши ал скриерилор бисеричешть.
Пентру експримаря ачестор идей ый требуя ун вокабулар штин-
цифик. Ын ачест скоп а пурчес сингур сэ креезе о терминологиче
штинцификэ ши философикэ. Ел ынчаркэ сэ адаптезе о мулциме
де терминь «техничь» гречешть ши латинешть, «кэч ын уне хота-
ре логичешть, сау философешть а лимбь стрейне, еллинешть дзик,
ши лэтинешть кувинте ши нумере ич ши коля, дупэ асупряла во-
роавий арункате вий афла, кариле ынцележерий дискурсулуй
ностру ну пущинэ ынтунекаре пот сэ адукэ»⁴.

Кэртуарул молдован а фэкут пентру прима датэ о ынчеркаре
систематикэ де креаре а терминологиче штинцифиче ши фило-
зофиче, пе база унуй програм бине детерминат, че й-а сервит
дрепт кэлэузе ын прочесул де ынтродучере а елементулуй савант
ын лимба ын каре скрия, пунынд ын фелул ачеста ун ынчепут де
стил штинцифик сау, май бине зис, интеллектуал.

Кантемир ера конштнент де фаптул кэ ынтродучеря термини-
лор штинцифичь де специалитате, ымпрумутаць сау формаць пе
терен проприу (фие прин дериваре, фие прин прочедеул калку-
луй лингвистик), пот сэ дукэ ла о «ынтунекаре», дар с'а стрэдуит
сэ факэ ачест лукру, пентру а путя експрима орьче ноциуне абст-
рактэ ын граюл сэу. Савантул с'а симцит облигат фацэ де чिति-
торь сэ дее ын куноскута префацэ а «Историей иероглифиче»

⁴ *Димитрие Кантемир. История иероглификэ. Ед. а 2-а. Кишинэу, 1973, п. 6.*

Скара а нумерелор ши кувинтелор стрейне тылкуитоаре, ын каре дупэ че се аратэ орижину фиекэруй термин, сынт традусе ши експликате челе 277 де неоложизме, ынтребуинцате ын купринсул скриерий. Тотодатэ есте арэтатэ импортанца, пе каре о презинтэ ынтродучеря де кувинте ной ын лимбэ, ши контемпораний сынт ындемнаць сэ ымпрумуте елементе лексикале стрейне пентру култываря лимбий материе. Де алтфел, скопул анексэрий ачестуй глосар е експус дестул де клар ын кувынтул кэтре чититор: «Вий ши, юбитуле, кэ ну пентру чей, карий ынтр'ачесте помените лимбь педепсиць синт, скара ачий ам суппус; че пентру ка де ымпрумуталя кувинтелор стрейне, чей май недеприншь, ловинд, врере-аш, ка аша а ле ынцэлеже, ши ын диалектул стрейн сэ се депринзэ. Кэ аша унул дупэ алтул непэрэсит урмынд, спре челе май адынчь ынвэцэтурь, прин хиришэ лимба а ноастрэ, а пурчеде, а сэ ындрэзни ку путинцэ ар фи, прекум тоате алалте лимбь, де ла чя еллиняскэ ынтый ындемэнынду-сэ, ку деприндеря ынделунгатэ, ши а лимбий сале супциаре, ши а кувинтелор ынсэмнаре, шь-ау агонисит, аша кыт, че ва сэ дзикэ ѵλόθεος, ынцележе Латинул, Ляхул, Италул ши алций, Hypothesis, макар кэ кувынтул ачеста сингур а Еллиний нумай ар фи. Ынтр'ачеста кип спре алалте, ынвэцэтурий греле, требuitoаре нумере ши кувинте, дынду-те, а ле молдовени... силеште. Ын Молдовение еллинизеште, ши ын Еллиние молдовенидзеште»⁵.

Динтре ымпрумутурь челе май мулте кувиңте ной сынт луате дин грякэ ши латинэ — лимбь че стау ла база терминологийей интернационале. Мажоритатя о конституе челе де орижине грякэ. Бинеынцелес, нумэрул лор диферэ де ла о оперэ ла алта. Чя май репрезентативэ дин ачест пункт де ведере есте «История нероглификэ». Ын «Хроник» гречизмеле сынт май пущин нумероасе, дар май рэспындите декыт ын «Диван». Експликация требуе кэутатэ, ын примул рынд, ын концинутул диферит ал лукрэрилор аминтите. «Диванул», каре есте май мулт о репродучере де тексте библиче (де алтфел, ши о оперэ modestэ ка пропорций ын компарацие ку «Хроникул» сау «История нероглификэ») ну черя ка вокабуларул сэ фие варият, нечесар пентру експримаря ын лимба молдовеняскэ а унор идей абстракте, штиинцифиче, филозофиче ш. а. м. д. «Хроникул», тратынд ун субъект историк десфэшурачэ ын декурс де 10 секоле, есте фиреск сэ айбэ ун вокабулар май

⁶ Giosu Ș. Dimitrie Cantemir. Studiu lingvistic. Buc., 1973, p. 159.

богат ши май варият атыт дин пункт де ведере тематик, кыт ши дин пунктул де ведере ал сурселор дин каре провине. Ку тоате ачестя, лукраря аре о лимбэ адаптатэ стилулуй кроникэреск, унде ымпрумутили гречешть апар май рар декыт ын «История иероглификэ».

Ын «История иероглификэ», оперэ ку ун концинут специфик, че поате фи консидератэ о оглиндэ а куноштинцелор мултилатерале але луй Кантемир, ауторул авя невое де о мулциме де терминь дин диферите домений але штиницей, пентру а реда ын граюл матерн идей ши ноциунь ыналте, богате ши варияте. Ын ачест скоп скриңторул адуче пентру прима датэ ла ной ун нумерос вокабулар дин лимбиле грякэ ши латинэ, капабил сэ редее челе май абстракте ноциунь.

Вом дистинже аич доуэ категорий де терминь, пе каре кэртурулул ый дэ ка финнд де орижине грякэ. Уний ау диспэрут ку тотул сау се ауд астэзь май рар ын лимба литерарэ. Де екземплу: *елефтирие* «либертате»⁷ (Хр., 106)⁸, *холкотип* «типар, типэритурэ» (Хр., 52), *антифармак* «ляк ымпотрива отрэвирий» (Ист. иер., 86), *агоанэ* «агоние, тражере де моарте» (Хр., 360), *сикофандие* «клеветэ, клеветире, тречеря кум кувынтул» (Ист. иер., 40), *симтеразма* «ынкееря вороавий, тречеря дин куноштинцэ ла куноштинцэ» (Ист. иер., 43), *исимерие* «часул ын кариле зиуа ку ноаптя синт деатохма» (Ист. иер., 121), *газофилакие* «вистерие» (Див., 65), *перистасис* «чиркумстанцэ» (Ист. иер., 209), *апсифисие* «диспрец» (Ист. иер., 283), *прагматие* «лукраре» (Хр., 178), *дидаскал* «пречептор, ынвэцэтор» (Ист. иер., 89), *афтадие* «импертиненцэ» (Ист. иер., 187), *дисидемоние* «суперстиице» (Ист. иер., 336), *омоние* «ынцележере» (Ист. иер., 108), *ватологие* «гло-сэ» (Ист. иер., 46). Мажоритатя гречизмелор дин група аминтитэ н'ау циркулат нич ын лимба тимпулуй, орь кяр дакэ унеле динтре еле ерау пе атунч куноскуте ын лимба кэртурэряскэ, ын презент сынт ынвеките сау ешите дин уз.

Алць терминь де орижине грякэ, ынтродушь де скриңтор ын опера са, с'ау букурат ши май тырзиу де о циркулацие ларгэ. О парте динтре ачештя ый вом реынтылни ла сфыршитул секолулуй XVIII сау ынчепутул секолулуй урмэтор, кынд проблема крезрий терминологией штинцифиче реапаре ла ной. Мулць динтре терминий фолосиць де аутор ау пэтрунс ын вокабуларул штинцифик молдовенеск, фие кэ ултериор ау фост ымпрумутаць дин ноу

⁷ Сенсуриле сынт нотате аша, кум ле-а дат Д. Кантемир ын «Скара тылкунтоаре». Тэлмэчиря кувинтелор каре липсеск аич е датэ дупэ глосареле анекдате ла сфыршитул лукрэрилор скриңторулуй. Лукрул ачеста се ва фаче нумаи атунч, кынд есте нечесар.

⁸ Пентру опереле луй Кантемир с'ау фолосит урмэтоареле абрєвнерь: Ист. иер. = *Димитрие Кантемир*. История иероглификэ. Кишинэу, 1973. Хр. = = *Principele Cantemir*. *Hronicul vichimei a romano-moldo-vlahilor*, publicat de pe originalul autorului de Gr. G. Tocilescu. Buc., 1901; Див. = *Dimitrie Cantemir*. *Divanul/Ediție îngrijită și studiu introductiv de Virgil Căndea*. Buc., 1969.

дин неогрякэ, фне кэ ау венит прин интермедиул алтор лимбь. Ятэ де че дикционареле ле дау ка фиинд неоложизме латине сау де алтэ провениенцэ. Гречизмеле де фелул ачеста конституе гру- па чя май маре ши май импортантэ дин опера кантемирянэ. Дин категория датэ фак парте кувинте ка: *аксиомэ* (Ист. нер., 37), *астролав* «инструмент пентру мэсураря позицией аштрилор» (Ист. нер., 335), *афтократор* «аутократ» (Ист. нер., 160), *антрак- си* «антракс» (Хр., 347), *архетип* «прототип, модел» (Див., 377), *библиотека* (Хр., 194), *генеалогие* «жәнеаложие» (Хр., 11), *диа- лектик* (Ист. нер., 66), *димократие* (Ист. нер., 35), *диспотие* «дис- поцие» (Хр., 377), *этимология* «тылкуиря а хирешулуй нуме» (Ист. нер., 66), *евгение* «ноблеце» (Хр., 87), *итикэ* «ынвэцэтурэ, каре токмеште обичеиле оаменилор, четэцилор» (Ист. нер., 320), *клирономие* «моштенире» (Ист. нер., 59), *ларингэ* «ларинже» (Ист. нер., 156), *продосие* «трэдаре» (Хр., 94), *риторикэ* (Хр., 50), *ритор* (Хр., 134), *симфоние* (Ист. нер., 109), *силлогисмос* «соко- тялэ адевэратэ, каря ла диалектичь дин трий потасе сэ фаче» (Ист. нер., 59), *софистикэ* (Хр., 127), *стратиг* (Див., 377), *тера- певтис* «тэмэдуитор, врач» (Ист. нер., 350), *тригон* «триунгь» (Ист. нер., 43), *троп* (Ист. нер., 49) ш. а.

Дакэ ле анализэм дин пунктул де ведере ал лимбий актуале, о парте динтре элементеле лексикале консемнате пот фи конси- дерате ка авынд о этимоложие мултиплэ.

Ун лок импортант ын лимба оперей луй Кантемир ыл окупэ терминий де орижине латинэ. Ачаста се датореште ын маре мэсу- рэ фаптулуй кэ скрииторул шы-а скрис унеле опере ын лимба латинэ, врынд сэ-й факэ куноскуць пе кэртуларий дин цэриле апусене ку траюл, лимба ши обичеюриле молдовенилор. Дэм дин нумероаселе элементе неоложиче латинешть, фолосите де Канте- мир, доар кытева: *аргумент* (Ист. нер., 54), *аффектацие* «афек- тарэ» (Хр., 62), *викторие* (Хр., 115), *деспутацие* «чартэ, диспутэ» (Див., 111), *диктатор* (Хр., 163), *дук* «дуче» (Хр., 449), *жюдеи* (ын сенс де «жудекатэ») — (Хр., 180), *индекс* (Див., 387), *конфузии* (Хр., 308), *конфирмацие* (Хр., 365), *кастел* (Хр., 417), *колоние* (Хр., 463), *легеон* ши *лигион* (Хр., 339), *мажистру* «командант де оасте» (Хр., 240), *мусеу* (експликат прин «кэмэриле унде став ла читялэ сау ла ынвэцэтурэ» (Хр., 298), *презенцие* (Див., 353), *пропозит* «план, интенцие» (Хр., 69), *пропозицие* «пропозицие» (ын ложикэ) — (Хр., 130), *секретар* (Хр., 115), *сенатор* (Хр., 213); *трактатэ* «тражере, збаторя кувинтелор, алес де паче» (Ист. нер., 332), *трибун* (Хр., 161) ш. а.

Мулте дин ымпрумутуриле латине апар ын скриериле луй Кантемир, ка ши ла кроникарий дин ачя епокэ, прин филиера русэ сау романикэ окциденталэ. Критерииле де натурэ фонетикэ пробязэ ачест фапт. Компарэ: *автор* «аутор» (<лат. *au[ct]or*, фр. *auteur*, рус. *автор*) — Хр., 60; *автентик* «аутентик» (<лат. *auten- ticus*, фр. *authentique*, рус. *аутентичный*) — Хр., 173; *эксцентри* (<фр. *excentre*, рус. *эксцентр*) — Ист. нер., 49; *экспериенцие*

«эксперненцэ» (<лат. *experientia*, рус. *эксперенция*) — Хр., 104; *канцилар* «канчелар» (<лат. *cancellarius*) — Хр., 115; *конституцие* «регуламент, леже» (<лат. *constitutio*, — *onis*, фр. *constitution*, рус. *конституция*) — Хр., 285; *конфедерацие* «алианцэ темпорарэ а май мултор стате ымпотрива унуй душман комун» (<лат. *confederatio*, — *onis*, фр. *confédération*, рус. *конфедерация*) — Хр., 312; *корреспонденцие* (<фр. *correspondence*, рус. *корреспонденция*) — Ист. иер., 176; *провинцие* (<лат. *provincia*, фр. *province*, рус. *провинция*) — Хр., 17; *привилегий* — (<лат. *privilegium*, фр. *privilège*, рус. *привилегия*) — Ист. иер., 164; *резиденцие* (<фр. *résidence*, жер, *Rezidenz*, рус. *резиденция*) — Хр., 285; *сентенцие* (<лат. *sententia*, фр. *sentence*, рус. *сентенция*) — Ист. иер., 33; *субстанцие* (<фр. *substance*, рус. *субстанция*) — Див., 315 ш. а.

Ын опера кантемирянэ (май алес, ын Диван ши Хроник) ышь фак лок де асеменя ун нумэр де терминь славонь, фие апэруц пентру прима датэ ла скриитор, фие ынтылниць ши ла уний кэртуларь антериорь. Кытева екземпле: *боз «зеу»* (Див., 9), *исвод «пробэ, инвенцие, табелэ»* (Див., 61), *изгнание «изгонире, тримитере ку де-а сила»* (Ист. иер., 44), *капиште «темплу»* (Див., 63), *корение «ынчепут, женеаложие, орижине»* (Хр., 365), *началник «шеф, командант»* (Див., 145), *остров «инсулэ»* (Ист. иер., 162), *позволение «пермисиуне»* (Див., 101), *постановление «субстанцэ»* (Див., 315), *послание «скрисоаре»* (Див., 27), *природ «стрэням»* (Хр., 100), *стихотворц «поет»* (Див., 267), *сэздание «креатурэ»* (Хр., 252) ш. а.

Сфера кувинтелор де орижине славэ купринде уний терминь пэтруншь директ дин лимба русэ сау прин филиерэ русэ. Де регулэ, ей се реферэ ла домениул политико-административ-милитар: *столицэ «капиталэ»* (Хр., 447), *областие «облэдуире, режиуне стэпынитэ»* (Хр., 374), *полк «режимент»* (Див., 132), *губернатор «кондукэторул уней губерний»* (Хр., 487) ш. а.

Ын че привеште славонизмеле кэртуэрешть требуе семналат, кэ еле ерау куноските пентру публикул де чититорь де атунч. Дин кауза ачаста, пробабил, Димитрие Кантемир рекурже ла експликаря лор нумай ын казурь раре. Унеорь терминул ноу де орижине латинэ сау де алтэ провениенцэ есте експримат ку ажуторул унуй кувынт, луат дин лимба русэ. Компарэ: ынцелепчуня есте субстанция, адекэ постановление (Див., 192); а нямурилор генеаложие (адекэ корение) (Хр., 58); метаморфосис = «скимбаря феций, преображение, скимосире» (Ист. иер., 17); проимнион = «предословие», капул вороавий, ын карице тот кипул казаний сэ аратэ». (Ист. иер., 20).

Пентру експримаря ноциунилор штинцифиче ши филозофиче Д. Кантемир ымпрумутэ терминь ши дин алте лимбь (деши пумэрул лор есте релатив мик), де екз. дин туркэ: *богаз «стрымтоаре»* (Див., 53), *олат «цинут, провинцие»* (Хр., 66), *сераскеруи «жгенерал»* (Хр., 449), *захара «провизие»* (Хр., 220), *сургун «ек-*

зилат» (Хр., 121), *атмеидиан* «хиподром» (Хр., 341), *булук* «груп, унитате милитарэ» (Ист. иер., 179), *мюбашир* «ажент пентру ын-касаря банилор» (Ист. иер., 382), *талхысчиу* «референдар» (Ист., иер., 22), *тефтердар* «ынкасатор» (Ист. иер., 381); дин полонэ. *херб* «стемэ» (Хр., 249), *рокошенире* «рэзврэтире» (Див., 303); *хлорикар* «кроникар» (кувынт деформат де Кантемир пентру а денуми пе кроникарий минчуношь, спре деосебире де чей нумиць «хроникарь») (Хр., 150), *церулик* ши *цирулик* «кирург» (Хр., 186), *приказ* «ненорочире, рэутате» (Див., 363), *вартэ* «стражэ, пазэ» (Ист. иер., 60); дин жерманэ: *граф* «конте» (Хр., 421), *мапэ* «хартэ» (Хр., 308) ш. а.

Мулте динтре кувинтеле консемнате пэстрыэзэ кяр ши форма дин лимба де орижине.

Ла о экзаминаре кяр сумарэ а кэилор де пэтрундере а терми-ноложией штинцифиче ын диверселе домений де активитате але скринторулуй се обсервэ, кэ сурселе принципале ле-ау конституит ымпрумутириле дин лимбиле грякэ, латинэ ши славонэ. Фаптул есте експликабил. Димитрие Кантемир, каре, деши с'а адэпат ла култура грякэ (ун рол импортант ын ачастэ привинцэ ла-ау авут, пробабил, професорул сзу де грякэ, латинэ ши филозофии, крета-нул Еремия Какавела), скрие о парте дин лукрэриле сале ын лимба латинэ (компарэ, де екземплу, *История Империиулуй Ото-ман, Дескриеря Молдовой, Микул тратат де ложикэ женералэ*, прекум ши *Хроникул векимей а романо-молдо-влахилор*, скрис ынтый ын латинеште ши традус апой ын лимба матернэ). Ын плус, ын время афлэрий ын Русия, ын каре медиул културал ера мулт супериор атыт медиулуй дин Молдова, кыт ши челуй дин Константинопол, унде крескусе ши се формасе, Кантемир стаби-леште релаций приетенешть ку о мулциме де кэртуарэ рушь, эбсолвенць ай Академией луй Петру Мовилэ де ла Киев сау ай алтор школь славо-греко-латине, унде ыввэцэмынтул ера ын лимбиле славонэ, грякэ ши, май алес, латинэ — лимбэ але кэрту-рарилор де атунч. Ла тоате ачестя се май поате адэуга фаптул кэ мулць терминь де орижине латинэ, презенць ын опера канте-мирянэ, ерау обишнуиць ши ын стилул официал рус ал епочий луй Петру I⁹, яр унуй динтр'ынший пот фи консидераць ка ым-прумутирь дин лимба русэ, деоарече аспектүл лор е идентик ку

⁹ Черчетэтоаря Тамара Урсу ын студиул менционат нотязэ урмэтоареле неоло-жизме, каре циркулау ши ын лимба русэ ын эпока респективэ: *академия, ам-биция, аптекарь, аргументъ, архитектъ, авторъ, виктория, графъ, диспутация, диктаторъ, дипломъ, дуксъ, инструментъ, кампанія, кентръ, климатъ, коллега, колонія, комендантъ, кондиция, конституция, консулъ, контента, конфедерация, конфирмация, конфузия, легионъ, лексиконъ, магистратъ, матерія, машина, меди-терранский, монстръ, натура, оказія, орация, остъ, персона, презентовать, пре-тендовать, префектъ, приватный, привилегія, принципиальный, провинция, про-текция, публиковать, пунктъ, рекомендовать, референдаръ, республика, риторъ, секретарь, сенатъ, ситуация, суплика, сфера, титулъ, титуловаться, трактъ, трактатъ, трибунъ, триумфъ, фельдмаршалъ, фундаментъ, церемонія, циркуль-никъ, експеріенция, експликовать.* (Урсу Т. Оп. чнт., п. 155—156)

неоложизмеле, пе каре кэртуарий ноштри ле-ау луат, ла сфыр-шитул секолулуй XVIII ши ын прима жумэтате а секолулуй XIX дин лимба русэ. Аша се експликэ де че кувинте де але луй Кантемир ка *оказиe*, *конфузиe* ау екзакт форма, акцептатэ ын лимба литерарэ де азь, каре евитэ формацииле ын *-иуне* (*оказиуне*, *конфузиуне*), ынтродусе де латиништь ши консидерате пе дрепт кувинте педанте.

Ын афарэ де кувинтеле ку карактер савант ымпрумутате директ дин лимбиле класиче сау дин унеле лимбь модерне, Димитрие Кантемир се стэруе сэ формезе унеорь терминь проприй прин дериваре де ла рэдэчинь фие стрэине, фие бэштинаше ку ажуторул диферителор морфеме афиксале молдовенешть прекум: *материеск* (<*материе*) «релатив ла материе» (Ист. нер., 89), *фириан* (<*фире*) «физик, каре се реферэ ла натура материалэ» (Ист. нер., 87), *ембрионат* (<*ембрион*) «ын старе де ембрион» (Ист. нер., 243), *аристотелеск* (<*Аристотел*), *платоническ* (<*Платон*) — Ист. нер., 362, *клирономиториу* (<нгр. *klironomo*) «ередитар» (Хр., 107), *чинстеште* (<*чинсте*) — (Хр., 16); *греуиме* (<*греу*) «греутате», «гросул арматей» (Хр., 404), *диспутацие* (<*диспутэ*) «дискуцие, диспутэ» (Хр., 127), *философэск* (<*философ*) «философик» (Хр., 203), *сенаторие* (<*сенатор* «службэ де сенатор» (Хр., 50), *цинсорие* (<*цензор*) «демнитате де цензор» (Хр., 119), *трибуницие* (<*трибун*) «трибунат» (Хр., 193) ш. а.

Кантемир рекурже ши ла алте прочедее де комплектаре а лимбажулуй штинцифик, принтре каре ла чел ал калкурилол ши семикалкурилол лингвистиче, ал традичерий терминилор стрэинь. Мулте динтре ачесте формаций, имитате дупэ лимбиле стрэине, каре диспуняу де алте посибилитэць де формаре а кувинтелор декыт лимба ноастрэ, деши ку о циркулацие ларгэ ын скриериле ауторулуй, ау ун аспект греой ши унеорь кяр комик: *ымпрежуру стэрь* (<лат. *circumstantia*) «чиркумстанце, ымпрежурэрь» (Див., 199); *ын патру ничоаре* (<фр. *quadrupède*, лат. *quadrupēs, -dis*) «патрупед» (Ист. нер., 160); *клэтире* (<в. сл. *клатити*) «мишкаре» (Ист. нер., 221); *сингурэ сие ши клэтиториу* (<лат. *causa sui*) «кауза са проприе» (Ист. нер., 226); *чинч гласурь а луй Порфирие* (<лат. *quinque voces Porphyrii*) «категорииле луй Порфириу» (Ист. нер., 67); *лигиоае пре пынтече тырыштоаре* (<лат. *reptilio*) «анимал каре фаче парте дин класа вертебрателор» (Ист. нер., 49); *кэдере* (<слав. *падеж*, лат. *casus*), «каз граматикал», (Ист. нер., 63); *ынкуяре* (<лат. *conclusio, concludere*) «конклузиe» (Ист. нер., 84); *ынаинте пунере* (<лат. *propositum* <*pro* ши *ponere*) «план, хотэрыре» (Див., 233); *субстаре* (<лат. *substantia*) «субстанцэ» (Див., 305); *курэциториу* (<лат. *purgatorium*) — (Див., 233); *духул винулуй* (<лат. *spiritus vini*) «спирт» (Ист. нер., 40); *сунт пэмынт фуэице* (гр. *καταφογή*, лат. *subterfugium*) «субтерфужу, лиништире» (Див., 331); *ынтиндере ынаинте* (<лат. *praetentum* де ла *praetendere*) «претенцие» (Ист.

иер., 21); *сингурциториу* (<гр. αὐτοκράτης) «аутократ» (Ист. иер., 12) ш. а.

Прин мареле нумэр ал калкурило^р ши семикалкурило^р, май алес, прин челе елиминате май тырзу, ка ши прин креацииле персонале, рэмасе де асеменя неконфирмате де еволюция ултериоарэ, лимба оперелор скринторулуй капэтэ ун анумит карактер артифициал.

Пентру а-й фамилиариза пе чититорь ку терминий ной, пе каре-й фолосеште, Димитрие Кантемир рекурже адесе ла експликаря лор. Унеорь ел дэ алэтурь де елементеле саванте терминий популярь респективь. Астфел, ноциуня де *кометэ*, редатэ прин терминул *комитис*, е нумитэ ын попор, дупэ спуселе луй Кантемир, «стя ку коадэ. Стя сэ наште ши пиаре» (Ист. иер., 17). *Венус*, денумитэ *Афродитис*, се кямэ «стеа каре ынтый сэ аратэ декусарэ, стеаоа чобанулуй» (Ист. иер., 13), яр *полусу* «ясте стиаоа кэрия ый дзик молдовений фусул прин кареле черюл сэ ынвыреште» (Див., 325) ш. а.

Алтеорь ауторул експликэ терминул ноу фие ын текст, фие ынтр'о нотэ маржиналэ. Експликацииле сынт сукчинте сау десфэшурате. Компарэ: Ени привеште тоате *циркумстанцииле*, адекэ *ымпрежур* — *стэриле* меле (Див., 75); прекум се зиче *адаужеул* (ын нота маржиналэ: *зикэтоаре*) — Хр., 88; ши ку куратэ *консиенцие* (= *аскунсул инимий*) алтора сэ ле повестим аша (Хр., 179); ку марь ши нетеде сокотеле *етимологичесшь* (адекэ *тылкуитоаре де кувинте*) — Хр., 178; кэруя ый зиче кэ ясте *вылховник* (че сэ тылкуяште дин лимба словеняскэ «врэжиториу») — Хр., 136; скрие дарэ кэлугэрул ачеста ын *предословия* (сау прекум ной зичем ын *превороава* хроникүлуй луй Уреке) — Хр., 136; *Медитерракия*, адекэ дин *мижлокул пэмынтулуй* (Хр., 38); *хронологичесше*, адекэ *дупэ сэмэлуиря анишлор* (Хр., 100) ш. а.

Скринторул фолосеште дес ын вокабуларул штинцифик дублете ку валоаре де синонимие, де регулэ, ун неоложизм алэтурь де ун кувынт узуал, дин лимба комунэ. Компарэ: *коллега*, адекэ *товарэш* (Хр., 44); *колонииле* (адекэ *слободзииле*) (Хр., 294); *корение ши рэдэчинэ* (Хр., 57) ш. а.

Ын опера кантемирянэ ынтылним пентру прима датэ кувинте реферитоаре ла диверсе домений але штинцей, ынсэ домениул ын каре скринторул ва ынтродуче ку препондеренцэ о терминологие ноуэ, есте чел филозофик. Пентру редаря ноциунило^р де маре субтилитате ауторул каутэ еквивалентеле пречисе принтре терминий аутохтонь ши чей обишнуиць ын културиле ку традиций май векь. Ел ынчаркэ сэ пунэ ын чиркулацие о мулциме де терминь фие ымпрумутаць дин лимба латинэ, унеорь дин арабэ ши прекумпэнитор дин грякэ, фие креаць сау дериваць пе терен молдовенеск, доринд астфел сэ ымбогэцяскэ ши сэ моделезе лимба са матернэ пентру а о фаче аптэ де а експрима диферите идей ши кончепте филозофиче. Лукрул ачеста ыл фаче, май алес ын казул, кынд експуне о теорие стрэинэ гындирий молдовенешть

де атунч. Де екземплу, спре а традуче «челе чинч гласурь але луй Порфирие», сау куноскуций терминь дин Исагора (жен, спечие, диференцэ, проприу, акцидент), кэртурулу молдован, карештия ла перфекцие латина, ынчерка тотуш сэ спунэ: *нямул* (Ист. нер., 94), *кипул* (тот аколо), *деосебиря* (Ист. нер., 49), *хиришия* (Ист. нер., 51), *тымпларя* (Ист. нер., 191). Сау пентру редаря примелор трей категорий аристотеличе (субстанцэ, кантитате, калитате) дин челе зече «супт кариле Аристотел тоате финицеле лукрурилу купринде», Димитрие Кантемир фолосеште кувинтеле *чеинцэ* (лат. *quidditas* < *quid*) = *че* + *инцэ*; кфиддитас = *чеинца*, сингура финица лукрулуй, челя че есте (Ист. нер., 17) ын лок де «че есте»; *кытинцэ* (лат. *quantitas*) = *кыт* + *инцэ*; *кытинца* материей чаркэ (Ист. нер., 133) пентру «кыт есте» ши *фелдеинцэ* (лат. *qualitas* < *qualis*) = «че фел де» дэ рэспундеря *кытинций* ши *фелдеинций* (Ист. нер., 62) пентру «че фел есте».

Чей май фреквенцэ терминь дин скриериле филозофулуй молдован сынт ачя каре нумеск варияте ноциунь привинд филозофия медиевалэ, история, психоложия, етика, релижия ши алте рамуры але штиницей, ын каре с'а манифестат ун спирит атыт де вигурос ши де фекунд. Фреквенте сынт тотодатэ ши элементеле де терминологие филозофикэ реферитоаре ла прочесул куноаштерий ши ал гындирий ын женерал, ла резултателе ачестор прочесе, ла калитэциле ши дефектеле гындирий. Илустрэм афирмацииле де май сус: *сокотялэ ложичаскэ* «рационамент» (Ист. нер., 52); *клэтителе* «феноменеле консидерате ын мишкаре» (Ист. нер., 223); *избында причинирий* «реализаря каузей, ентелехия» (Ист. нер., 185); *материе* «ынцелес проприу ши ынцелес аристотелик» (Ист. нер., 320); *сингурэ штие клэтиря* «аутомишкаре» (Ист. нер., 221); *апорие* «контрадикцие ирезолвабилэ, ивितэ ку прилежул унуй рационамент» (Ист. нер., 12); *апофтенгмэ* «максимэ, сентинцэ» (Ист. нер., 338); *арэтаре* «демонстрацие» (Ист. нер., 236); *финицэ* «есенцэ» (Хр., 392); *генералис* «женералул, универсалул (категорие ложикэ)» (Ист. нер., 51); *метафизикэ* (Ист. нер., 18); *постанование* «субстанцэ» (Див., 315); *протасис* «премизэ» (Ист. нер., 22) ш. а.

Читинд васта оперэ а луй Кантемир, гэсим ын еа ун богат вокабулар штиницифик ши техник, че редэ диверсе ноциунь дин астрономие, жеография ши космографияе: *аустру* (Ист. нер., 13), *астролав* (Ист. нер., 12), *галактея* (Ист. нер., 13), *еклипсис* (Ист. нер., 14), *катарракте* «прагурь ын апэ» (Ист. нер., 16), *комитис* «кометэ» (Ист. нер., 17), *оризон* «оризонт» (Ист. нер., 19), *планетэ* (Ист. нер., 20), *полос арктик* ши *полос антрактик* (Ист. нер., 21), *кривэц* «норд» (Хр., 174), *ундэтурэ* «ревэрсарэ» (Хр., 58), *тропическ*, *тропик* (Ист. нер., 24), *исиметрия* «екинопиу» (Ист. нер., 16), *мапэ* «хартэ» (Хр., 286), *географияе* (Хр., 106), *херсонис* «пенинсулэ» (Ист. нер., 250), *осие сферяскэ* «аксул пэмынтулуй» (Ист. нер., 296), *темперамент* «температурэ» (Хр., 16), *тропикул химеринос* «тропикул де ярнэ» ши

тропикул теринос «тропикул де варэ» (Ист. нер., 153), *гномон* «кадран солар, ороложниу де соаре» (Ист. нер., 129); медицинэ: *агонэ* «агоние» (Ист. нер., 11), *антидот* «медикамент, ляк» (Ист. нер., 11), *апотекар* «фармачист» (Хр., 81), *боала хроникэ* (Ист. нер., 13), *пилула* (Ист. нер., 20), *рецета* (Ист. нер., 22), *шербет* «бэутурэ де дофторие» (Ист. нер., 26), *троахнэ* «эпидемие» (Хр., 418); *церулик* «хирург» (Хр., 81), *антракси ши антрак* «далак» (Хр., 347, 530), *кикицэ* «трусэ медикалэ» (Хр., 14), *фербинтеялэ* «фебрэ» (Хр., 347), *идропикэ* «асчитэ» (Хр., 334), *липичос* «кон-тажинос» (Хр., 418), *матеологие* «делир» (Ист. нер., 17), *офтикэ* «туберкулозэ» (Ист. нер., 13), *спицер* «фармачист» (Ист. нер., 22), *винтре* «дизентерие» (Хр., 307) ш. а.; физикэ ши кимие: *атом* (Ист. нер., 12), *енергие* (Ист. нер., 15), *експеренция* (Ист. нер., 15), *материе* (Ист. нер., 17), *метаморфосис* «скимбаря фе-ций...» (Ист. нер., 18), *физик* «физициан» (Ист. нер., 25), *металон* (Ист. нер., 18), *магнис* «магнезиу» (Див., 321), *алхимист* (Ист. нер., 12), *химик* «химист» (Хр., 139), *супстаре* «субстанцэ» (Хр., 453); математикэ: *аксон* «акс» (Див., 7), *геометрическ* (Хр., 59), *чиверт* «сферт» (Див., 42), *сомэ* «сумэ» (Див., 37), *кентру* «центру» (Ист. нер., 17), *трион* «триунгъ» (Ист. нер., 51), *сферэ* (Ист. нер., 23), *математик* «математичиан» (Ист. нер., 51); по-литикэ ши администрации: *чин* «ранг, класэ» (Хр., 190), *комендант* «командант» (Хр., 131), *дерегэторие* «кырма, кондуче-ре, администрации» (Хр., 270), *дук* «дуче» (Хр., 26), *граф* «конте» (Хр., 421), *губернатор* (Хр., 457), *херб* (Хр., 249), *монархическ* (Хр., 23), *откырмуиторю* «гувернатор» (Хр., 364), *полк* (Хр., 79), *публикэ* (Хр., 282), *рэспубликэ* (Хр., 377), *резиденция* «решен-динцэ, скаун» (Хр., 285), *сэкретариу* (Хр., 115), *тирэние* (Хр., 51), *началник* «кэпетение» (Див., 195), *афтократор* «аутократ» (Ист. нер., 160), *армистиция* (Ист. нер., 345), *димократие* (Ист. нер., 35), *правилэ* «леже» (Ист. нер., 171), *тирэние* (Хр., 8), *трактат* (Ист. нер., 24); арте: *музикэ* (Ист. нер., 37), *мелодие* (тот аколо), *палиподие* «рефрен» (Ист. нер., 46), *симфоние* (Ист. нер., 110), *хармоние* (тот аколо), *орган* «инструмент музикал» (тот аколо), *хапиште* «темплу» (Див., 63), *шерпуре* «зугрэвире», «ымподобире» (Див., 57), *мармуре* «мармурэ» (Хр., 120); филоложие, литературэ, естетикэ: *апофтенгма* «кувынт, вороавэ алясэ, философаскэ» (Ист. нер., 12), *диалог* (Ист. нер., 14), *елегий* «ун фел де стихурь аместекате» (Ист. нер., 14), *итимология* (Ист. нер., 15), *интерлекция* (Ист. нер., 16), *идея* (Ист. нер., 16), *про-ник* (тот аколо), *комедие* (Ист. нер., 17), *парадигмэ* (Ист. нер., 19), *тропурь* (Ист. нер., 24), *солихисмос* «кувынт кариле ну есте дупэ каноанеле граматикэй» (Ист. нер., 23), *стихотворц* «поет» (Див., 267), *верш* (Див., 359), *автор* (Хр., 62), *артикул* «ынкеету-ра... вороавей» (Ист. нер., 12), *кэдере кемэтоаре* «казул вокатив» (Ист. нер., 63), *дикционариу* (Хр., 113), *нуме алкэтуит* «субстан-тив компус» (Хр., 307), *вереш* «верс» (Ист. нер., 107), *орации*

«дискурс» (Хр., 5), *ритор* «оратор» (Хр., 134), *риторикэ* (Хр., 5), *апостроф* «апострофэ» (Ист. иер., 98) ш. а.

Терминий ыншираць (фэрэ а авя претенция кэ й-ам епузат ши ниц кэ апар нумай ын опера луй Кантемир), дупэ кум с'а вззут, конституе де фапт о терминологие де културэ женералэ. Ей мэртурисеск вариетатя доменилор, ын каре шь-а демонстрат активитатя кэртураул, прекум ши ынчеркаря луй конштиентэ ши сусцинутэ де а креа о терминологие штиинцификэ, филозофикэ ши политикэ ын лимба са матернэ. Группаря лор ын диферите категорий ноционале илустрияэ модул кум се рефлектэ ын лексикул скриерилор сале мултиплеле трансформэрь але вещей социале де атунч.

Ку тоате кэ мулць терминь ши ымбинэрь терминологиче де типул челор консемнаць май сус пар имперфекць, инекзакць, нечизелаць фацэ де чей апэруць ултериор, меритул инконтестабил ал скрииторулуй констэ ын фаптул кэ ел примул динтре кэртурарий молдовень ынтребуинцяэ пе скарэ ларгэ терминь ши ымбинэрь терминологиче дин диверселе рамурь але штинцей, ынчеркынд ын фелул ачеста сэ пунэ базеле терминологией молдовенешть. Ынсэ ынчеркаря луй де а креа ун ынчепут де вокабулар штиинцифик рэмыне ун фапт изолат. Ынвэцатул домн н'а авут норокул сэ-шь публиче ла време челе доуэ лукрэрь де матуригате, «*История иероглификэ*» ши «*Хроникул векимей а романо-молдо-влахилор*», скрисе ын молдовенеште. Абя песте ун секол мулць кэртурарь ау порнит сэ реализезе чей че а ынчеркат сэ ынфэптуяскэ ла время са де унул сингур Димитрие Кантемир.

Ын презентул артикол ам лэсат сэ ворбаскэ фаптеле, каре арункэ луминэ асупра ынчепутурилор стилулуй штиинцифик молдовенеск, фапте каре требуе сэ гэсяскэ о апрофундаре ши комплектэ интерпретаре. Лимба молдовеняскэ аре астэзь посибилитатя де а експрима орьче ноциуне штиинцификэ, дар друмул паркурс де ла калкуриле греоае, апарцинынд епочий де каре ам аминтит аич ши пынэ ла стадиул актуал а фост дестул де аневойос ши ынтортокят. Черчетаря луй оферэ спечиалиштилор ун васт кымп де активитате.

ЭЛЕМЕНТЫ НАУЧНОГО СТИЛЯ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ XVII—XVIII вв.

Резюме

По сравнению с художественным и официально-деловым стилями, которые начали вырисовываться с достаточной ясностью в определенных религиозных текстах, в летописях, в так называемых светских книгах и, соответственно в канцелярских и законодательных документах XVI—XVII вв., научный стиль молдавского языка образовался сравнительно поздно. Однако некоторые элементы, свойственные этому стилю, появляются спорадически еще в XVII в. Так, митрополит Досифей вводит в обращение впервые в молдавском языке

ряд научных терминов, заимствованных в основном из греческого языка (например, *аритхмитики* «арифметика», *астрологхие* «астрономия», *гхеометрие* «геометрия», *идропикэ* «водянка», *енкиклопедие* «энциклопедия», *консциенция* «сознание» и др.).

Во второй половине XVII в. логофет Мирон Костин, достаточно образованный для того времени, обогащает свои произведения новыми научными терминами: *астроном* «астроном», *козмографие* «космография», *кометэ* «комета», *малигн* «злокачественность», *океан* «океан», *планетэ* «планета», *миллион* «миллион», *сумэ* «сумма» и др. Фраза приобретает у него, по сравнению с предшественниками, книжный характер (для его сочинений показательны периоды со многими сложноподчиненными предложениями, детерминативами, ссылками и пространными цитатами, а также обилие причастных, деепричастных и инфинитивных оборотов).

Следы книжного влияния, особенно в построении высказывания, заметны и в летописях Николая Костина. Но самую важную роль в формировании письменного языка второй половины XVII и первых десятилетий XVIII в. сыграл выдающийся ученый полиглот Дмитрий Кантемир (1673—1723 гг.). В своих произведениях он вводил и широко употреблял термины и терминологические сочетания, относящиеся к различным отраслям науки (астрономии, биологии, физики, химии, медицины, геологии, географии и др.).

Дмитрий Кантемир старался обогатить свой язык прежде всего терминами, обозначающими абстрактные понятия. Значительное место в его творчестве занимает лексика, относящаяся к средневековой философии, к процессу познания и мышления, к логике, этике, религии, духовной жизни (например, *апофтенгмэ* «сентенция», *чеинцэ* «субстанция» *кытинцэ* «количество», *фелдеинцэ* «качество», *метафизикэ* «метафизика», *диалектик* «диалектический», *фиинцэ* «сущность», *итика* «этика», *генералис* «общее», *сокотялэ ложичаскэ* «суждение», *сингуэрэ штие клэтире* «самодвижение» и др.). Отдельные термины, видимо, образованы самим Дмитрием Кантемиром. Для обозначения научных понятий молдавский эрудит заимствовал многие термины греческого происхождения (*аксон* «ось», *галактеэ* «галактика», *аксиомэ* «аксиома», *тригон* «треугольник», *еклипсис* «затмение», *матеологие* «бред», *симперазма* «вывод», *ларингэ* «гортань» и др.) и латинского (*аргумент* «довод», *академие* «академия», *апотхекар* «аптекарь», *орацие* «речь», *климат* «климат», *сентенцие* «приговор», *рэспубликэ* «республика», *махинэ* «машина», *пилулэ* «пилюля» и др.). Как можно заметить, многие из них перенимались через посредство русского языка.

Кроме многочисленных лексических заимствований Кантемир создает новые термины средствами самого молдавского языка (путем префиксации, суффиксации, словосложения, конверсии или путем лингвистического калькирования). Особенно многочисленны подобные образования в «Иероглифической истории». Однако, как известно, два из его главных трудов, написанные на молдавском языке, — «Иероглифическая история» (1705 г.) и «Хроника стародавности романо-молдо-влахов» (1717 г.) увидели свет лишь в XIX в. Прошли столетия пока несколько поколений ученых начали реализовывать то, что намеревался осуществить в свое время Дмитрий Кантемир.

СТИЛУЛ ЛИТЕРАТУРИЙ АРТИСТИЧЕ КА РЕАЛИТАТЕ ЛИНГВИСТИКЭ

Деспре стилул литературий артистиче с'а скрис фоарте мул — ши ла ной ын царэ, ши песте хотаре. Ку тоате ачестя пынэ ын презент липсеште о ынцележере унаним акцептатэ а есенцей луй, дифериць ауторь солуционынд ын мод диферит

проблемеле фундаментале привинд партикуларитэциле луй конститутиве ши модул индивидуал де функционаре. Опииниле черчетэторилор диферэ кяр ши ын привинца денумирий феноменулуй дат. Ын ачест сенс есте семнификатив фаптул кэ ын молдавистикэ с'а скрис фоарте пуцин дэспре стилул литературий артистиче, ын скимб, ынсэ, фиекаре аутор а авут амбиция сэ пунэ ын циркулацие штиинцификэ терминул «сэу проприу», фэрэ а-шь сприжини прин аргументе респективе пунктул де ведере. Астфел, Б. Ваксман ворбеште де «стилул белетристик», дар адмите ши терминий де стил «артистик, поетик сау ал литературий артистиче, терминий финнд, ынтр'о анумитэ мэсурэ, адекватэ»¹. Академичианул Н. Г. Корлэтяну ый дэ преферинцэ терминулуй де «стил артистик», деши ну-л респинже нич пе чел де «стил белетристик»², ын тимп че В. З. Марин фаче уз доар де терминул «стил белетристик»³. Ын сфыршит, Т. Романдаш се пронунцэ пентру терминул де «стил ал литературий артистиче», ку тоате кэ ынтр'о нотэ специалэ сублинияэз нечеситате унификэрий терминологийе привинд ноциуна датэ⁴. Ын литература де специалитате скрисэ ын лимба русэ, кынд е vorba де стилул литературий артистиче, чититоруларе де ынфрунтат ун адевэрат торент терминологик. Дин ачест богат реперторию терминологик читэм доар кытева мостре: литературно-художественный стиль, художественный стиль, стиль художественных произведений, стиль художественной литературы, языковой стиль художественной литературы, художественная речь, речь художественной литературы, речевой стиль художественной литературы ш. а.

Дынд преферинцэ терминулуй де «стил ал литературий артистиче», ной ам реешит дин консидеренте ну де ордин хронологик — ачест термин финнд де датэ май речентэ —, чи де ку тотул алтэ натурэ. Дакэ вом адмите, кэ стилул функционал есте, аша кум менциона акад. В. В. Виноградов, «ун ансамблу — легат интерн, перчепут социалменте ши кондиционат дин пункт де ведере функционал — де прочедее де фолосире, алежере ши ымбинаре а мижлоачелор де комуникаре вербалэ»⁵, каре, потривит пречизэрий пропусе ултериор де М. Н. Кожина, «кореспунде уней анумите сфере де активитате социалэ ши формей де конштиинцэ корелатэ ку еа»⁶, орьче стил урмязэ сэ фие рапортат ла сфера датэ де активитате социалэ ши ла форма респективэ де конштиинцэ. Сфера де активитате поате фи штиинцификэ, артистикэ (белетристи-

¹ Ваксман Б. Стилистикэ молдовеняскэ. Кишинэу: Лумина, 1970, п. 40.

² Капитоле дин история лимбий литераре молдовенешть. Кишинэу: Лумина, 1971, п. 218.

³ Марин В. З. Скице де стилистикэ а лимбий молдовенешть контемпоране. Кишинэу: Лумина, 1975, п. 24.

⁴ Романдаш Т. Маржиналий ла стилул литературий артистиче. — Лимба ши литература молдовеняскэ, 1981, № 1, п. 42.

⁵ Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — Вопросы языкознания, 1955, № 1, с. 73.

⁶ Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977, с. 42.

кэ) административэ ш. а. м. д., ансамблук, ынсэ, де прочеде де фолосире а мижлоачелор вербале, адикэ стилул функционал ну поате фи нич штиинцифик, нич артистик (белетристик), нич административ, дакэ, бинеынцелес, ну адмитем фолосиря метафорикэ а кувинтелор. Ын тоате казуриле ачестя вом авя де а фаче ку стилул литературий штиинцифиче сау ал ворбирий штиинцифиче, ку стилул литературий артистиче сау ал ворбирий артистиче, ку стилул актелор административе ш. а. м. д. Е де ла сине ынцелес, кэ терминий: стил белетристик, стил штиинцифик ш. а. м. д. сынт май комозь, дар ну авем дрептул сэ сакрификэм прецизия де драгул комодитэций.

Ын челе че урмязэ ам вря сэ рецинем атенция чититорулуй асупра доар а уней проблеме контроверсате привинд ноциуна де стил ал литературий артистиче ши ануме: стилул литературий артистиче есте ун стил функционал сау се афлэ ын афара системулуй де стилурь функционале?

Уна динтре проблемеле фундаментале каре а сусчитат дискуций апринсе, дар каре пынэ ын презент ну шы-а гэсит о солуционаре унивокэ, есте ачея а рапортулуй динтре стилул литературий артистиче ши стилистика функционалэ. Сублинием де ла бун ынчепут, кэ афирмация датэ ну се реферэ ла молдавистикэ, деоарече ауторий читаць ау акцептат фэрэ нич о резервэ пунктул де ведере, потривит кэруя стилул литературий артистиче есте ун стил функционал, евитынд экзаминаря аргументелор про ши контра ачестуй пункт де ведере. Астфел В. З. Марин, атингынд проблема датэ, се мулцэмеште сэ декларе доар урмэтоареле: «Ну не вом окупа аич де дискуция стерилэ а проблемей привинд екзистенца сау инекзистенца стилулуй белетристик. Ной сынтемы конвиншы, кэ ун астфел де стил ушор се детаашэ ши се контурязэ пе фондул челорлалте стилурь функционале, деши концентрязэ мултипле вариетэць але туторор челорлалте стилурь»⁷.

Меритэ о деосебитэ атенция доуэ пункте де ведере ку привире ла локул стилулуй литературий артистиче. Конформ унуй пункт де ведере, стилул литературий артистиче се ынкадрязэ ын системул стилуригор функционале але лимбий, деоарече «ел партиципэ ла ындеплиниря де кэтре лимбэ а функцией сале сочиале», яр «литература артистикэ конституе де асеменя „о сферэ“ де фолосире а лимбий (деши ну пря корелязэ ку алте сфере, легате де активитатя сочиалэ а оаменилор)», функция естетикэ презентынду-се «ка уна динтре формеле де функционаре а лимбий»⁸. Пледынд ын фавоаря ноциуний де стил ал литературий артистиче, Р. А. Будагов менциона принтре алтеле: «Функция естетикэ (алэтурь де алте функций але лимбий ши, май ынтый де тоате, де чя комуникативэ) — ятэ чя май импортантэ трэсэтурэ интегралэ, каре есте купринсэ ынтр'о формэ импличитэ сау експличитэ ын стилул оперей

⁷ Марин В. З. Оп. чит. п. 24.

⁸ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1977, с. 48.

артистиче, ын специал дин епока модернэ. Ачастэ трэсэтурэ интегралэ дистинже стилул оперей артистиче де алте стилурь але ворбирий⁹. Ши май департе: «Стилул оперей артистиче се сепарэ, ын сфыршит, ши практик. Индиферент де курентул литерар ши метода де креацие а скрипторулуй чититорул, де обичей, фэрэ пря мултэ греутате детерминэ, че конституе о оперэ артистикэ ши че се реферэ ла алте стилурь але ворбирий»¹⁰. Сынт инвокате ши алте аргументе ын фавааря ынкадрэрий стилулуй литературий артистиче ын системул стилурилол функционале¹¹.

Потривит челуй де ал дойля пункт де ведере стилул литературий артистиче требуе ексклус дин категория стилурилол функционале, деоарече ел «ну корелязэ пе деплин ку челелалте стилурь, типурь сау вариетэць але ворбирий литераре-ливрешть сау популяр-куренте. Ел ле фолосеште, инклузынду-ле ын сине, дар ын комбинаций специфиче ши ынтр'о формэ модификатэ дин пункт де ведере функционал»¹². Контра тратэрий стилулуй литературий артистиче ка стил функционал с'ау пронунцат В. П. Мурат¹³, Л. Ю. Максимов¹⁴, А. К. Панфилов¹⁵ ш. а. Чей че-й детерминэ пе уний черчетэторь (Л. Ю. Максимов, А. К. Панфилов) сэ ексклудэ стилул литературий артистиче дин системул стилурилол функционале есте фаптул кэ ын ел се фолосеск пе ларг елементе дин алте стилурь, чей че-й штерже хотареле, фэкынду-л май пущин контурат ын компарацие ку алте стилурь. Алць черчетэторь (В. П. Мурат, Н. А. Кожевникова) инвокэ ын калитате де аргумент супрем фаптул кэ стилул литературий артистиче се карактеризязэ принтр'о функциялэ специалэ — прин функция естетикэ.

С'а сублиният ын релативе рындурь, кэ примул дин аргументеле читате де адверсарий рекуноаштерий стилулуй литературий артистиче ка стил функционал есте нефондат, деоарече нич ун стил функционал ну есте ынкис, изолат, дупэ кум нич ун стил функционал ну диспуне де претинса оmoженитате а колоратурий стилистиче а мижлоачелор вербале¹⁶. Авя перфектэ дрептате Г. В. Степанов, кынд сублиния, кэ фолосиря элементелор дин алте стилурь

⁹ Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1974, с. 109.

¹⁰ Тот аколо, п. 113.

¹¹ Кожина М. Н. О понятии стиля и места языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1973, с. 26—34; Головин Б. Н. Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка.— В кн.: Вопросы стилистики. Межвузовский научный сборник. Вып. 14. Изд-во Саратовского ун-та, 1978, с. 113—121.

¹² Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики.— Вопросы языкознания, 1955, № 1, с. 85.

¹³ Murat V. P. Despre problemele fundamentale ale stilisticii.— In: Probleme de stilistică. Culegere de articole. Buc., 1964, p. 28.

¹⁴ Максимов Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы.— Русский язык в национальной школе, 1967, № 1, с. 27.

¹⁵ Панфилов А. К. К истории становления публицистического стиля современного русского литературного языка: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1974, с. 12.

¹⁶ Кожина М. Н. О понятии стиля и места языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1962, с. 28.

ну ынсямнэ липсэ де орижиналитате а стилулуй дат ши нич ну пуне ла ындоялэ екзистенца луй реалэ, деоарече градул де интерпенетрабилитате а стилурипор есте релатив ши ворбиря актуалэ се карактеризязэ прин респектаря резонабилэ а пропорциилор¹⁷.

Ын привинца челуй де ал дойля аргумент ымпотрива рекуноаштерий стилулуй литературий артистиче дрепт стил функционал лукруриле ни се пар май компlicate. Де фапт, нимень ну пуне ла ындоялэ, кэ чея че деосебеште лимбажул литературий артистиче де тоате челелалте спечий де ворбире уманэ есте токмай функция луй естетикэ. Диверженцеле ынчеп одатэ ку абординя унор проблеме май партикуларе, легате де екзистенца функцией естетиче ын казул алтор спечий де ворбире уманэ, афарэ де стилул ворбирий артистиче, прекум ши де корелация динтре функция естетикэ ши чя комуникативэ. «Солуционаря проблемей интеракциуний динтре функция естетикэ ши чя комуникативэ,— менционязэ Н. А. Кожевникова,— есте екстрем де импортантэ — де фелул, кум се резолвэ еа, депинде пунктул де ведере асупра рапортулуй речипрок динтре лимбажул поетик ши чел «практик». Дакэ функция естетикэ се рупе де чя комуникативэ, се опуне ей, се декларэ примарэ, лимбажул поетик, ворбиря артистикэ сынт тратате ка чева че презинтэ валoare ын сине, ынкис ын сине»¹⁸. Ши де дата ачаста авем де а фаче ку доуэ пункте де ведере бине контурате: уний черчетэторь консидерэ функция естетикэ дрепт о вариетате а функцией комуникативе, алций о декларэ функцие сепаратэ, че се деосебеште принципал де чя комуникативэ. Ын депенденцэ де ачест фапт уний инклюд стилул литературий артистиче ын системул стилурипор функционале, алций ыл ексклюд дин кадрул ачестуй систем, ситуынду-л де асупра луй¹⁹.

Дупэ пэреря ноастрэ, пентру а демонстра, кэ стилул литературий артистиче корелязэ ку челелалте стилурь функционале ну е неапэратэ невое сэ дедучем функция естетикэ а стилулуй литературий артистиче дин функция комуникативэ а лимбий, дупэ кум нич рекуноаштеря функцией естетиче дрепт о функцие апарте, примарэ ну не ындрептэчеште сэ опунем стилул литературий артистиче челорлалте стилурь функционале, сэ-л ситуэм де асупра лор.

Резумынд челе де май сус вом речине ын мод спечиял, кэ атыт инклюдеря стилулуй литературий артистиче ын системул стилурипор функционале але лимбий, кыт ши ексклюдеря луй дин ачест систем, се пуне ын депенденцэ директэ де фаптул, дакэ се поате сау ну демонстра, кэ ши ын казул дат функция комуникативэ есте фундаменталэ, примордиалэ, яр функция естетикэ де-

¹⁷ Степанов Г. В. О художественном и научном стилях речи.— Вопросы языкознания, 1954, № 4, с. 99.

¹⁸ Кожевникова Н. А. Функциональные стили и язык художественной литературы.— Русский язык в школе, 1966, № 4, с. 23.

¹⁹ Везь: Михайлов М. М. Стилистика русской речи. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1968, с. 132—133.

ривэ дин чя коммуникативэ, супрапунынду-и-се. Токмай ачест элемент доминант комун — функция коммуникативэ — ый ындрептэ-цеште пе черчетэторь сэ ворбяскэ де корелативитатя стилулуй литературы артистиче ку челелалте стилурь функционале.

Дупэ пэреря ноастрэ, проблема ар путя фи абордатэ — ши, дупэ кум ни се паре, ку май мулт сукчес — ши дин алт пункт де ведере: сэ се демонстрезе, кэ системул стилурилор функционале се конституе пе алтэ базэ декыт чя преконизатэ де традиции, кэ лимба се характеризязэ ну прин уна, чи прин кытева функций фундаментале, примордиале, каре се манифестэ симултан, дар ку о интенситате диферитэ, кэ фиекаре динтре принципалеле стилурь але лимбий аре ла базэ о функции а са проприе, доминантэ, каре се реализязэ ку о деосебитэ прегнанцэ, ын тимп че челелалте функций фундаментале ышь гэсеск реализаре ынтр'о формэ оарекум май атенуатэ.

Дакэ вом адмите ымпреунэ ку В. А. Аврорин, кэ «функция лимбий ка ноциуне штиинцификэ есте манифестаря практикэ а есенцей лимбий, реализаря менирий ей ын системул де феномене сочиале, акциуня спечификэ а лимбий, кондиционатэ де ынсэшь патура са, ачя, фэрэ де каре лимба ну поате екзиста, дупэ кум ну екзистэ материе фэрэ мишкаре»²⁰, вом фи невоиць сэ реку-ноаштем, кэ функция коммуникативэ ну есте уника функции фундаменталэ, есенциалэ а лимбий. Дупэ кум се штие, штиинца демулт а идентификат доуэ динтре челе май импортанте функций есенциале але лимбий — функцииле де а фи мижлок де комуникаре ши инструмент ал гындирий. Де фапт, кяр де ла апаричия лингвистичий ка штинцэ проблема лимбий се дискутэ пе база детектэрий унея сау алтея орь кяр а амбелор функций, тратате ка афлынду-се ынтр'ун рапорт де интеракциуне. Ну авем нич ун темей сэ ренунцэ ла ачест модел ал функцийилор лимбий, модел верификат де ынтрегул мерс ал дезволтэрий лингвистичий, дупэ кум ну авем нич ун темей сэ не лимитэм доар ла ачесте доуэ функций есенциале але лимбий — коммуникативэ ши когнитивэ, — каре се комплекязэ речипрок. «Есте ку десэвыршире клар, — скрие Н. А. Слюсарева, — кэ омул, деши се реферэ ла женул Homo sapiens, адикэ есте ынзестрат ку рациуне ши ну поате екзиста фэрэ а комуника ку семений сэй, май есте ынзестрат афарэ де ачаста, ку о сферэ эмоционал-сензориалэ, каре де асменя ышь гэсеште експресие ын лимбэ. Требуе атрасэ ын мод спечиаал атенция асупра фаптулуй кэ орьче енуунц трансмие о оарекаре апречиере эмоционалэ сау перцеперя естетикэ объектулуй ворбирий, пынэ ла нуанце пейоративе. Ку алте кувинте, ын орьче енуунц... ын мод комплементар, дар, тотодатэ, инсепарабил де карактеристичиле структурале ши концинут, аре лок експримаря сентиментелор де кэтре ворбитор ку ажуторул унуй богат

²⁰ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. с. 34.

арсенал де мижлоаче вербале»²¹. Ачест рационамент ый импуне аутоарей конклузия жустэ, дупэ пэреря ноастрэ, кэ функция емоционал-эстетикэ требуе инклузэ ын нумэрул функциилор фундаментале, есенциале але лимбий²².

Реферинду-се ла проблема функциилор лимбий, А. Мартине скрие принтре алтеле: «С'ар путя ворби де асеменя де о функции эстетикэ а лимбажулуй, каре ар фи греу де анализат, дат фининд градул ей ыналт де ынтрепэтрундере ку функция де комуникаре ши де експресиe»²³. Р. А. Будагов, сублининд кэ «орьче лимбэ натуралэ а омений есте май ынтый де тоате ун систем комуникатив, систем ку ажуторул кэруя оамений комуникэ уний ку алций», менционязэ, кэ оамений трансит ку ажуторул лимбий «сентиментеле ши трэириле, ынкынтаря ши уймиря, букурия ши неказул, каре ну тотдяуна урмэреск скопурь пур комуникативе»²⁴, лимба манифестынду-се астфел ши ку функция эстетикэ²⁵. Ворбинд деспре лимбажул поетик, Д. Н. Шмельов аратэ, кэ «функция эстетикэ а лимбий, кондиционатэ де ынсэшь натура са (субл. не апарцине — И. Е.), ынсоцеште неабэтут функция комуникативэ»²⁶. Кэч, дупэ кум менционязэ А. А. Уфимцева, «лимба сервеште ну нумай ка мижлок де куноаштере ши репрезентаре а универсулуй объектелор ши а универсулуй иденлор, еа есте легатэ де формаря ши транзитеря гындурилор, де екстериоризаря сентиментелор ши а диферителор интенций, асигурынды ын фелул ачеста сфера активитэций емоционале ши а кужетэрий вербале а омулуй»²⁷.

Адмицынд кэ реперториул функционал ал лимбий есте конституит дин трей функций есенциале, фундаментале²⁸, требуе сэ авем мереу ын ведере, кэ ачесте функций ничодатэ ну се манифестэ кыте уна сингурэ, чи акционязэ тоате ымпреунэ, ын блок, фэрэ а се путя диспенса уна де челелалте²⁹. Интенситатя манифестэрий лор, форца корелативэ а акциуний лор диферэ де ла каз ла каз ын депенденцэ де сфера де активитате сочиалэ ши де форма респективэ де конштиинцэ десервите де лимбэ.

Дупэ кум се штие, нуклеул активитэций эстетиче а омулуй ыл конституе арта ши токмай аич активитатя уманэ атинже чел май ыналт град ал эстетикуюлуй, девенинд активитате артистикэ³⁰.

²¹ Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981, с. 16.

²² Тот аколо, п. 17.

²³ Martinet A. Elemente de lingvistică generală. Buc., 1970, p. 27.

²⁴ Будагов Р. А. Эстетика языка.— Русская речь, 1975, № 4, с. 64.

²⁵ Тот аколо.

²⁶ Шмельов Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977, с. 162—163.

²⁷ Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974, с. 7.

²⁸ Пентру скопул пе каре ыл урмэрим аич ну аре нич о импортанцэ фантул кэ нумэрул ачестор функций ар путя фи 4, 5 ш. а. м. д.

²⁹ Аврорин В. А. Оп. чит., п. 44—45.

³⁰ Везь: Борева Ю. Эстетика, 3-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1981, с. 18 и сл.

Динтре тоате артеле литература есте уника ын каре ну авем де а фаче ку перчеперя немижлочитэ а имажиний обьективе, ын калитате де мижлок универсал де репродучере артистикэ а реалитэций фолосинду-се лимба. Ши дакэ литература есте о артэ вербалэ, ну е де мираре, кэ токмай аич функция естетикэ а лимбий ышь дезвэлуе дин плин потенцеле сале, ын челе май избути-те форме де манифестаре а са, дынд ла ивялэ каподопере немуритоаре, ын каре рефлектаря ши репродучера естетико-пластикэ а реалитэций ши експримаря ей артистикэ, естетикэ ышь гэсеск чя май десэвыршитэ ынtrupаре. Имажиня артистикэ есте категория фундаменталэ а оперей литераре ши ла фэуриря ей, ла материализаря есенцей сале екстралингвистиче скрииторул ну диспуне де алт материал афарэ де лимбэ. Ын литература артистикэ элементеле вербале ши имажиня се контопеск органик ынтр'ун тот унитар, каре поартэ денумиря де имажине вербалэ³¹.

Деши се консидерэ — ши ну фэрэ темей,— кэ «ын кяр база са кувынтул концине элементе але пластичитэций», кэ «ынсушь процесул историк де конституире а лимбий, каре инклуде ын сине трансферул трэсэтурилор симиларе де ла феномен ла феномен, а сатурат лимба ку перчеперя асочнативэ а лумий ши а прегэтит-о ын ведеря рефлектерий артистиче а реалитэций»³², лимба ышь екзерчитэ функция са естетикэ ну атыт даторитэ екзистенцей унуй потенциал оарекаре де мижлоаче пластиче (ку тоате кэ екзистенца унуй асеменя потенциал ну поате фи контестатэ), кыт даторитэ фапулул кэ орьче кувынт, орьче формэ а кувынтулул, орьче конструкие синтактикэ, нимеринд ын текстул оперей артистиче, ынтрэ ын рапортурь органиче ку ынтрегул систем имажистик ал оперей, девенинд астфел пластикэ ши кэпэтынды валорь естетиче. Астфел, дакэ «орьче пасаж ал оперей луй И. Крянгэ ши унеорь орьче фразэ ыл каптивязэ пе чититор прин фрумусеца експресиилор популяре ши а идиомелор, презенца кэроора конституе о трэсэтурэ карактеристикэ пентру стилул скрииторулул»³³, ынтр'о поезие постумэ а луй Михаил Еминеску — «Динтре суге де катарже»,— ын каре авем де а фаче ку плэзмуиря перфектэ а унуй таблоу згудунитор ал нереализэрий, ал унуй друм а кэруй цинтэ рэмыне неатинсэ ши де пе каре ну екзистэ посибилитате де ынтоарчере, репетэм: ын ачаствэ поезие поетул нич ну рекурже ла фондул пластик ал лимбий, нич ну актуализязэ потенце пластиче невалорификате ынкэ але кувинтелор. Компарэ:

*Динтре суге де катарже
Каре ласэ малуриле,
Кыте बारे ну ле-ор спарже
Вынтуриле, валуриле?*

³¹ Ковалевская Е. Г. Анализ текстов художественных произведений: Лекция. Л., 1976, с. 26.

³² Боров Ю. Оп. чит., п. 285.

³³ Семашко А. Ун аспект ал орижиналитэций стилулул луй И. Крянгэ.— Лимба ши литература молдовеняскэ, 1960, № 1, п. 40.

*Динтре пэсэрь кэлэтоаре
Че стрэбат пэмынтуриле,
Кыте-о сэ ле'нече оаре
Валуриле, вынтуриле?
Де-й гони фие норокул,
Фие идеалуриле,
Те урмязэ ын тот локул
Вынтуриле, валуриле.
Не'нцелес рэмыне гындул
Че-ць стрэбате кынтуриле,
Збоарэ вечник, ынгынынду-л,
Валуриле, вынтуриле.*

Ши ку тоате ачестя, даторитэ фолосирий мэестрите а унор кувинте динтре челе май обишнуите, «неалесе пе спрынчанэ», Еминеску обцине ефекте естетиче улуитоаре.

Валоаря естетикэ а стилулуй литературий артистиче рэмыне доминантэ кяр ши атунч, кынд ын кадрул уней опере артистиче, афарэ де функция естетикэ ши чя комуникативэ, есте актуализатэ ши функция когнитивэ. Ар путя фи читатэ ын сенсул ачеста поезия луй Андрей Лупан «Мажистрале», каре ын чуда елементелор вербале проприй куноаштерий штинцифиче, рэмыне ун модел де веритабилэ литературэ артистикэ.

Тотализынд челе де май сус ку привире ла трэсэтура фундаменталэ, диференциалэ а стилулуй литературий артистиче ка реалитате лингвистикэ, сублинием, кэ ачастэ трэсэтурэ констэ ын капачитатя луй де а актуализа ла максимум функция естетикэ-эмотивэ а лимбий, трансформынд-о ын челе дин урмэ ын функцие доминантэ.

СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Резюме

О стиле художественной литературы написано очень много и очень интересно, однако до сих пор нет общепринятого понимания его сущности; разные исследователи с разных теоретических позиций подходят и решают проблемы, относящиеся к его конститутивным признакам и к его своеобразному способу функционирования. Среди вызвавших много споров, но не решенных еще вопросов особое место занимает соотношение стиля художественной литературы с функциональной стилистикой, т. е. место стиля художественной литературы среди других функциональных стилей. Рассмотрению этого вопроса и посвящена данная статья.

Как включение стиля художественной литературы в систему функциональных стилей, так и его исключение из этой системы весьма часто ставится в прямую зависимость от того, можно ли считать, что и в данном случае коммуникативная функция является основной, первичной, существенной, а эстетическая — производной от коммуникативной, на которую она и накладывается. Именно наличие для всех функциональных стилей этого общего господствующего элемента — коммуникативной функции — позволяет многим исследовате-

лям говорить о соотносительности стиля художественной литературы с другими функциональными стилями.

В статье проводится и обосновывается мысль о том, что к решению данного вопроса можно подойти и с другой стороны — допустить, что система функциональных стилей образуется на совершенно другой основе, чем та, которая признается традицией, т. е. можно допустить, что языку свойственна не одна — коммуникативная, — а несколько основных, первичных, существенных функций — когнитивная, эмоционально-эстетическая и др., — которые реализуются одновременно, но с различной степенью интенсивности, что каждый из основных функциональных стилей характеризуется своей собственной, господствующей функцией, которая проявляет себя с особой силой и яркостью, в то время как остальные функции проявляют себя латентно, переходя как бы на второй план.

Известно, что из всех искусств литература является единственным искусством, которое не связано с непосредственным восприятием объективного образа, а в качестве универсального средства художественного воспроизведения действительно использует язык. И если литература является словесным искусством, то не удивительно, что именно здесь эстетическая функция языка наиболее полно и ярко проявляет свои потенции. Художественные образы являются основными категориями художественного произведения и для их создания, для материализации их внеязыковой сущности писатель располагает единственным материалом — языком. Поэтому в художественной литературе речевые элементы и образ органически сливаются в нечто целое, в то, что составляет словесный образ. Следовательно, язык в художественных произведениях проявляет свою эстетическую функцию благодаря не столько наличию в нем определенного арсенала изобразительных, образных средств, сколько тому, что, попадая в текст художественного произведения, каждое слово, каждая синтаксическая конструкция сразу же вступает в органическую связь со всей образной и идейно-художественной системой произведения. В качестве примера можно привести стихотворение М. Эминеску «Снова мачты покидают...». Здесь поэт создает исключительную по своему совершенству картину неосуществленной цели. Однако в этом стихотворении поэт не воспользовался ни одним образным речевым элементом и не прибег также к актуализации не выявленных еще образно-изобразительных возможностей речевых элементов.

Эстетическая функция стиля художественной литературы остается господствующей и тогда, когда в художественном произведении помимо эстетической актуализируется и когнитивная функция. Примером может служить стихотворение А. Лупана «Мажистралэ», которое, несмотря на насыщенность речевыми элементами, свойственными стилю научной литературы, остается образцом настоящей художественной литературы.

Таким образом, основная, существенная особенность стиля художественной литературы сводится к его способности максимально актуализировать эмоционально-эстетическую функцию языка, превращая ее в конечном итоге в господствующую.

СТИЛУЛ ПУБЛИЦИСТИК ШИ РОЛУЛ ЛУЙ ЫН ПРОЧЕСУЛ ДЕ ДИФЕРЕНЦИЕРЕ ФУНКЦИОНАЛ-СТИЛИСТИКЭ А ЛИМБИЙ МОЛДОВЕНЕШТЬ

1. Студия лимбий национале суб аспектул диференциерий функционал-стилистиче конституе ын презент уна дин преокупэриле перманенте але лингвистицилор. Ын челе че вор урма се фаче о ынчеркаре де а стабилитэ анумите принципий ши критерий че ар ста ла база студийерий ши интерпретэрий стилулуй публи-

чистик ка о унитате а системулуй стилистик ал лимбий молдовенешть.

Премиза принципалэ, де ла каре порним, констэ ын кончеперя лимбий национале ка ун тот ынтрег ку май мулте стратификэрь функционале, каре не пермит сэ ворбим деспре ун систем функционал — стилистик. Интерпретынд структура лимбий ка пе «ун систем ал системелор», акад. В. В. Виноградов консидера стилул функционал дрепт ун систем партикулар (сау субсистем), че се ынкorporязэ ын системул женерал ал лимбий¹.

А доуа премизэ о конституе фапул кэ стабилиря ши консолидаря унуй стил ын системул стилурилор функционале есте ун феномен обьектив, диктат де нечеситэциле комуникэрий, де активитатя мембрилор сочиетэций ынтр'ун домениу сау алтул, адикэ е кондиционат де ынсэшь реалитатя ынконжурэтоаре. Анумите домений де активитате практикэ, анумите ситуаций пресупун ши о ануमितэ селекцие ши ымбинаре а елементелор лимбий, ын скопул асигурэрий уней ефичиенце максиме а комуникэрий².

Прин урмаре, стилул функционал ка унитате фундаменталэ а системулуй стилистик ал уней лимбь аре ка базэ обьективэ атыт функция конкретэ а унуй ансамблу лингвистик дат, кыт ши оserie де алць факторь де натурэ сочиалэ³.

Ын линий марь, системул стилистик ын женерал ни се презинтэ ка о унитате изоморфэ ку чя а системулуй лимбий. Деосебириле динтре системеле стилистиче функционале ши системул комплекс ал лимбий требуе кэутате ын позиция ши иерархия елементелор лор конститутиве, феномене кондиционате, ла рындул лор, де факторь де натурэ лингвистикэ ши екстралингвистикэ⁴.

Черчетэтоаря М. Н. Кожина ын лукраря «К основаниям функциональной стилистики» афирмэ: «Консидерынд стилул функционал дрепт ун феномен сочиал, рекуноаштем специфиче пентру ел трэсэтуриле, кондиционате де факторь пур сочиаль (ши ну индивидуаль), ши, май ынтый де тоате, ын калитате де базэ пентру евиденциеря спецификалул лингвистик ал стилулуй се импуне унитатя де акум индикатэ (модул де активитате, кэруя ый кореспунде о ануमितэ формэ де конштиинцэ сочиалэ ши «каре формаэ» о ануमितэ сферэ де комуникаре, скопул комуникэрий сау функция конкретэ, че женерязэ стилул, прекум ши «типул» де гындице)»⁵. Ун лок апарте ын дефинирия стилулуй функционал

¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 201.

² Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1967, с. 43—44.

³ Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977, с. 56—57.

⁴ Швец А. В. Публицистический стиль современного русского литературного языка. Киев. 1979, с. 20.

⁵ Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968, с. 198—199.

ыл окупэ рапортул луй ку диферителе форме де екзистенцэ а лимбий (лимбэ литерарэ, лимбаж ворбит, грай, жаргон).

Прин урмаре, стилул функционал ну есте алтчева декыт лимба, кэрея и се атрибуе о дестинацие специалэ, адикэ лимба ын уз, ын акциуне.

2. Ши де аич, стилул публичистик ын етапа актуалэ се презентэ ка о тоталитате, ун ансамблу де селектаре, де ымбинаре ши де утилизаре а анумителор мижлоаче лингвистиче, фолосите де о анумитэ категории де ворбиторь (зиаришть, скрииторь-публичишть, кореспонденць) ын скопул куноаштерий ши интерпретэрий експериенцей сочиале, базате пе методоложия марксист-ленинистэ, ын ведеря уней активизэрь максиме а чититорулуй, а колективулуй, а ынтрежий сочиетэць, ын кореспундере ку лежילה объективе куноските але дезволтэрий сочиале⁶.

В. И. Ленин консидера, кэ сарчина принципалэ а публичистичий констэ ын «а скрие история контемпоранеитэций»⁷. «Преса ноастрэ, фиинд о експресиe а опинией публиче, ун пропагандист колектив, ажитатор ши организатор ал маселор, екзерчитэ о инфлуенцэ путерникэ асупра ынтрежий вещь а цэрий, асупра формэрий концепцией ноастре ши атитудиний ноастре фацэ де анумите феномене ши евенименте»⁸.

Публичистика, ын фонд, антренынд ын дискущие интерлокуторий сэй, адикэ маселе ларжь де чититорь, пресупуне ши о анумитэ атитудине а лор фацэ де челе релатате ын пресэ. Ын аша фел, ачест домениу комплекс де активитате политико-идеоложикэ екзерчитэ о инфлуенцэ перманентэ асупра вещей сочиале, асупра чититорулуй, ын скопул формэрий опинией публиче, а конштиинцей сочиале⁹.

3. Ла евиденциеря трэсэтурилор иманенте але стилулуй публичистик требуе сэ се цинэ конт де фаптул кэ ын кадрул луй путем дистинже доуэ рамификаций стилистиче: публичистика ын вариантэ скрисэ, аша кум о гэсим ын зиаре ши ревисте суб формэ де женурь публичистиче, каре купринд информаций ши коментарий реферитор ла диферите фапте ши евенименте дин реалитатя ынконжурэтоаре, ши варианта нескрисэ сау оралэ, сусцинутэ, ын принципу, ла радио ши телевизиуне — мижлоаче де информаре ын масе.

Амындоуэ ачесте variante але стилулуй публичистик инклюд ши чея че нумим публичистикэ артистикэ, сарчина ей фиинд ачеш — де а рефлекта челе май актуале ши мажоре проблеме сочиал-политиче, економиче ши културале, ын ведеря пропагэрий лор. Уний черчетэторь консидерэ, кэ деосебиря динтре

⁶ Черепанов М. С. Проблемы теории и публицистики. М., 1971, с. 111.

⁷ В. И. Ленин. Зиле революционаре.—Опере комплете, вол. 9, п. 234.

⁸ Швец А. В. Оп. чит., п. 65.

⁹ Комаровский П. Стилул публичистик ын системул стилурилор функционале.—Ын: Проблема де стилистикэ ши теорие а традучерий. Кишинэу, 1972, п. 10.

ачесте вариетэць але стилулуй публичистик требуе кэутатэ ын екзистенца диферителор форме але имажиний ши а диверселор мижлоаче лингвостилистиче, антрenate ла реализаря ей. Се консидерэ кэ, дакэ ын примул каз авем де а фаче ку о тоталитате де елементе ши прочедее, че трансмит о информациие обишнуитэ, ла база кэрея стэ имажиня семантикэ, апой ын чел де ал дойля каз, май авем пе де асупра ши о серие де елементе ши прочедее, че трансмит о комуникаре естетикэ¹⁰.

Де фапт, о делимитаре атыт де стриктэ а диверселор форме але имажиний, че карактеризязэ фиекаре динтре ачесте вариетэць стилистиче, ну поате фи акцептатэ ын ынтрежме, деоарече амбеле компартименте але стилулуй публичистик «дескриу, експликэ, демонстразэ, конвинг, се адресязэ ын егалэ мэсурэ рациуний ши симцурило, ымбинэ ложикул ку емотивул, експун евенименте ши фапте, редынд апречиеря лор субъектив-афективэ»¹¹. Ворба е, кэ ын казул вариантэй скрисе челе енунцате ау май мулт ун карактер комуникатив-информатив, ын тимп че варианта нескрисэ валорификэ ынтр'ун град май авансат посибилитэциле експреси-ве але кувинтелор, функцииле лор естетиче.

Ын челе че урмязэ не вом рефери, май алес, ла прима вариетате а стилулуй публичистик (чя де газетэ), ын каре сынт атес-тате челе май пронунцате трэсэтурь специфиче де натурэ лексикалэ ши граматикалэ, че аргументязэ екзистенца унуй стил апарте — чел публичистик — ын системул стилурило функционале але лимбий молдовенешть.

4. Ын етапа актуалэ о черчетаре комплексэ а стилулуй публичистик ну поате фи ынфэптуитэ фэрэ а се цине конт де екзистенца ын кадрул луй а май мултор женурь ши спечий, дифференциеря кэзора е женератэ де анумите партикуларитэць лингвостилистиче специфиче пентру фиекаре дин еле. Дупэ кум афирмэ В. А. Алексеев, нумай дупэ детерминаря сферей де ынтребуинца-ре ши дупэ дефинирия женурило проприй стилулуй публичистик, поате фи резолватэ ку сукчес ши проблема привинд трэсэтуриле лингвистиче карактеристиче ачестуй стил¹². «Дезволтаря стилулуй публичистик, — менционязэ О. Б. Сиротинина, — се манифестэ, май ынтый де тоате, ын формаря ноило, женурь, чей че се афлэ ын стрынсэ легэтурэ ку феноменеле социале»¹³. Ши ынтр'адевэр, дифференциеря ши дезволтаря женурило стилулуй публичистик аре ла базэ анумиць факторь социаль, принтре каре ам путя ремарка: 1) скимбаря ши реынноиря черкурило де чититорь ын урма прочесулуй интенс де културализаре а маселор, каре а авут лок

¹⁰ Комаровский П. Оп. чит., п. 16.

¹¹ Думеник И. З., Маткаш Н. Г. Ынтродучере ын лингвистикэ. Кишинэу, 1980, п. 172—173.

¹² Алексеев В. А. О некоторых особенностях публицистического функционального стиля. — В кн.: Проблемы журналистики. Вып. 2. Изд. ЛГУ, 1973, с. 20.

¹³ Сиротинина О. Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики. — В кн.: Развитие функциональных стилей русского языка. М., 1968, с. 121.

дупэ Маря Револуције Социалистэ дин Октомбрие ши, де аич, скимбаря релациилор динтре аутор ши чититор; 2) реынноиря ши комплектаря черкуруилор де ауторь, че публикэ ын пажиниле пресей периодиче. Дакэ ла ынчепутуриле дезволтэрий пресей ноастре ын зиаре путяу фи ынтылните нумай нумеле скриитори-лор-публичишь ши але зиариштилор консакраць, апой ын презент нумэрул кореспонденцилор титуларь ши нетитуларь с'а мэрит консидерабил пе сама ауторилор, вениць дин рындуриле чититорилор ыншишь, дин рындуриле специалиштилор че активязэ ын челе май диверсе домений але вещей социал-економиче ши културале; 3) апарияция унор ной сарчинь коммуникатив-функционале, че стау ын фаца пресей советиче¹⁴. Диверситатя женурилор публичистиче, прин урмаре, се афлэ ын депенденцэ директэ де сарчиниле, концинутул ши функция фиекэруя дин еле. Астфел, штиря «требуе сэ комуниче деспре фаптул ка атаре, кореспонденца — сэ дезвэлуе концинутуллуй, яр артиколул — сэ кужете деспре фаптеле ши феноменеле реалитэций, репортажул — сэ креезе ун таблоу виу ал фаптелор ши феноменелор»¹⁵. Прин урмаре, фиекаре динтре женуриле публичистиче куноскуте поседэ мижлоаче лингвистиче ши прочедее стилистиче специфиче. Артиколул де проблемэ, де екземплу, скица, фойлетонул, памфлетул, таблета, авынд о функции коментативэ, диспун де посибилитэць май ларжь ын чея че привеште манифестаря индивидуалитэций ауторулуй, фолосинд ку предилекции прочедее ши мижлоаче че цин, ын темей, де стилул литературий артистиче. Оserie де алте женурь гэзетэрешть, кум сынт: информация, кроника, нота, интервиул, репортажул, фиинд оарекум рефрактаре ла прочедееле стилулуй белетристич, се карактеризязэ прин ану-мите афинитэць ку стилул административ¹⁶.

Аша дар, функция конкретэ ши ануите кондиций ку характер социоложик пронунцат детерминэ принципиале, че стау ла база селектэрий ши утилизерий ресурселор експресиве але лимбий, ши деч диверситатя женурилор публичистиче¹⁷.

Ку тоате ачестя, ынтре женуриле ши спечииле стилулуй публичистик ну пот фи трасе линий черте де демаркации, дат фиинд фаптул кэ ын ануите антураже деосебириле динтре еле сынт конвенционале. Женуриле публичистиче (ка ши челе але литературий артистиче) коекзистэ, се кондиционязэ речипрок ши се афлэ ынтр'о интеракциуне перманентэ, ын сенсул кэ еле се апропие, унеорь ын мод вэдит, атыт ын чея че привеште калитэциле, прочедееле лор специфиче, кыт ши ын чея че привеште утилизаря ресурселор експресиве але лимбий. «Ын кореспонденцэ, де екзем-

¹⁴ Сиротинина О. Б. Оп. чит., п. 105—106.

¹⁵ Женуриле пресей советиче. Кишинэу, 1970, п. 4.

¹⁶ Капитале дин история лимбий литераре молдовенешть / Суб ред. луй Н. Г. Корлэтяну, Ф. С. Котелник, И. И. Ецко. Кишинэу, 1972, п. 238.

¹⁷ Солганик Г. Я. О языке газеты (история изучения, методика, проблемы и задачи). — Вестник Моск. ун-та. Сер. журналистика, 1967, с. 54.

плу, гэсим фоарте дес калитэць але артиколулуй, скицей, фойлетонулуй, деши еа (кореспонденца) се афлэ ка жэн ундева ынтре информации ши артикол. Ын информации гэсим елементе, карактеристиче крокиулуй, кореспонденцей, репортажулуй; ын артикол ынтылним елементе карактеристиче кореспонденцей, речензией, памфлетулуй ши алтор жёнурь»¹⁸.

Деши ын ултимул тимп е дестул де вэдитэ тендинца де ынтрепэтрундере ши интерференцэ а жёнурилор, ну требуе, тотуш, неглижате прочедееле ши партикуларитэциле спечифиче, че цин де фиёкаре жён, кум се ынтымплэ де мулте орь ын преса ноастрэ периодикэ. Ын легэтурэ ку ачаста, публичистул М. И. Чиботару, ынтр'ун артикол публикат ын реви́ста «Нистру», менциона, пе бунэ дрептате: «Ын ынчеркэриле публичистиче дин периодичеле ноастре с'ау контопит тоате жёнуриле. Бунзоарэ, ынтр'о релатаре деспре вяца уней ферме ынтылним лаолалтэ ши елементе ку карактер информатив, ши фрынтурь де скицэ, рефлексий есенстиче, диалогурь де роман, конклузий дидактиче ш. а. Тот аша се ынтымплэ, кынд экспунеря е фэкутэ пе база фаптелор дин домениул конструкцией, индустрией, културий. Де-й репортаж, скицэ орь кореспонденцэ, прочедеул е ачелаш... Скриериле де каре ворбим сынт ун фел де газетэрие, каре поартэ ун сингур нуме: материале»¹⁹.

Ынтр'адевэр, ын преса ноастрэ ну сынт пущине казуриле кынд кореспонденца, репортажул сынт скрисе ын ачелаш мод ка ши артиколул де фонд, сау инверс.

Десигур, ну пот фи рекомандате анумите «рецете», реферитоаре ла лимба ши стилул репортажулуй, ал кореспонденцей сау ал артиколулуй. Ку тоате ачестя, ауторий-публичисть требуе сэ цинэ конт де фапул кэ диверситатя жёнурилор констэ ну нумай ын диверситатя фаптелор ши проблемелор тратате ынтр'ун материал сау алтул, дар ши ын вариетатя прочедеелор ши а партикуларитэцилор лингвистиче ши стилистиче, антрэнате ын рефлектаря лор.

5. Партикуларитэциле стилулуй публичистик ну пот фи скоасе ын евиденцэ ын тоатэ комплекситатя лор, фэрэ а цине сама де куноскута тезэ, конформ кэрея стилириле функционале, ын жёнерал, ши стилул публичистик, ын спечнал, ну формязэ системе ши субсистеме ынкисе, ну сынт изолате унул де алтул, чи се афлэ ын прочес де интеракциуне ши ынтрепэтрундере континуэ²⁰, еле адмицынд атыт пэтрундерея ши ынкорпораря ын кадрул лор а унор унитэць лингвостилистиче ной, кыт ши реструктураря унора динтре челе екзистенте. Ынтрепэтрундерея ши интеракциуня стилирилор функционале есте ун прочес дестул де актив, каре се манифестэ атыт прин утилизаря унитэцилор комуне пентру

¹⁸ Жёнуриле пресей советиче..., п. 5.

¹⁹ Чиботару М. И. Динколо де кувынт.— Нистру, 1980, № 1, п. 92.

²⁰ Ильяшенко Т. П. Языковые контакты (На материале славяно-молдавских отношений). М., 1970, с. 35.

тоате стилуриле, адикэ а элементелор че фак парте дин аша-нумитул вокабулар интерстилистик, прекум ши прин посибилитатя де а транспуне динтр'ун стил ын алтул унеле елементе специфиче, че компортэ нуанце експресиве.

Е штиут, кэ реферинду-не ла ун стил апарте, ну путем кэута стратурь лексикалэ, мижлоаче де експримаре ши прочедее абсолут диференцияте, проприй нумай стилулуй дат. Авем о серие де елементе (май алес, де натурэ лексикалэ ши синтактикэ), каре, супунынду-се май ушор скимбэрилор ши модификэрилор де диферит ордин, пресупун тододатэ ши о флуктуацие стилистикэ май пронунцатэ.

Ку алте кувинте, трэсэтуриле диференциале але стилурилор ау ун карактер мобил, еле ушор путынд фи транспусе динтр'ун стил ын алтул, ын депенденцэ де функция лор конкретэ ши ын конкорданцэ ку скопул урмэрит де кэтре емицэтор²¹.

О асемения ынтрэпэтрундере ши интерференцэ а стилурилор ышь гэсеште експресие ануме ын варианта де газетэ а стилулуй публичистик. Май мулт кяр. Путем спуне, кэ ачаста есте уна дин партикуларитэциле лимбий ши стилулуй газетей. Екзистэ кяр о пэ-рере, конформ кэрея стилул публичистик ымбинэ органик атыт елементе лексикале неутре дин вокабуларул интерстилистик, формуле карактеристиче пентру стилул официал-административ, кыт ши о серие де елементе, че апарцин ку предилекциие стилулуй штиинцифик, прекум ши унеле кувинте ши експресий дин стилул ворбирий орале. Обсервэм, деч, ын газетэ о симбиозэ а элементелор, че цин де стратурь функционале диферите²². О атаре ситуацие се менцине, датэ фиинд атыт вариетатя де проблеме дискутате ын пресэ, кыт ши нумэрул консидерабил де ауторь, каре апар ын пажиниле ей. Астфел, ын артиколул де фонд констатэм о оможепитате де стил, аич пэтрунзынд ынтр'о мэсурэ май редусэ елементе дин алте стилурь. Артиколул де проблемэ, ынсэ, аре танженце ку стилул штиинцифик, деоарече ын ачесте materiale пэтрунд фоарте дес о мулциме де терминь дин диферите домений але штиинцей (ын депенденцэ, десигур, де проблемеле абордате). Женуриле публичистичий артистиче (скица публичистикэ, памфлетул, фойлетонул), авынд сарчина де а рефлекта артистик ануите фапте, ситуаций, персонаже конкрете, луате дин реалитате, концин о серие де елементе, карактеристиче пентру стилул литературний артистиче.

Атражем атенция асупра фапулулуй кэ, деши зиарул де астэзы купринде, пе де о парте, materiale ку карактер публичистик, яр пе де алта — артиколе штиинцифиче, букэзы литераре ш. а., ну путем тэгэдуи, тотуш, унитатя ши индивидуалитатя стилулуй публичистик ын системул стилурилор функционале, ачаста фиинд дестерминатэ, ын маре мэсурэ, дупэ кум с'а акцентуат, де функция,

²¹ Солганик Г. Я. Оп. чит., п. 54.

²² Костомаров В. Г. Стилистические «смещения» в языке газеты. — Вопросы культуры речи. М., 1967, № 8., с. 18.

де импортанца луй ын прочесул де трансмитере а информацией ши де акциуне асупра чититорулуй. Ын афарэ де ачаста, пе база челор сусцинуте май сус, се поате афирма, кэ системул стилури-лор функционале але лимбий молдовенешть есте супус, ын мод обьектив, пресиуний а доуэ тендинце контраре: тендинца де специализаре а элементелор лингвистиче фолосите, адикэ де дифференциаре а стилурило-р ши чя де неутрализаре а мижлоачелор де експримаре, адикэ де оможенizare а стилурило-р²³. Ачаста есте уна дин премизеле де базэ, каре женерязэ скимбэрь калитативе ши калитативе ну нумай ынтр'ун систем функционал-стилистик, кум ар фи чел ал стилулуй публичистик, дар пресупуне ши еволюция лимбий ын женерал.

6. Ворбинд деспре ынтрeпэтрундеря ши интерференца стилу-рило-р ка ун имболд, ун фактор де базэ ын дезволтаря ши функционаря стилулуй публичистик, ну путем трече ку ведеря ши ун момент ну май пущин импортант пентру евиденциеря партикуларитэцило-р ачестуй аспект стилистик, кум есте интеракциуня лимбилор. Ор, ын ситуации де билингвизм, интерференца лингвистикэ аре о ынсемнэтата дефиниториe ын конституиря ши дезволтаря системулуй уней лимбь. Ын монография «Языковые контакты» Т. П. Ильяшенко афирмэ: «...контактеле динтре лимбь се презинтэ ка о базэ теоретикэ ла экзаминаря прочеселор дезволтэрий лимбий молдовенешть»²⁴.

Ын системул лимбий стилул публичистик конституе чел май фаворабил терен, унде се манифестэ дестул де евидент прочесул де интерференцэ а лимбилор²⁵. Ын кондицииле ноастре, ын чeя че привеште прочесул де интеракциуне а лимбилор, позиция принципалэ о дещине интерференца ку лимба русэ. О serie де елементе лингвистиче, че цин де диферите нивелурь, каре ау пэтрунс ши континуэ сэ пэтрундэ ын системул лимбий молдовенешть прин филиера лимбий русе суб формэ де ымпруматурь сау суб формэ де калкурь лингвистиче, сынт ынрежистрате пентру прима оарэ ын стилул публичистик. Реферинду-се ла ачесте моменте, А. М. Дырул менционязэ: «Мажоритатя иновацило-р... се ынтыл-неск, май алес, ын стилул пресей, ануме аич, де регулэ, се ынре-жистрязэ пентру прима датэ астфел де скимбэрь. Деачея лимба пресей требуе сэ стее ла база черчетэрило-р ын ведеря стабили-рий унор тендинце де апропиере динтре лимбиле контактанте»²⁶. Астфел, о serie де терминь социал-политичь (*партинитате, актив, бироу, депутат* ш. а.), технико-штиннифичь (*аутоматизаре, мека-*

²³ Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса).— В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968, с. 8.

²⁴ Ильяшенко Т. П. Оп. чит., п. 6.

²⁵ Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, с. 10.

²⁶ Дырул А. М. Унеле консидаций привинд инфлуенца лимбий русе асупра лимбий молдовенешть ла етапа актуалэ.— Ын: Восточно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1967, с. 80.

низаре, аселенизаре, спутник ш. а.), оserie де ымбинэрь стабиле ши експресий фразеоложиче (*приетения попоарелор, бунэстаре материалэ, республикэ-сорэ, фанион трансмисибил, вахтэ де мункэ, бригадэ де мункэ комунистэ ш. а.*), формате пе база моделелор дин лимба русэ, пот фи атестаць май ынтый ын пресэ. Тоате ачесте феномене пот фи луате ын консидарация ла черчетаря ши студиеря стилулуй публичистик ка унитате апартэ ын системул стилуригор функционале. Ши май мулт. Унеле иноваций че вин сэ конкурезе ку елементеле лингвистиче екзистенте, унеле тенденце, каре ау лок ын лимба ноастрэ, ын легэтурэ ку инфлуенца лимбий русе, пот фи трекуте дрепт трэсэтурь дифференциале але стилулуй публичистик.

7. Ун алт момент импортант ыл конституе корелация динтре тоталитатя мижлоачелор лингвистиче але стилулуй публичистик ши арсеналул лимбий ворбите, елементеле кэрея ын етапа актуалэ сынт дестул де фреквенте ын пажиниле пресей. Черчетэторул В. Г. Костомаров, реферинду-се ла лимба русэ, констатэ, пе бунэ дрептате, кэ лимба вие а попорулуй, конституинд унул дин извоареле несекате де ымбогэцире а стилулуй публичистик, есте ун импулс ын прогресул лимбий²⁷.

Пэтрундеря ши адаптаря унор елементе, че-шь ау орижиня ын тезаурул лимбий ворбите, ын стилул публичистик есте ун прочес диктат, де асеменя, де анумиць факторь сочиаль. Е vorba де релацииле че се стабилеск ынтре ауторий публикациилор периодиче ши маселе ларжь де чититорь. Астфел, пе де о парте, фиекаре знарист ши публичист, фиинд конштиент де сарчиниле, де функция пе каре о аре преса, ва скрие неапэрат ынтр'о лимбэ симплэ, акчесибилэ тутурур чититорилюр. В. И. Ленин, ын опереле кэруя стилул публичистик атинже ынэлцимь уймигоаре, афирмэ, кэ «...мембрий унуй партид сочиалист милитант требуе ын лукрэриле лор штинцифиче сэ ну-л пярдэ дин ведере пе чититорул-мунчитор, требуе сэ се стрэдуяскэ сэ скрие *симплу*, фэрэ артифиций де стил, фэрэ ачеле семне екстерноаре де «ерудичие», каре ый каптивязэ атыт де мулт пе декаденць ши пе репрезентанций ку ыналте титлурь ай штинцей официале»²⁸.

Л. И. Брежнев сублиния: «Требуе сэ не фачем о регулэ де а ворби ку оамений ынтр'ун лимбаж симплу ши пе ынцелесул тутурур, синчер ши ку темей. Е тимпул сэ лэсэм ла о парте кувинтеле помпоасе, клишееле функционэрешть ши репетэриле механиче. Требуе сэ не обихнуим а скрие, пунынд ын фиекаре фразэ ун гынд персонал, виу, проприиле ноастре сентименте»²⁹.

²⁷ Костомаров В. Г. Разговорные элементы в языке газеты.— В кн.: Русская речь. М., 1967, № 5, с. 48.

²⁸ Ленин В. И. Проблема аграрэ ши «Критичий луй Маркс».— Опере комплекта, вол. 5, п. 165.

²⁹ «Правда», 1 апреля, 1980, с. 2.

Пе де алтэ парте, дупэ кум с'а констатат чева май сус, ын зилеле ноастре фиекаре четэцан, че активязэ ын диферите рамуры але економией национале, поате сэ девинэ аутор ал унор материале интересанте; десигур кэ ын еле се вор фолоси фоарте мулте елементе дин лимба ворбитэ.

Ынтребуинцате адекват, елементеле дин ворбиря оралә ый импримэ газетей ун карактер де дискущие фиряскэ, ый атрибуе о ануимтэ пунтере де конвинжэре. Ын фелул ачеста, газета реушеште сэ-шь ындеплиняскэ ку сукчес функцииле сале де пропагандист де масэ, концинутул ей фиинд ушор кончепут де кэтре чититорь³⁰.

О сумарэ тречере ын ревистэ а текстелор де газетэ есте суфициентэ пентру а не демонстра, кэ унитэциле лимбий ворбите пот фи атестате ын стилул публичистик ла тоате нивелуриле ши ын тоате женуриле луй, кяр ши ын артиколул де фонд, ши ын материалеле ку карактер информатив. Де екземплу:

Тотодатэ, церкуриле гувернанте але Стателор Уните ымпреунэ ку пропаганда бургезэ ынчаркэ сэ спекулезе евениментеле дин Афганистан. Еле грэмэдеск мормане де минчунь, пентру а камуфла рэспундеря не каре о поартэ пентру аграваря симцитоаре а ситуацией интернационале. (ТМ, 13-II-80, п. 4)*

Де алтфел, зиариштий ноштри унеорь утилиязэ элементе але лимбий ворбите ку скопул де а ушура ынцележеря челор комуникате, алтеорь, ынсэ, ку скопул де а мэри градул де експресивитате ал челор експусе (май алес, кынд е vorba де фолосиря диалектизмелор).

Чине ешь, солдатуле некуноскут?

Поате ешь фррателе мамей меле, мошу меу, Марку Лунгу, каре ын '44 а плекат, не аскунс, ка сэ ну-л зэпсяскэ душманул, каре ынкэ май требэлуя не пэмынтул ностру. (ЛА, 1-V-80, п. 3). п. 3)*.

Алтфел ворбинд, дакэ ць-ай конструит о касэ ку супрафаца де 150 м², ынсямнэ, кэ ай «хыштит» материал ынкэ пентру о касэ... (ЛА, 29-V-80, п. 7)

Ын цесэтура стилулуй публичистик пэтрунд фоарте мулте ымбинэрэ стабиле ши експресий фразеоложиче. Де обичей, еле импримэ челор релатате ной калитэць естетико-емотиве:

Ку атыт май мулт се симт ын повесте ын элементул лор фяре-ле, каре, ын тоате басмеле, ажунг сэ фие май де трябэ декыт оаменый, адоптынду-ле морала, оферинд ун екземплу де женерозитате. (ЛА, 29-V-80, п. 5)

Е маре рэспундеря де а дирижа акциуниле челор 20 де оамень. Дар, кум спуне о ворбэ де а ноастрэ: ынчетул ку ынчетул се фаче оцетул. (ТМ, 26-III-80, п. 1)

³⁰ Костомаров В. Г. Разговорные элементы..., с. 53.

* Абревиуриле фолосите: КГС — Кишинэу. Газета де сарэ; МС — Молдова Социалистэ; Т — Трибуна; ТМ — Тинеримя Молдовой; ЛА — Литература ши арта.

Ын аша фел, критерииле естетиче контрибуе де мулте орь ла алежеря экспресиилор дин ворбиря оралэ.

Тот дин лимба ворбитэ вин ши конструкцииле интерогативе, утилизате фоарте дес ын пресэ ын ултимул тимп:

Ын че констэ секретул сукчесулуй? *Е о ынтребаре баналэ, де-сигур. Ши, тотуш, сынтеи куриошь де а-й афла рэспунсул.* (ТМ, 26-III-80, п. 1).

Фолосинд асеменя конструкций, ауторул реушеште сэ обцине ун контакт директ ку чититорул, консидерынду-л интерлокутор ал сэу.

Пе де алтэ парте, поате фи обсерват ши ун прочес инверс: оserie де елементе ши формуле, каре апарцин ку предилекциие стилулуй публичистик, ышь лэржеск теренул узуал ши, женерализынду-се, пэтрунд ын лимбажул ворбирий курунте. Не лимитэм ла ыншиаря кыторва динтре еле, фэрэ а ле комента: *колхоз, совхоз, комитет, актив, ударник, фрунташ ын продукции, БАМ* ш. а.

8. Ла черчетаря ши анализа стилулуй публичистик требуе сэ порним де ла тексте, де ла фапте лингвистиче, карактеристиче уней ануимите етапе де дезволтарэ а лимбий. Алтфел спус, ла евиденциеря трэсутирилор иманенте але ачестуй стил се импуне, май ынтый, о анализэ синхроникэ. Стилул публичистик, ынсэ, луат ка о парте интегрантэ а системулуй лимбий ын функциуне, требуе черчетат, ын ултимэ инстанцэ, ши диакроник, цинынду-се сама де тречеря унитэцилор луй де ла о старе ла алта, де конексиуня елементелор луй — атыт ын старе актуалэ, кыт ши ын еволюции³¹.

Стилул публичистик, евидент, есте о категория историкэ, ел афлынду-се ынтр'о перманентэ мишкаре, ын еволюции. Де ла ынчепутириле сале (элементе де стил публичистик сынт атестате, дупэ кум се штие, ынкэ ын скриериле дин секолеле XVII—XVIII) ши пынэ ын презент ел трече де ла о трыптэ ла алта, ымбогэцинду-се ши перфекционынду-се ынконтинуу. Се поате ворби, деч, деспре о ануимитэ мобилитате а стилурилор ын женерал, ши а стилулуй публичистик, ын специал.

Ын еволюция стилулуй публичистик пот фи констатате доуэ дирекций принчипале: е ворба, пе де о парте, де дезволтаря историкэ а женурилор луй ын комплекситатя лор, яр, пе де алта, де еволюция кантитативэ ши калитативэ а прочедеелор ши мижлоачелор лингвистиче, ку каре сынт реализате еле. Еволюция ачестора дин урмэ се манифестэ прин урмэтоареле тендинце: 1) форма-ря унор елементе лексико-фразеоложиче ши а унор конструкций синтактиче ной; 2) ымбогэциря ши комплектаря мижлоачелор лингвистиче ши стилистико-экспрессиве екзистенте ку унеле май десэвыршителие прин интермедиул ымпрумутилуи ши интенсификэ-

³¹ Капитале дин история лимбий молдовенешть..., п. 229—233.

рий прочесулуй де калкиере а унор модели дин алте лимбь; ши 3) активизаря унор стратурь лингвистиче екзистенте³².

9. Динтре тоате компартиментеле лимбий (фонетика, лексикул, морфоложия ши синтакса) чел май мулт пот фи супусе модификэрилор, каузате де факторь де натурэ лингвистикэ ши экстралингвистикэ, лексикул ши синтакса. Ши ануме стилул публичистик «...не фурниязэ ун вариат ши богат материал лексикал ши синтактик, каре оглиндеште мариле скимбэрь ын активитатя де продучере, ын вяца обштяскэ ши политикэ, авынтул ши дезволтаря економией, техничий ши културый попурулуй молдовенеск»³³.

10. Реешинд дин тезеле експусе май сус ши реферинду-не немижлочит ла нивелул лексико-фразеоложик, ам путя скоате ын евиденцэ урмэтоареле трэсэтурь дифференциале але стилулуй публичистик:

а) комплектаря ши ымбогэциря терминологийей сочиал-политиче, технико-штинцифиче ши агриколе ку ной терминь, динтре каре уний конституте формаций лингвистиче проприй, яр алций пэтрунд ын цесэтура стилулуй публичистик, пе каля ымпрумутулуй сау а калкиерий моделелор симиларе дин алте лимбь (*тратат, тратативе, комуникат, интеркосмос, колектив, комплекс, прогрес, астронаут, програмист* ш. а.);

б) ын пажиниле зиарелор ноастре се обсервэ ун афлукс вэдит де абрениерь — прочес кондиционат, де асеменя, де интенсификаря ритмулуй вещей ши де фолосиря унор мижлоаче де комуникаре ка телефонул, телеграфул, стенография ш. а., каре пресупун о економие ын лимбэ (*АТЕМ, ОНУ, РПУ, БАМ, ЮНЕСКО, Госплан, «Инждорстрой», «Молдсельхозтехника», «Молдкниготорг»* ш. а.);

в) тот ын пажиниле пресей периодиче поате фи атестат ши ун алт феномен дестул де импортант пентру прогресул лимбий, кум есте модификаря семантикэ а кувинтелор. Ын екземплул: *...Ынтре Униуня Советикэ ши Куба, пе де асупра ынтинсурилор океаниче де некупринс, с'а ынтинс о пунте трайникэ.* (ТМ, 7-V-80, п. 3) авем ун трансфер семантик, ын урма кэруя кувынтул *пунте* шь-а лэржит сенсул.. Ачеш ситуации есте ши ын ымбинэриле: *сферэ де активитате, платформэ де активитате, курса ынармэрилор, атмосферэ де лукру* ш. а. Ши де аич, ануме стилул публичистик не оферэ челе май конклюденте казурь привинд феноменул метонимизэрий ши метафоризэрий унитэцилор лексикале, яр май апоий тречеря лор ын вокабуларул комун;

г) атестэм о серие де ымбинэрь стабиле, че карактеризязэ стилул публичистик ын етапа актуалэ: *вахтэ де мункэ, нивел де вя-*

³² Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей..., с. 8; Корлятух Н. Г. Дезволтаря стилурилор функционале ши проблема эволюцией лимбий.— ЛЛМ, 1967, № 3, п. 4—5.

³³ Чобану А. И. Тендинце ын синтакса лимбий молдовенешть.— Ын: Анале штинцифиче але Университэций де Стат дин Кишинэу (филоложие). Вол. 3. Кишинэу, 1970, п. 28.

цэ, вахтэ де шок, лок де фрукте, а традуче ын вяцэ, а трече ын ревиствэ, фронташ ын продукцие, детаашамент де шок ш. а.

Ын ултимул тимп се обсервэ ын пресэ о фреквенцэ консида-
рабилэ а унор ымбинэрь реченте, каре рефлектэ челе май ной
евенименте сочиале: *фрэцие космикэ, екипаж космик интернацио-
нал, програм «Интеркосмос», капиталэ олимпикэ, ан олимпик,
ундэ олимпикэ, сэнэтате олимпикэ* ш. а.;

д) есте де сублиният, ын мод печинал, фреквенца пронунцатэ
а унитэцилор лексикале де типул: *лозинкэ-кее, експозицие-тырг,
сератэ-конкурс, фемее-мунчитоаре*. Е vorba де ниште формаций
компусе дин доуэ субстантиве че апарцин ку прекэдере стилулуй
публицистик. Еле денумеск де челе май десе орь специалитатя,
градул сау рангул сочиал: *инжинер-конструктор, пилот-космонаут,
космонаут-черчетэтор, медик-шеф, лэкэтуш-ажустор*; денумирь де
лукрурь, объекте: *класэ-кабинет, совхоз-фабрикэ, републикэ-газ-
дэ*; експримэ ноциунь абстрактэ: *кантитате-рекорд, кувынтаре-
програм, проекте-тип* ш. а.

Конструкциле де ачест фел презинтэ интерес дин пунктул де
ведере ал формэрий ши рэспындирий лор ын лимбэ, ку атыт май
мулт, ку кыт еле ну сынт ынрежистрате ын дикционареле ноастре.

11. Реферинду-се ла тендинцеле синтактиче ши иновацииле
дин компартиментул синтаксей, А. И. Чобану констатэ, кэ еле ау
фост женерате де о серие де факторь интернь ши екстернь, кум
сынт: аналожия, пресиуня системулуй, тендинца спре економие
ын ворбире ши, ын сфыршит, инфлуенца алтор лимбь³⁴. Ши ка
результат ал акциуний ачестор факторь ун прочес дестул де интенс
ын системул синтактик ал стилулуй публицистик ыл конституте
«номинализаря пропозицией», каре декурже пе доуэ кэй: 1) пе
каля фолосирий интенсе а ымбинэрилор номинале ын кадрул про-
позицией ши 2) пе каля номинализэрий пропозицией ынсэш³⁵.

Ачест феномен се реализязэ прин урмэтоареле прочедее:

а) фолосиря фреквентэ (май алес, ын титлурь) а ымбинэрилор
формате дин конструкций елиптические де предикат, че се асямэнэ ку
унеле моделие симиларе дин лимба русэ: *Штинцей — инима ши
гындул*. (ТМ, 14-V-75, п. 4); *Лекция де тотализаре — имболд
спре ной реализэрь*. (ТМ, 11-V-80, п. 1); *Тюмень — адреса
ероизмулуй*. (ТМ, 15-V-80, п. 1)

б) ынтребуинцаря унор пропозиций номинале, каре ау ла базэ
ун субстантив вербал: *Сосиря делегаций*. (МС, 18-III-80, п. 1);
Декларация унуй министру. (МС, 4-III-80, п. 4); *Електрифика-
ря кэилор ферате*. (ТМ, 11-V-80, п. 3)

в) утилизаря интенсэ а конструкциилор ку инфинитивул пост-
номинал:

...посибилитатя де а визита републичиле унионале... (Т, 1979,
№ 7, п. 45); *нечеситатя де а десфэшура прегэтирь пентру кампа-*

³⁴ Чобану А. И. Оп. чит., п. 24.

³⁵ Ильяшенко Т. П. Оп. чит., п. 101.

ния де реколтаре. (МС, 18-III-80, п. 2); Чинстя де а фи минер. (ТМ, 15-VI-80, п. 1)

г) активизаря синтагмей номинале ку женитив: *...хотэрыря адунэрий...; ...нивелул инструирий тинерей жгенераций... репартизаря ресурселор де мункэ...* (Т, 1979, № 1, п. 13).

Унеорь путем ынтылни кяр ширурь ынтрежь де женитиве, адаптате пе деплин ла системул синтактик ал стилулуй публицистик:

Ын Молдова се акордэ мултэ атенције ынтэриий сэнэтэций оаменилор мунчий. (КГС, 1-8-78, п. 2)

Ачаста се датореште фаптулуй кэ унеле ымбинэрь ку женитивул, де типул челор де май сус, ау девенит ымбинэрь стабиле³⁶.

д) фолосиря абундентэ а конструкциилор номинале, формате ку ажуторул локуциунилор препозиционале де типул: *привинд, ку привире ла, привитор ла, ын че привеште, ын ведеря, ын скопул, реферитор ла ш. а.*

Лежя ку привире ла алежерице ын Советул Супрем... (Т, 1979, № 2, п. 18); *Се реализязэ ку сукчес планурице привинд ридикаря бунэстэрий материале а популяцией...* (Т, 1979, № 4, п. 11); *...мэсурь конкреце ын ведеря ындеплинирий сарчинилор социал-экономиче пе анул курент.* (Т, 1979, № 3, п. 15).

Ын фелул ачеста, путем ворби деспре апарация ши стабилиря ын системул синтактик ал лимбий молдовенешть а уней ной микросистеме номинале³⁷.

Анумите партикуларитэць дистинктиве але стилулуй публицистик се обсервэ ши ын чея че привеште ординя кувинтелор ын пропозиция. Астфел, ку скопул де а скоате ын евиденцэ сау де а акцентуа унеле моменте але комуникэрий, ауторий де мулте орь пласязэ пе примул лок пэрицие секундаре але пропозицией (комплементеле директе, индиректе ши чиркумстанциале, партя номиналэ а предикатулуй ш. а.):

Ын фрунтя ынтречерий социалисте се афлэ Павел Павлюк, каре ынрежистрязэ лунар индичь фрумошь... (ТМ, 30-III-80, п. 1). п. 1).

О контрибуцие дестойникэ ла резволваря сарчинилор дезволтэрий экономиче ши социале а орашулуй адуче нодул де кале фератэ дин Бендер. (МС, 5-III-80, п. 1)

12. Де мулте орь унеле элементе ши ымбинэрь де кувинте, менционате май сус, се трансформэ ын формулестандарт сау, кум ли се май зиче, клишее лингвистиче, проприй стилулуй публицистик, еле фининд фолосите зи де зи, апроапе ын фиекаре знар: *вахтэ де мункэ, вахтэ де шок, ынтречере социалистэ, а традуче ын вяцэ, а трече ын ревистэ, проблемэ-кее ш. а.* Утилизиате ку мэсурэ ши ла локул лор, ачесте кувинте ши ымбинэрь стерео-

³⁶ Ильяшенко Т. П. Оп. чит., п. 113—136.

³⁷ Ильяшенко Т. П. Некоторые вопросы сопоставительного изучения языков (новые процессы в системе синтаксиса).— В кн.: Восточнороманские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1967, с. 36.

типе, че поартэ ун карактер публичистик пронунцат, контрибуе ла експримаря кончисэ, екзактэ ши адекватэ а идей, скутинду не унеорь де фолосиря унор пропозиций ши фразе пря лунжъ. Май мулт декыт атыта, еле сынт консидерате дрепт трэсэтурь специфиче, марканте але стилулуй публичистик.

Ын ынкеере ам-путя спуне, кэ челе афирмате май сус вин сэ конфирме ынкэ о датэ унитата стилулуй публичистик ын системул стилурипор функционале ши сэ акцентуе нечеситата студийерий пе базе теоретиче-объективе а ачестей форме де манифестаре а узулуй лимбий.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

Резюме

В настоящее время в публицистическом стиле различают два подстиля: художественно-публицистический и газетно-публицистический.

Язык газеты занимает особое место в системе публицистического стиля.

Определение специфики функционирования языковых средств газетно-публицистического стиля производится с учетом существования различных газетных жанров; здесь также принимаются во внимание цель и задачи газеты.

Считается, что для становления и развития публицистического стиля важную роль играет общеязыковой процесс взаимообогащения и взаимовлияния различных стилей языка. Анализированный фактический материал показывает, что специфика функционирования языковых элементов на разных уровнях языка отчетливее выявляются при использовании сравнительно-сопоставительного изучения этих элементов в других стилях языка.

В формировании стилистических особенностей газетно-публицистического стиля весьма важное значение имеют лексические и синтаксические средства языка.

На лексическом уровне можно отличить следующие дифференциальные признаки газетно-публицистического стиля: а) дополнение и обогащение социально-публицистической, научно-технической и сельскохозяйственной терминологии новыми терминами; б) широкое употребление аббревиатур; в) формирование ряда терминов на основе процесса семантического сдвига; г) широкое использование определенных устойчивых словосочетаний, характеризующих лексико-фразеологическую подсистему исследуемого стиля; д) употребление лексических единиц типа: *лозинкэ-кее, сератэ-конкурс, фемее-космонаут* и др.

Анализируемые синтаксические структуры публицистического стиля подтверждают существующие положения о том, что одним из существенных процессов в системе синтаксиса является номинализация предложения, протекающая: а) путем расширения именных сочетаний внутри предложения; б) путем номинализации самого предложения. Эти синтаксические конструкции в значительной степени отражают тенденции в структуре молдавского языка.

Таким образом, исследование языковых особенностей публицистического стиля дает основание утверждать, что газетно-публицистический подстиль представляет собой вполне сложившуюся систему в общей функционально-стилевой системе молдавского языка.

ФЕНОМЕНУЛ ТРАНСПОЗИЦИЕЙ ШИ РОЛУЛ ЛУЙ СТИЛИСТИК ЫН УТИЛИЗАРЯ ФОРМЕЛОР ВЕРБАЛЕ

Орьче лимбэ натуралэ диспуне де о кантитате колосалэ де семне лингвистиче ши с'ар пэря, кэ фиекэруй семн ар требуи сэ-й кореспундэ о сингурэ семнификацие. Ын аша каз лимба ар авя невое де о мулциме инфинитэ де семне. Пентру ка ачаста сэ ну се ынтымпле, принципалул мижлок де комуникаре ынтре оамень ышь реглязэ системул ын аша фел, кэ унул ши ачелаш семн поате авя кытева семнификаций.

Капачитатя семнулуй лингвистик де а кумула кытева семнификаций а кэпэтит ын лингвистикэ денумиря де асиметрие¹, яр транспозиция морфоложикэ², карактеристикэ май ку самэ формелор вербале, репрезинтэ уна дин манифестэриле асиметрией.

Ын прочесул де комуникаре посибилитатя транспунерий уней форме граматикале ын кондицииле функционэрий алтея конституе о импортантэ сурсэ, че оферэ десеорь мултипле семнификаций, непревзэуте де систем, принципул полисемией инклюзынд ши о капачитате потенциалэ де вариаций. Астфел, спре екземплу, репартиция модурилоу ын грауриле екзистентс, инконтестабилэ ын принципу, рэмыне департе унеорь де реалитатя комуникэрий. Ну тотдяуна стабилиря сегментелор морфематиче ын планул експресией кореспунде семнификацийлоу ын планул кончинутулуй. Ынтр'ун екземплу ка: *Дакэ ну ведял ку окий мей, ну мь-ар фи венит май ушор!* (А. Шаларь) прима парте а фразей (субордоната) есте конструитэ ку имперфектул индикативулуй ши се афлэ ын еквиваленцэ функционалэ ку чя конструитэ ку трекутул кондиционалулуй: «Дакэ *н'аш фи вэзут* ку окий мей...» Ынсэ ачешя формэ де имперфект сау де кондиционал трекут поате фи ынлокуитэ ку сукчес прин форма респективэ а конжунктивулуй трекут: «*Сэ ну фи вэзут* ку окий мей...» ши ын фелул ачеста вом авя де а фаче ку трей форме модале, егале суб аспект семантик ын контекстул дат.

Прин урмаре, ун сингур сегмент морфематик, о сингурэ формэ вербалэ флексионарэ (имперфектул индикатив) поате експрима симултан ун ансамблу де трэсэтурь дистинктиве (еквивалынд ку форма де трекут а модулуй кондиционал сау ку чя а модулуй конжунктив). Дар тотодатэ е куриос ши фапул кэ ачешя семни-

¹ Пентру амэунте а се ведя: *Karcevski S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique* — T. C. L. P. Prague, 1929.

² Принтре студииле каре привеск ын мод директ феноменул транспозицией пот фи аминтите анч: *Бондарко А. В.* К вопросу о «транспозиции». — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 248, 1963; *Кржижкова Е.* Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм. — In: *Travaux du cercle linguistique de Prague*. 2. Prague, 1966; *Иванова Р. В.* К вопросу о междуплановой транспозиции временных форм во французском языке. — В кн.: *Вопросы французской филологии*. М., 1975.

фикация ын планул концинутулуй поате фи редатэ прин диферите сегменте морфематиче ын планул експрессией. Екзистенца блокулуй **имперфект индикатив — трекут кондиционал — трекут конжунктив** конституе о оппозиции структуралэ а лимбий молдовенешть: *дакэ ну ведям — дакэ н'аш фи възут — сэ ну фи възут*. Ачестя ынсэ ну сынт оппозиций де сенс. Финд ниште еквиваленте. синтактиче ши морфоложиче, еле конституе ун каз специал де синонимие граматикалэ.

Диверселе типурь де синонимие граматикалэ ла нивел морфоложик, ын специал синонимия ситуативэ, контекстуалэ, ку диферите импликаций де ордин конотатив, есте ун резултат ал неутрализэрий оппозицилор парадигматиче ын планул концинутулуй прин менцинеря дистинкцией динтре семнификанць. Ын асемения ситуаций синонимия конституе ун каз де неутрализаре проприуизэ, синтагматикэ, унде идентитатя де сенс есте кондиционатэ де позиции.

Неутрализаря оппозицией ынтре семнификанць се продуче пе каля транспозицией унуь мембру опозант ын кондицииле утилизэрий алтуй мембру.

Транспозиция, ла рындул ей, дуче ла апарияция уней ной семнификаций а семнулуй, каре ынтрэ ын рапортурь де синонимие ку семнификация алтуй семн детерминат де парадигмэ, адикэ а челуй нетранспус. Транспунеря мембрулуй оппозицией ын кондицииле утилизэрий опозантулуй сэу дуче ла нивеларя, ла анихиларя семнелор дистинктиве, адикэ ла неутрализаря лор, континуьнд сэ рэмынэ доар индичь комунь, каре сервеск ка базэ, пентру унификаря лор³.

Кондицииле утилизэрий формелор граматикале ле репрезинтэ сфера де актуализаре а семнификацией парадигматиче. Ын контекст семнификация парадигматикэ а формой поате фи сусцинутэ де ануимите елементе индикаторий де ордин лексикал сау синтактик.

Астфел, спре екземплу, семнификация формелор вербале де трекут ын лимба молдовеняскэ поате фи пречизатэ ку ажурол унор кувинте сау ымбинэрь де кувинте де типул: *ерь, ын алтэ зи, атунч, сэптэмына трекутэ* ш. а. м. д. Асемения кувинте ну сынт алтчева декыт ниште елементе де фиксаре а концинутулуй семнификатив ал формелор темпорале де трекут. Ролул, пе каре ыл жоакэ асемения елементе, есте десеорь хотэрьтор. Аша, бунзоарэ, формеле презентулуй, нимеринд ын антуражул унор атаре кувинте, пот реда семнификация трекутулуй. Де екземплу: *Ын алтэ зи не трезим кэ яр вине пэринтеле ла шкоалэ ку мош Фотя, кожокарул сатулуй, каре не адуче дар де шкоалэ ноуэ, ун дрэгущ де бичушор де куреле, ымплетит фрумос.* (И. Крянгэ). Есте vorba де презентул историк, каре репрезинтэ «о реали-

³ А се ведя: Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, с. 16.

заре синтагматикэ а сенсулуй инвариант ал презентулуй индикатив ын кондицииле транспозицией»⁴.

Экзаминынд формеле вербале, ам констатат, кэ сынт посибиле доуэ дирекций де апропиере а мембрилор опозанць А ши Б: $A > B$ сау $B > A$. Фиекаре опозицие се карактеризязэ, де обичей, принтр'о анумитэ дирекцие а прочесулуй де неутрализаре. Ын кадрул категорией модулуй, де екземплу, неутрализаря аре лок ын дирекция индикатив>императив, конжунктив>кондиционал; ла формеле темпорале — ын дирекция презент>виитор, презент>трекут ши май рар трекут>презент сау трекут>виитор. Апропиеря ши неутрализаря ын амбеле дирекций есте май фреквентэ ла категория персоаней, унде путем ынтылни, бунэ-оарэ, казурь де утилизаре а формей персоаней а II-а сингулар ын локул персоаней а III-я сингулар, а персоаней I сингулар ын локул персоаней I плурал, сау инверс: форма персоаней а III-я сингулар ын локул персоаней II-а сингулар, форма персоаней I плурал (плуралул modestией) ын локул персоаней I сингулар ш. а. м. д.

Ворбиторий рекург ла ынтребуинцаря транспозитивэ а формелор граматикале ын скопул обцинерий унор ефекте стилистиче, де челе май мулте орь де ордин афектив. Деачея, прин транспозицие ар требуи сэ ынцележем утилизаря фигуратэ (метафоризатэ) а формелор морфоложиче, пласаря лор ынтр'ун контекст, каре ну есте пропиу семнификацией лор⁵. Ефектул стилистик апаре ын резултатул контрастулуй динтре контекст ши форма граматикалэ импревизибилэ, неаштептатэ ын контекстул ресектив. Чел каре декодязэ месажул есте сурпринс де форма апэрутэ небэнуит ын кадрул секвенцей вербале дате. Есте vorba, деч, де аша-нумитул эффект ал аштептэрий дезамэжите, женерат де превизиуня нереализатэ сау реализатэ алтфел декыт ера де аштептат.

Аша дар, ефектул аштептэрий дезамэжите, ла фел ка ши орь-каре алт эффект стилистик, апаре ка резултат ал опозицией, ын каре дрепт поль сервеск контекстул ши ун элемент контрастант, адикэ ун элемент ку слабэ превизибилитате ын кадрул контекстулуй.

О асемения концепцие асупра «меканизмулуй» транспозицией ышь афлэ орижиня ын опиния луй А. М. Пешковский, каре експлика утилизаря фигуратэ а формелор темпорале ши модале прин **«контрадикция динтре формэ ши кондицииле реале але ворбирий»**.

Ануме ын ачест план экзаминызэ фолосиря фигуратэ а формелор темпорале але вербулуй русеск ши А. В. Бондарко, ла ка-

⁴ *Константинович Е. Н.* Презентул индикатив ын лимба молдовеняскэ литература контемпоранэ. Кишинэу, 1980, п. 46.

⁵ Сэ се компаре обсервация пе каре о фаче Н. Ю. Шведова: «Термин «транспозиция» целесообразно было бы сохранить только для обозначения живых переносов». (*Шведова Н. Ю.* О должествательном наклонении.— В кн.: Синтаксис и норма. М., 1974, с. 120.)

⁶ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 208.

ре читим: «Ын казул транспозицией, семнификация граматикалэ а формей ынтрэ ын контрадикцие ку ынцелесул контекстулуй,— де екземплу, форма аре сенс де презент (*иду я...*), дар контекстул индикэ трекутул (*...вчера по улице*)».

Е. Кржижкова⁸ сепарэ транспозиция ши неутрализаря ын доуэ вариетэць алэ субституцией: уна динтре еле се базязэ пе транспозиция семнификацией инварианте а формей, алта — пе неутрализаря оппозицией семантиче а формелор. Транспозиция ши неутрализаря корелязэ уна ку алта ка прочесе синтагматиче, динтре каре унул есте маркат стилистик, яр алтул есте неутру, немаркат.

Неутрализаря есте интерпретатэ унеорь ка уна дин етапеле, сау ка уна дин партикуларитэциле транспозицией. Е. Курилович консидерэ, кэ ын асеменя казурь ар фи май потривит сэ се ворбяскэ деспре о «алтернанцэ стилистикэ а формелор»⁹. Форма транспусэ ну перде семнификация инвариантей сале, чи ымпреунэ ку ачастэ семнификацияе ши ку ажуролул контекстулуй ышь реалнизэз функция стилистикэ респективз¹⁰.

Форма ынтрэ ын «контрадикцие» ку контекстул, каре ый есте стрэин. Ынсэ контекстул се доведеште а фи май «путерник», яр формей ну-й рэмыне декыт «сэ и се супунэ». Ши еа се «супуне» формал — ындеплинеште о функцие суплиментарэ. Де екземплу:

А кемат-о пе сорэ-са Вика ши й-а хотэрыт ын мижлокул хорей:

— *Аскултэ че-ць спун... Кум плякэ музика ла крэпелницэ, о ей пе Мэриуца Пэдурарулуй ши о штержець! Сэ вз гэсеск ын фундул теерией... ла бордеюл пэдурарулуй. (И. К. Чобану)*

Деши форма индикативулуй апаре ын ачест екземплу ын локул императивулуй, еа ну-шь перде семнификация са парадигматикэ де индикатив. Семнификация парадигматикэ а формей транспусе (семнификация де индикатив) есте сесизатэ аич метафорик, «фигурат», авынд конотацие эмоционалэ. «Метафорэ ын граматикэ поате фи консидератэ мутаря формей де пе ун тип де релаций пе алтул ку скопул де а креа пластичитате»¹¹.

Ун алт тип де метафорэ граматикалэ поате фи консидератэ, бунеоарэ, утилизаря презентулуй историк. Де екземплу:

Ши кынд а ешит, с'а уйтат дин фузэ спре челэлат мал ши н'а възут пе нимень, с'а репезит спре туфар ши с'а аскунс ынтр'ынсул (ера унул орь вре-о кыцьва туфэрашь де порумбрей ши ынтре дынший олякэ де лок, ши ел с'а бэгат аколо). Стэ аплекат ынтр'ун женункь, се уйтэ пе суб фрунзе,— ну, паркэ ну с'ауде нимень, нумай дин урма луй кыцьва булгэрь мишкаць дин лок се ростооголеск ши кад ын апэ. (В. Бешлягэ)

⁷ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971, с. 8.

⁸ Кржижкова Е. Оп. чит.

⁹ Курилович Е. Заметки о значении слова.— ВЯ, 1955, № 3.

¹⁰ Сэ се компаре: «Весь смысл переносного употребления заключается в том, что контекст противоречит значению формы» (Бондарко А. В. Оп. чит., п. 10).

¹¹ Шендельс Е. И. Грамматическая метафора.— НДВШ ФН, 1972, № 3, с. 51.

Аич функция стилистикэ а презентулуй историк есте де ордин афектив, карактеризынду-се прин емпфаза утилизерий сале. Фининд ынтребуинцат ын локул трекутулуй, ел ну-шь перде, ынсэ, семнификация парадигматикэ — ачея де презент. Ши ын ачест каз, ла фел ка ши ын екземплул пречедент, семнификация парадигматикэ а формей транспусе есте сесизатэ метафорик, «фигурат». Дакэ ар фи липсит емпфаза, ын локул формей де презент а вербелор сублинияте ар фи требуйт сэ фигурезе форма тимпулуй трекут, деоарече контекстул не доведеште, кэ есте vorba де акциунь реализате ын трекут.

Екземпле симиларе де метафоре граматикале путем адуче ши дин доменул утилизерий формелор де персоанэ, унде транспозиция есте деосебит де фреквентэ¹². Бунэоарэ:

Штефан. Домнуле, ыць дау че врей, нумай ласэ-мь кайй. Мэ рог матале, ласэ-ми-й. Ам о турмэ де ой, бой, вачь. Тот ыць дау, нумай ласэ-ми-й. Яка, ыць сэрут пичоареле. (Ле сэрутэ.) Штефан Корбу ну с'а ыккинат нимэнуь. Ну мь-ам скос кушма ын фацэ ла нимень. Да думитале пичоареле-ць сэрут. Ласэ-мь кайй. ындурэ-те де мине! Ну пот фэрэ дынший, домнуле. Май бине я-мь капул, дар кайй ласэ-ми-й. Те рог ка не думнезеу. (Ана Лупан)

Есте евидент, кэ форма персоаней а III-я а вербулуй сублиният, деши есте ынтребуинцатэ ын локул персоаней I, континуэ сэ-шь менцинэ семнификация парадигматикэ а персоаней а III-я ши нумай грации контекстулуй капэтэ функции стилистикэ де ордин афектив, емпфатик.

Ын скопул черчетэрий де май департе, пентру а евиденция партикуларитэциле метафорей граматикале, гэсим кэ е казул а о компара ку метафора лексикалэ.

Кондиция де базэ а транспозицией констэ ын легэтура концинутулуй конотатив ку чел денотатив (сприжинирия пе семнификация директэ а формей). Ачаствэ кондиции се менцине атыт ын казул метафорей граматикале, кыт ши ын чел ал метафорей лексикале. Ынсэ граматика ши лексикул сынт нивелурь диферите але лимбий, дин каре каузэ ши феноменул транспозицией ну поате фи идентик пентру амбеле нивелурь.

Черчетынд концинутул конотатив ал експресией вербале, ну требуе сэ уйтэм, кэ ынтре валоаря конотативэ а концинутулуй (а експресией фразеоложиче) ши а формей екзистэ о диференцэ есенциалэ, каре десеорь есте игноратэ де кэтре лингвисть. Кувынтул поате авя валoare конотативэ ши изолат де контекст, ка унитате а вокабуларулуй, а системей лексикале. Кувынтул диспуне де «ауреолэ стилистикэ», ел «ну е нумай ынцелес, дар ши трэнт» кяр ши ын афара контекстулуй¹³.

¹² Пентру мултипле деталей привинд утилизаря транспозитивэ а диверселор форме де персоанэ а се ведя: *Марин В.* Експресивитате ши коректитудине ын комуникаря вербалэ. Кишинэу, 1980, п. 23—60.

¹³ *Томашевский Б.* Язык и литература.— Октябрь, 1951, № 7, с. 72.

Форма грамати́калэ ын план парадигматик диспуне нумай де валoare денотативэ¹⁴. Ну екзистэ о астфел де опози́цие грамати́калэ (морфоло́жикэ), мембрий кэрея с'ар дистинже прин каракте-рул лор експресив сау емотив. Валориле конотативе яу наштере ын контекст, ын ворбире. Ын афара контекстулуй о формэ грамати́калэ ну поате фи калифика́тэ ка фиинд субъективэ, емотивэ, колоратэ стилистик, яр алта — ка объективэ, неутрэ. «Ауреола стилистикэ» а формелор грамати́кале поате алэра нумай ын контекст. Дин ача́стэ каузэ стилистика ничодатэ ну студиязэ феноменеле грамати́кале ын план парадигматик.

Мажоритатя валорилор конотативе апар ка эффект ал контрастулуй динтре семнификация парадигматикэ де базэ а формей ши семнификация ей синтагматикэ, пе каре о капэтэ ын резултантул транспозицией. Аре лок аич о «тампона́ре», ын урма кэрея семнификация де базэ денотативэ есте аниhilатэ (неутрализатэ), ынсэ еа континуэ а фи презентэ ын тоате казуриле де утилиза́ре а формей. Ану́ме пе ачест принципу ши есте базат феноменул метафоризэрий ын лексикэ ши граматикэ.

Астфел, спре екземплу, эффектүл стилистик ал презентулуй наратив (историк) есте ынтемеят пе «чокни́ря» динтре семнификация са денотативэ (парадигматикэ) ши семнификация конотативэ (синтагматикэ) апэрутэ ын резултантул транспозицией. Аич идея де «дуратэ» ши чя де «коинциден́цэ ку моментул ворбирий», проприе семнификацией парадигматиче де базэ а презентулуй, ну диспаре тотал. Ын мод объектив еле сынт аниhilате, неутрализате, ынтрукыт форма презентулуй експримэ о акциуне атыт дуративэ, кыт ши терминатэ, атыт моментанэ, кыт ши итеративэ, моментул ворбирий фиинд ексклус тотал. Даторитэ, ынсэ, фаптулуй кэ ын прочесул транспозицией легэтуриле асочиа́тиве ну се ынтреруп, идея де презент инклусив¹⁵ фигу́рязэ ка субтекст, ка фонд, импримынд нара́циуний нуанца уней визиу́нь субъективе, а уну́й трансфер грамати́кал.

Акциу́ня, ын мод реал терминатэ, се презинтэ ка уна, каре континуэ ын моментул ворбирий. Еа есте има́жинатэ ка вэзутэ пе экран, пе сценэ, сукчесиу́ня акциуни́лор фиинд айдо́ма сукчесиу́ний кадрелор динтр'ун филм. Дескри́еря есте конструитэ ка ун эпизод чинематографик. Фи́екаре презент конститует ун кадру. Де аич ану́ме ши апаре эффектүл стилистик ал питорескулуй, ал динамизмулуй, ал импетуозитэций акциуни́лор. Ши ауторул, ши чититорул девин ун фел де марто́рь окула́рь ай евениментелор нарате. Де екземплу:

Ату́нч Ипате ми цэ-о ыншфакэ де козь, о трынтеште ла пэмы́нт ши о цине бине. Ярэ Кирикэ ынчепе а-й нумэра коастеле

¹⁴ Прин валoare денотативэ а формей грамати́кале ной субынцеле́жем тоате валориле формей, ын афарэ де куло́аря са афетив-экспресивэ, яр тоатэ информация, пе каре форма грамати́калэ о инклу́де ын плус ла концину́тул сэу денотатив, конститует вало́аря ей конотативэ.

¹⁵ Семнификация презентулуй инклусив купринде май му́лте ва́риетэць але идей де дуратэ (презент моментан, дуратив, итератив ш. а).

дин стынга, зикынд: — уна, доуз, трей; ши кынд ла а патра, пуне далта, **трынгеште** ку клештеле ши о **апукэ** ку чоканул, о дэ афарэ. Апой **ашазэ** пеля ла лок, **пуне** ел че **пуне** пе ранэ, ши **пе** лок се **тэмэдуеште**. (И. Крянгэ)

Ачелаш феномен ал контрастулуй ыл авем ши ын казул, кынд ын резултатул транспозицией ын локул семнификацией парадигматиче а формей вербале де персоана II апаре семнификация синтагматикэ а персоаней I. Ын план парадигматик форма персоаней II сингулар ну диспуне де нич ун фел де нуанце афективе. Аич семнификация граматикалэ ши персоана реалэ коинчид. Ынсэ кынд ворбиторул, нарын д фапте привитоаре ла сине ынсушь (деспре сине), трече бруск ла форма персоаней а II-а, де паркэ ар авя ын фацэ ун интерлокутор, кэруя и се адресязэ, апаре ачя контрадикция, ачя «чокнире» ынтре валоаря денотативэ ши чя конотативэ, деспре каре ворбям ын легэтурэ ку анализа феноменулуй дин екземплул прецедент. Де екземплу:

— *Апой, кынд мэ гындекс, кэ мэмэлига е фоарте бунэ, дар кум с'о дай ла маса архиереулуй? Ку путинцэ? Ши че сэ фак?* (В. Крэеску)

Ын казул ачеста «тампонаря» динтре валоаря парадигматикэ ши чя синтагматикэ комуникэ нарациунный о май маре вноичуне, пуртынд ун характер оарекум драматик.

Грамматика диспуне де лежитэциле ши партикуларитэциле сале проприй, принтре каре пе прим план се манифестэ атыт характерул женерализатор, релационал, кыт ши стабилизация категорий граматикале. Ачесте партикуларитэцэ импримэ ши транспозицией формелор ун характер специфик. Метафора лексикалэ, ын компарация ку чя граматикалэ, диспуне де о вэдитэ супериоритате ын чея че привеште пластичитатя, експресивитатя¹⁶. О асеменя супериоритате се датореште ну нумай фаптулуй кэ ла нивел граматикал транспозиция паре май пуцин субъективэ дин кауза релативей стабилитэцэ а ачестуй нивел, дар ши фаптулуй кэ ла нивел граматикал транспозиция есте посибилэ нумай ын лимите ле уней сингуаре категорий, пе кынд ла нивел лексикал еа поате сэ апарэ ынтре диверсе групур тематиче.

Дрепт резултат ал транспозицией класа ка ун ынтрег («архиграмема») континуэ сэ екзисте ка мулциме. Кауза транспозицией о конституе скопул стилистик — креация уней некореспундерь интенционате ынтре мижлоачеле ворбирий ши стандартул лингвистик. Дупэ кум спуне Е. Курилович, ын ачест каз не рэмыне сэ ворбим нумай деспре нуанца експресивэ¹⁷. Транспозиция креазэ о ноуэ семнификация ку валоаре стилистикэ — о семнификация конотативэ.

Ка резултат ал транспозицией апаре рапортул де синонимие ынтре форме, че апарцин ачелеш категорий граматикале, ши, прин урмаре, апаре ши посибилитатя селектерий, деоарече транспозиция

¹⁶ Пентру унеле амэунте а се ведя: *Шендельс Е. И.* Грамматическая метафора.

¹⁷ «...дело уже только в экспрессивном оттенке». (*Курилович Е.* Оп. чит., п. 80.)

позиция ну ынлэтурэ функция семантикэ а оппозицией, чи нумай о акомодязэ (ку ажуторул контекстулуй) пентру експримаря уней семнификаций конотативе (суплиментаре). Дрепт илустраре не поате серви презентул историк (дин пунктул де ведере ал тимпулуй), каре е утилизат ку уникул скоп де а апропия трекутул де презент. Функция суплиментарэ, ка резултат ал транспозицией, се манифестэ ка о нечеситате стилистикэ. Ын ачест каз форма транспусэ есте ынтребуинцатэ ын локул алтей форме, а кзрей валoare денотативэ есте фиксатэ ын системул лимбий (бу-нзоарэ, презент ку валoare де трекут).

Аша дар, стабилиря експресивитэций се фаче прин рекурже-ря ла синонимие. Ын урма транспозицией се стабиеште о релатие синонимикэ, о корелатие оппозиционалэ ынтре доуэ форме, динтре каре уна се дистинже прин марка експресивитэций фацэ де чялалтэ, ку каре аре рестул трэсэтурилор комуне. Есте vorba ын асеменя ситуаций де о експресивитате адерентэ, пе каре форма о капэтэ ын контекст, спре деосебире де експресивитатя инерентэ, интернэ, каре поате фи рекуноскутэ фэрэ контекст, ши есте проприе елементулуй лингвистик ла нивел парадигматик. Експресивитатя инерентэ ну есте проприе формелор граматикале. Еа поате фи ушор идентификатэ ын кадрул унор ануите категорий де унитэць лексикале сау ал унор елементе деривативе.

Транспозиция формей граматикале депинде ын мод директ де интенция ворбиторулуй. Ын асеменя казурь авем де а фаче ку фапте де креации, кэч, алегындр уна динтре вариантеле посибиле, ворбиторул урмэреште сэ реализезе ануите ефекте стилистиче.

Дупэ кум ведем, форма граматикалэ диспуне ла нивел парадигматик де валoare денотативэ, дар, спре деосебире де кувынть, есте липситэ де конотации, ын тимп че ла нивел синтагматик, ын резултатул транспозицией, пе лынгэ денотации апаре ши конотация. Ын фелул ачеста ын план синтагматик, суб инфлуенца контекстулуй, форма общине капачитатя де а трансмите о информация суплиментарэ: пластичитате (карактэр метафорик), эффект смотив, експресивитате ши интенсификаре а ануитор сенсурь. Ятэ де че, пе бунэ дрептате се афирмэ, кэ пентру а експлика ну нумай база лингвистичий, дар ши деталииле ей челе май субтиле, теория лингвистикэ есте облигатэ сэ адауже ла студиул семиотичилор денотативе студиул семиотичилор ши метасемиотичилор конотативе¹⁸.

Ачастэ черинцэ паре ши май лежитимэ, дакэ порним де ла идея, кэ де комуникаря вербалэ цине ну нумай проблема уней симпле релатэрь, чи ши проблема редэрий иденлор ын аша мод, ынкыт еле сэ акционезе асупра дестинатарулуй месажулуй. Ку кыт ва фи май путерникэ доринца де а акциона прин форма де експримаре, ку атыт май минуциоасэ ва фи ши селектаря мнжлоачелор лингвистиче, ку атыт май експресивэ ва фи комуникаря.

¹⁸ Ельмслев Л. Пролегомены к истории языка.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960, с. 375.

Експресивитатя актулуй комуникатив ын маре мэсурэ депинде де интенция ворбиторулуй, де скопул пе каре ел ыл урмэреште ла редаря фаптелор, де старя луй психикэ, де ситуация креатэ, де медиул сочиал, де стилул жэнерал ал ворбирий. Есте ворба, деч, де о серие де факторь екстралингвистичь, каре контрибуе ну нумай ла селектаря кувинтелор сау а конструкциилор синтактиче, чи ши а формелор граматикале. Ынсэ пе лынгэ ачесте елементе, май екзистэ ши алць факторь, май мулт де ордин интралингвистик, каре кондиционазэ утилизаря диверселор мижлоаче але комуникэрий вербале, ын спечиал але формелор граматикале. Асеменя факторь ну сынт алтчева, декыт координате але контекстулуй, каре импун транспозиция элементулуй лингвистик (а формей вербале ын казул ностру).

ТРАНСПОЗИЦИЯ И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Резюме

В процессе употребления одной грамматической формы в условиях функционирования другой реализуются определенные значения, несвойственные данной парадигме в системе языка. Подобного рода факты являются доказательством того, что не всегда тот или иной морфемный сегмент в плане выражения соответствует своим собственным, прямым значениям в плане содержания. Так, например, глагольная форма индикативного имперфекта в определенных контекстах может быть эквивалентной по содержанию формам прошедшего времени кондиционалиса или конъюнктива.

Разные виды грамматической синонимии на морфологическом уровне являются результатом нейтрализации парадигматических оппозиций в плане содержания при сохранении различия между сигнификантами.

Нейтрализация производится путем транспозиции одного члена оппозиции в условиях употребления своего противочлена. Транспозиция, в свою очередь, ведет к появлению нового значения языкового знака, входящего в синонимические отношения со значением другого знака, определяемого парадигмой, т. е. с нетранспонированным.

В системе глагольных форм возможны два направления в сближении противочленов А и Б: А > Б или Б > А. В системе категории наклонения идет нейтрализация по линии индикатив > императив, конъюнктив > кондиционалис; в системе форм времени — по линии настоящее > будущее (футуральный презенс), настоящее > прошедшее (исторический презенс) и реже прошедшее > настоящее (презентный сложный перфект) и прошедшее > будущее (футуральный сложный перфект). Сближение и нейтрализация в обоих направлениях чаще наблюдается при употреблении категории лица (II лицо ед. ч. > III лицо ед. ч., I лицо ед. ч. > I лицо мн. ч. и наоборот).

Большинство коннотативных значений основано на контрасте между основным, парадигматическим значением формы и значением синтагматическим, приобретаемым в результате транспозиции. Так, например, стилистический эффект повествовательного (исторического) презенса основан на том, что действие, реально законченное, представляется как продолжающееся в момент речи. Оно как бы изображено на экране, на сцене, последовательность действий подобна последовательности кинокадров, описание построено как кинематографический эпизод. Каждый презенс является как бы кадром. На этом зиждется эффект образности, динамизма, стремительности действий. И автор, и читатель являются как бы свидетелями повествуемых событий.

Или другой пример. В парадигматическом плане форма II лица ед. ч. не располагает никакой эмоциональной окраской. Здесь грамматическое значение и реальное лицо совпадают. Однако, если говорящий, рассказывая что-то о себе, неожиданно переходит к форме II лица, как бы имея перед собой собеседника, к которому обращается, то происходит то «столкновение» между парадигматическим значением и значением синтагматическим, которое придает повествованию живость, динамический характер.

В результате транспозиции класс как целое («архиграммема») продолжает существовать как множество. Причиной транспозиции является стилистическая цель, создание преднамеренного несоответствия между средствами речи и языковым стандартом. Транспозиция создает новое значение — значение коннотативное.

Транспозиция приводит к появлению синонимических отношений между формами, принадлежащими к одной и той же грамматической категории, что, соответственно, создает возможность выбора. Это имеет для стилистики первостепенное значение.

Транспозиция грамматической формы находится в прямой зависимости от намерения говорящего. Тут мы имеем дело с фактами творчества, ибо, выбирая один из возможных вариантов, говорящий стремится к реализации определенных стилистических эффектов.

ФОЛОСИРЯ МЕТОДЕЛОР МАТЕМАТИЧЕ ЛА ДЕЛИМИТАРЯ СТИЛУРИЛОР ФУНКЦИОНАЛЕ

Нечеситатя фолосирий ын лингвистикэ а унуй критериу ригурос де анализэ (ши, май алес, де верификаре а ипотезелор интуите) а фост симцитэ ынкэ ла ынчепутул секолулуй ностру.

Стилостатистика е ынкэ о штиинцэ ноуэ. Еа куноаште о дезволтаре май интенсэ ын ултимеле доуэ децений. Апарияция унуй нумэр маре де студий пе ачастэ темэ атыт ын царэ, кыт ши песте хотаре¹ денотэ интересул виу, пе каре-л сусчитэ апликаря ачестор методе ын стилистикэ. Ын УРСС екзистэ кытева чентре (ла Киев, ла Горкий, ла Рига), унде студияря стилурилор суб аспект кантитатив е ла нивел ши резултателе сынт промицэтоаре. С'а констатат, кэ методеле статистичий математиче ну нумай кэ сынт апликабиле, дар ши абсолют нечесаре ын стилистика лингвистикэ, проблема принципалэ а кэрея есте дифференцияря стилурилор функционале.

¹ Корлэтяну Н. Г. Студиу асупра системей лексикале а лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1964, п. 98—121; Корлэтяну Н. Г. К вопросу о применении статистических данных в стилистических исследованиях.— В кн.: Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы. М., 1961; Журавлев И. П. Опыт вероятностно-статистического изучения стилистических различий (на материале одночленных сложноподчиненных предложений).— В кн.: Язык и общество. Саратов, 1967; Головин Б. Н. О вероятностно-статистическом изучении стилистической дифференциации языка. Киев, 1964; Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971; Кожина М. Н. Некоторые замечания о применении статистики в функциональной стилистике (к постановке вопроса).— Учен. зап. Пермского ун-та, им. А. М. Горького: Исследования по стилистике, вып. 2, 1970; Golopentia S., Pavel T. Statistica și stilurile limbii.— LR, 1960, № 4, p. 60.

Се штие, кэ ын прочесул де функционаре унитэциле де лимбэ стабилеск ануите релаций ынтре еле, кэпэтынд астфел калитэць функционале ной, ын депенденцэ де сфера де комуникаре, пе каре о десервеск. Лингвистул чех Й. Мистрик скрие ын легэтурэ ку ачаста: «...елементеле лингвистиче сынт поливаленте. Ын доуэ ситуаций диферите уна ши ачеяш унитате лингвистикэ поате функциона ку доуэ сенсурь, унеорь кяр опусе»². Дрепт резултат се креазэ посибилитатя ка уна ши ачеяш унитате де лимбэ сэ поатэ фи ынтребуинцатэ ын варияте стилурь, авынд партикуларитэць функционале диферите. Метода математикэ ынлеснеште кэутаря ши анализа ачестор партикуларитэць, ынтрукыт, де челе май мулте орь, валориле кантитативе сынт семнале але унор валорь калитативе.

Статистика математикэ е комодэ прин фаптул кэ пе база унуь нумэр лимитат де пробе селективе дин текстеле унуь ануит стил се поате жудека деспре ынтребуинцаря унитэций экзамина-те ын ынтряга тоталитате де текстеле але ачестуй стил. Анализа син-кроникэ а тутурор унитэцилор де лимбэ де ла тоате нивелэуриле лимбий, ку апликаря унор методе варияте де анализэ, ар фаче посибилэ о аргументаре ын плус а диференциерий ригуроасе ын-тре стилурь ши, импличит, ар адуче о контрибуцие ла дефиниря теоретикэ а лор. Ынтр'ун кувынт, апликаря методов статистиче ла студиул стилулуй с'а доведит а фи ун ефичиент прочедеу де анализэ, ел скутинд интерпретаря де импресий субъективе, изво-рыте дин интуиция черчетэторулуй. Дар ын литература де спе-циалитате с'а атрас атенция асупра фаптулуй кэ «ефектуаря уней черчетэрь кантитативе ын лимбэ ну ынсямнэ о инвестигаре комплекть. Чей че се чере ын мод облигаториу есте екилибру ши коректитудине ын апликаря ей»³. Ку атыт май мулт ку кыт ну есте ушор де идентификат принципалеле тендинце ши техничь де ста-тистикэ, датэ фиинд диверситатя пунктелор де ведере ши а ме-тоделор де анализэ. Кяр П. Гиро, чел май де вазэ репрезентант ал «крезулуй статистик», «манифестэ ын студииле сале о ануит-тэ флукутацие а опиниилор, ка ши кум елабораря теорией сале ар фи ын курс, модификынду-се лент ын рапорт ку обьекцииле сусчитате. Дакэ врем сэ не фачем о идее обьективэ деспре аппли-кацииле математиче ла студиул стилулуй, требуе сэ не дебара-сэм де счептицизмул ачелора, каре, дин констатаря фалименту-луй догмелор, траг конклузия, кэ арта е рефрактарэ орькэрей форме де абордаре штинцификэ ши се рефужиязэ ын импресно-низм — солуцие ку атыт май фачилэ, ку кыт о ануитэ дозэ де импресионизм е инерентэ критичий литераре ши орькэруй кон-суматор де фрумос. Дар, ын егалэ мэсурэ, требуе сэ не ферим ши де ентузиазмул челор че се апропие де поезие дин пунктул

² Мистрик Й. Математико-статистические методы в стилистике.— ВЯ. 1967, № 3, с. 42.

³ Seche L. Lexicul artistic eminescian în perspective statistice.— In: Studii de limbă literară și filologie. Buc., 1969, p. 65.

де ведере ал математичиенилор, симплификынд проблемеле ши ым-бэтынду-се де ложка спекулацией пынэ ла а-й уйта релацииле спсчифиче»⁴.

Екзистэ диферите методе статистиче. Де ла симпла нумэрэ-тоаре аритметикэ (ку презентаря резултателор ын проченте) пынэ ла методеле статистико-пробабилистиче, каре, фолосинд ун ынтрег апарат математик, презинтэ инкурсиунь пробабилистиче асупра ынтрежий тоталитэць де текстеле але унуй стил, але унуй скринитор ш. а. м. д.

Челе май мулте студий ын каре се апликэ методеле математиче се реферэ ла вокабулар. Мажоритатя черчетэторилор, каре ау анализат дин пункт де ведере статистик лексикул, с'ау кондус де индикацииле методиче дате де П. Гиро. Ей ау кэутат сэ фиксезе фреквенца (f), рангул (r), кынд е vorba де урмэриря кувинтелор ын парте ши концентраря (с), дисперсаря (R), кынд е vorba де вокабулар ын ынтрежиме.

Ын ултимул тимп се преконизязэ метода статистико-пробабилистикэ промоватэ де Н. Д. Андреев, Б. Н. Головин ш. а. Ачастэ методэ с'а доведит а фи уна динтре челе май ефичиенте ын резолваря проблемей дифференциерий стилурилор функционале.

Ын женере, се поате констата, кэ лукрэрэ ын каре се анализазэ кантитатив ынтребуинцаря диферителор унитэць де лимбэ ын стилуриле функционале сынт дестуле. Ши ку тоате кэ тематика ши скопул студиилор, ын каре сынт апликате методеле математиче, прекум ши методеле ынсешь сынт фоарте диферите, се обсервэ о тендинцэ комунэ де а гэси ун критериу кантитатив обьектив, каре сэ факэ посибилэ идентификаря уникэ а трэсэтурилор калитативе але стилурилор.

Резултателе экспериментулуй ефектуат де ной, деши ну репрезинтэ о анализэ статистикэ комплектэ а стилурилор, конфирмэ тотуш посибилитатя дифференциерий лор пе база индичилор кантитативь.

Ын примул рынд, а фост калкулат прочентул ынтребуинцэрий формелор темпорале ла индикатив ын трей стилурь: штиинцифик, публицистик ши артистик. Резултателе сынт презентате ын табелул I. Еле демонстраязэ, кэ челе трей стилурь се диференциязэ май евидент пе база презентулуй индикатив. Чел май маре прочент де ынтребуинцаре а презентулуй есте ын стилул штиинцифик (88,1), яр чел май мик (36,4) — ын стилул белетристик. Стилул публицистик окупэ о ситуации интермедиарэ, деосебинду-се май мулт де стилул штиинцифик (диференца е де 36,8%) ши май пуцин де стилул артистик (ку диференца де 14,9%).

Стилуриле се деосебеск ши пе база челорлате тимпурь. Перфектул компус, де екземплу, диференциязэ стилул штиинцифик, унде прочентул де ынтребуинцаре а луй е чел май мик (7%), де

⁴ Cornea P. Considerații privind aplicarea statisticii în poetică și stilistică.— In: Metodologia istoriei și criticii literare. Buc., 1969, p. 156.

Табелул 1

Стилуриле	формеле темпорале ын проценте						
	през.	перф. комп.	имп.	м.м. перф.	перф. симпл.	винтор	
						1	2
Артистик	36,4	28,2	26,5	2,8	3,1	1,7	1,3
Штинцифик	88,1	7,0	1,2	0,2	—	3,5	—
Публичистик	51,3	36,7	4,4	0,6	1,3	5,5	0,2

челелалте доуэ: ын стилул артистик се ынтребуинцяэ 28,2%, ын стилул публичистик — 36,7%.

Перфектул симплу ши май мулт ка перфектул апроапе кэ ну сынт ынтребуинцате ын стилул штинцифик спре деосебире де челелалте, унде ачесте форме темпорале (деши рар, май алес, ын стилул публичистик), се ынтылнесп. Ын женерал с'ар путя афирма, кэ ын стилул артистик превалязэ ынтребуинцаря формелор темпорале трекуте. Дакэ фачем абстракцие де спецификалул фиекэрей форме а тимпулуй трекут (перфект компус, перфект симплу, имперфект, май мулт ка перфект), атунч презенца ачестора ын стилул артистик ва фи ку мулт май маре декыт ын стилул штинцифик (комп.: 60,6 — ын стилул белетристик ши 8,4% — ын стилул штинцифик).

Се поате ынтревде ун ануит специфик де ынтребуинцаре а тимпулуй виитор ын челе трей стилурь: ын стилул артистик амбеле форме але вииторулуй се утилиязэ ын егалэ мэсурэ, пе кынд челелалте доуэ стилурь преферэ вииторул форма ынтый, каре е май официалэ ши кореспунде черинцелор ачестор доуэ стилурь.

Деч, пе база категорией граматикале а тимпулуй стилуриле экзаминате пот фи диференцияте ынтр'о мэсурэ май маре сау май микэ. Дупэ кум с'а афирмат май сус, де челе май мулте орь валориле нумериче ну сынт алтчева декыт ниште семнале, че де-нотэ екзистенца унор факторь де натурэ диферитэ, факторь, каре, финнд проприй унуй ануит стил, женерязэ селекция кутэруй элемент лингвистик. Ын казул де фацэ, ынтребуинцаря унуй ануит тимп е детерминатэ, ын примул рынд, де натура фиекэруй стил ын парте.

Ын стилул артистик планул темпорал де базэ есте трекутул обьектив; деч стилул артистик (май алес, проза), авынд де челе май мулте орь карактер евокатор, дескрие евенименте, че ау авут лок ынтр'ун трекут обьектив. Е ши натурал, деч, ка ын ачест стил сэ превалезе ынтребуинцаря формелор темпорале де трекут (дин анализа ноастрэ реесе кэ еле конституе 60,6%).

Ын стилуриле штинцифик ши публичистик планул темпорал де базэ есте презентул обьектив. Бинеынцелес, тимпул граматикал адекват ын ачест каз ва фи презентул, де аич ши процентул маре де ынтребуинцаре а тимпулуй презент.

Преферинца фацэ де форма ынтый а виенторулуй ын стилул публичистик ши чел штиинцифик кореспунде карактерулуй ригурос ал примулуй стил ши собриетэций експунерий, проприй стилулуй штиинцифик.

— Деч, ынтребуинцаря кутэрей сау кутэрей форме темпорале е ег деплинэ конкорданцэ ку натура ши карактерул фиекэруй стил ын парте. Тимпул презент ал индикативулуй контрибуе ла дифференциеря стилуригор экзаминате.

Дупэ че ам констатат кэ презентул есте тимпул каре дифференциязэ май евидент стилуриле экзаминате, ам кэутат сэ ефектуэм калкуле май екзакте асупра ачестуй тимп дупэ метода статистико-пробабиллистикэ. Ын анализа материалулуй конкрет не-ам кондус де индикациле методиче пропусе де Б. Н. Головин ын картя «Язык и статистика»⁵. Не-ам лимитат ла детерминаря урмэтори-лор индичь кантитативь: фреквенца медие селективэ ($\bar{x}$), девие-ря медие патратикэ де ла фреквенца медие (σ), грешала проба-билэ ын детерминаря фреквенцей медий (L), интервалул ын каре поате фи пресупусэ медия ($\bar{x}_0$) ши коэффициентул вариацией (v).

Пе база валорилор нумериче обцинуте с'а кэутат рэспунсул ла доуэ ынтребэрь:

1. Дакэ стилуриле се дифференциязэ ын чей че привеште фреквенца тимпулуй презент ал индикативулуй;

2. Дакэ дифузия фреквенцелор конкрете фацэ де фреквенца медие есте униформэ ын фиекаре стил ын парте, адикэ, дакэ ын-требуинцаря презентулуй е оможенэ сау ну ын челе трей сти-лурь экзаминате.

Дупэ кум с'а сублиният май сус, метода пробелор селективе креазэ посибилитатя, пе де о парте, де а купринде кыт май мул-те буквэщ динтр'ун текст оможен ын ведеря евиденциерий дивер-шилор факторь, каре инфлуенциязэ асупра луй, яр пе де алтэ пар-те, де а жудека (нумай пе база ачестор пробе) деспре ынтре-буинцаря унитэций граматикале дате ын ынтряга тоталитате де тексте а унуй скриитор, а уней рамушь штиинцифиче, а унуй стил функционал ш. а. м. д. Ачест лукру фаворизязэ, ын примул рынд, обцинеря унуй таблоу кыт май обьектив ал' функционэрий фено-менулуй дат, яр ын ал дойля рынд, верификаря конклузиилор фэ-куте ын урма анализей калитативе а текстулуй.

Конформ дателор табелулуй 2 индичеле кантитатив ал фреквенцей презентулуй дифференциязэ стилул штиинцифик де стилуриле публичистик ши артистик. Валоаря нумерикэ 67,8 репрезинтэ фреквенца медие селективэ а презентулуй ын стилул артистик. Ачаста ынсямнэ, кэ ла 1000 де окуренце ын стилул шти-инцифик се ынтылеск ын мижлочиу 67,8 форме темпорале де презент. Ачастэ фреквенцэ есте проприе нумай пентру экспери-ментул ностру. Пентру а афла фреквенца медие реалэ проприе ынтрегулуй стил, се калкулязэ грешала медией селективе, каре

⁵ Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.

Табелул 2

Индиций кантитатив	Стилуриде		
	Штиинцифик	Артистик	Публичистик
$\bar{x}$	67,8	34	38
s	3,87	4,12	6,7
L	2,8	2,9	4,8
v	5,7	12,1	17,6
$\bar{x}_0$	67,8 $\pm$ 2,8	34 $\pm$ 2,9	38, $\mp$ 4,8

есте егалэ ын казул ностру ку 2,8*. Валоаря грешелий се скаде ши се адунэ ла медие пентру а афла интервалул, ын каре поате екзиста медия реалэ а стилулуй. Ын казул ностру, пентру стилул штиинцифик ел ва фи 65,0—70,6. Ачаста ынсямнэ, кэ ын 95% медия реалэ ну ва депэши интервалул дат, яр ын 5% еа поате фи май маре сау май микэ.

Ын стилул публичистик интервалул медией реале се афлэ ын лимите а 31,1—36,9, яр ын стилул артистик — 33,2—42,8.

Коефициентул вариацией илустрызэ ши май евидент деосебиря динтре стилурь. Де факт. ачеста есте чел май потривит индиче кантитатив, каре пермите сэ се факэ компарацие ынтре доуэ сау май мулте variante де текстe. Дупэ кум реесе дин табелул 2, коефициентул вариацией пентру стилул штиинцифик конституе 5,7%, пентру стилул публичистик — 12,1%, яр пентру стилул артистик — 17,6%. Се обсервэ о диференцэ консидерабилэ ынтре стилул штиинцифик ши челелалте доуэ ши пе база ачестуй индиче.

Пе де алтэ парте, коефициентул вариацией есте ун индиче кантитатив, ку ажурол кэруя се поате кэута рэспунс ла о доуа ын-треbare, каре не преокупэ: дакэ есте униформ сау ну карактерул девнерилор де ла фреквенца медие ын чея че привеште ын-требуинцаря презентулуй ын фиeкаре стил ын парте. Е посибил ка ши пе база ачестуй индиче сэ се поатэ ын-тревeдeя о евентуалэ диференциере а стилурилор.

Ын статистика математикэ екзистэ о лежe, конформ кэрея дифузия девнерилор ын журул медией е директ пропорционалэ ку коефициентул вариацией, адикэ, ку кыт ултимул е май мик, ку атыт есте май микэ дисперсия ши карактерул ын-требуинцэрий кутэрей сау кутэрей унитэць е май униформ ши инверс. Дателе експериментулуй демонстразэ, кэ чел май мик прочент ал коефициентулуй вариацией е ын стилул штиинцифик (5,7), яр чел май маре — ын стилул артистик (17,6). Прин урмаре, ын стилул штиинцифик презентул аре о ын-требуинцаре униформэ, фреквенцеле конкретe, обцинуте пе база анализей кантитативе а челор зече пробе дин стилул штиинцифик ну фак абатерь марь де ла фреквенца медие. Ку алте кувинте, градул де вариабилитате а унитэ-

* Валоаря грешелий а пост калкулатэ ку коефициентул 2,26, чея че асигурэ коректитудиня валорий ын 95%.

ций граматикале дате ын стилул штинцифик е неынсемнат, мик, стилул е унитар ын ачаствэ привинцэ; ну се ынрежистрызэ деосе-бирь ылсемнате нич ынтре диферите штинце, нич ынтре дифе-риць ауторь ын чея че привеште ынтребуинцаря презентулуй.

Ын стилул артистик утилизаря презентулуй е май пущин уни-формэ. Градул де вариабилитате ал ынтребуинцэрий ачестей фор-ме е маре. Стилул ну есте унитар ын ачаствэ привинцэ. Екзистэ деосебирь ынтре диферите женурь литераре, ынтре скринторь ши кяр ынтре опереле унуя ши ачелуяш скринтор.

Ын стилул публичистик градул де вариабилитате а ынтребу-инцэрий презентулуй есте май маре фацэ де стилул штинцифик ши май мик фацэ де чел артистик.

Ачеяш конклузие се поате траже ши дин анализа валорилор нумериче але девиирий медий патратиче о. Ку кыт ачесте валорь сынт май марь, ку атыт е май маре градул де вариабилитате а унитэций дате, деч, ку атыт май неуниформэ, май неоможенэ е-сте ынтребуинцаря ачестея ынтр'ун анумит текст. Ку кыт валориле о сынт май мичь, ку атыт градул де вариабилитате е май не-ынсемнат ши утилизаря унитэций граматикале ын дискущие е май униформэ.

Чея че се поате обсерва ын урма коментэрий дателор обцину-те е кэ фреквенца медие а презентулуй индикатив есте ун индиче, дупэ каре се диференциязэ стилуриле экзаминате. Дакэ с'ар об-цине дате симиларе пентру тоате унитэциле де лимбэ ынтребуин-цате ын ворбирь, атунич таблоул диференцирий стилурилор, фун-даментат пе принципий объективе, ар фи евидент.

Аша дар, статистика, апликате модерат ши ын куноштинцэ де каузэ, девине ун инструмент ефициент, капабил сэ асигуре обьективитатя ши екзактитатя черчетэрий стилулуй.

О метикулоасэ черчетаре кантитативэ ар фаче посибилэ, ын ултимэ анализэ, моделаря статистикэ а фиекэруй стил, фапт, че ар пермите атыт о нетэ диференциере а лор, кыт ши релеваря че-лор май субтиле партикуларитэць проприй кутэруй сау кутэруй стил.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ ПУТЕМ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Резюме

Известно, что в процессе функционирования языковые единицы, находясь в определенных взаимоотношениях, приобретают новые функциональные качества в зависимости от коммуникативной сферы, которую обслуживают. Путем статистического анализа подтверждаются и систематизируются эти функцио-нальные особенности, так как количественные показатели обычно говорят о наличии качественных основ.

Некоторые выводы можно сделать на основе результатов количественного анализа употребления времен индикатива в трех стилях молдавского языка: художественном, научном и публицистическом.

В первой части нашего опыта был подсчитан процент употребления каждой временной формы во всех стилях. Для этой цели было взято по 500 страниц сплошного текста, насчитывающего примерно 150 000 словоупотреблений из каждого стиля. Полученный материал (см. табл. 1) позволяет заключить, что на основе категории времени изученные функциональные стили различаются между собой. Как было подчеркнуто выше, количественные данные указывают на существование различных факторов, которые, действуя в том или ином стиле, влекут за собой выбор той или иной языковой единицы. В нашем случае употребление той или иной временной формы соотнобразовывается с природой и характером описания свойственного каждому стилю в отдельности.

В художественном стиле в качестве одного из основных временных планов (особенно в произведениях эпического характера) выступает объективное прошлое. В рамках жанров этого стиля преобладает употребление прошедших времен.

В научном и публицистическом стилях основной временной план — настоящий. Следовательно, адекватной временной формой в данном случае является настоящее время изъяснительного наклонения. Предпочтение I форме будущего в этих двух стилях соответствует официально-деловому характеру публицистического стиля, а также строгости изложения, книжному характеру научного стиля.

Во второй части опыта велись наблюдения над частотой употребления настоящего времени в каждом стиле по отношению ко всей совокупности словоупотреблений. Первичные данные были получены на основе выборочных проб. Было взято (соблюдая однородность текста) по 70 выборок длиной в 1000 словоупотреблений из каждого стиля. Полученные данные обрабатывались по методическим указаниям, описанным Б. Н. Головинным в книге «Язык и статистика».

На основе средних частот, а также с помощью других статистических данных, изучались следующие два вопроса:

- 1) различаются ли стили в отношении употребления настоящего времени;
- 2) являются ли равномерным распределение конкретных частот настоящего времени относительно средней частоты, т. е. однородно ли или нет употребление презента в каждом исследуемом стиле.

Судя по данным табл. 2, количественный показатель частоты презенса различает научный стиль от публицистического и художественного стилей. Эксперимент показывает также, что стили различаются и по признаку однородности употребления данной временной формы. В научном стиле употребление презенса однородно, т. е. отклонения конкретных частот от их средней случайны. Следовательно, наблюдаемые частоты суть проявления одной и той же вероятности.

В художественном стиле, наоборот, наблюдаются большие расхождения между конкретными частотами в рамках одного выборочного ряда. И это так и должно быть. Ведь в художественном стиле главным является стремление к разнообразию в употреблении языковых средств выражения идейно-содержательного замысла писателя, в том числе и временных форм.

В публицистическом стиле степень расхождения в употреблении презенса является большим по сравнению с научным стилем и незначительным, по сравнению с художественным.

Из вышесказанного можно заключить, что средняя частота презенса является одним из статистических показателей, по которому можно разграничить функциональные стили. А дифференциация функциональных стилей является, как известно, первостепенной проблемой для лингвистистики. Если можно было бы получить подобные данные для всех употребленных в речи языковых единиц, то картина дифференциации стилей, основанная на теоретических принципах, могла бы предстать более наглядно.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

3

ЗАДАЧИ И РОЛЬ ПРОБЛЕМНЫХ НАУЧНЫХ СОВЕТОВ

(Г. В. Степанов)

5

Глава I

**ОСОБЕННОСТИ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДОВ
РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ

ДОНАЦИОНАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

(М. М. Гухман)

8

ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

(Т. П. Ильяшенко)

20

ЕЛЕМЕНТЫ ЛЕКСИКАЛЕ ВЕКЪ ЫН ТОПОНИМИЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ

(А. И. Еремия)

29

Древние лексические элементы в молдавской топонимии

(Резюме)

37

Глава II

**МОЛДАВСКО-РУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ
АКТИВИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА**

(А. И. Чобану)

40

СЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В АНТРОПОНИМИИ
И ФОРМИРОВАНИЕ МОЛДАВСКОЙ ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

(М. А. Косничану)

52

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОЛДАВСКИХ
ТОПОНИМОВ СЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

(А. И. Еремия)

69

МОДИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
ВОН ВОКАБУЛАРУЛ ЛИМБИИ МОЛДОВЕНЕШТИ АКТУАЛЕ

(А. П. Борш)

75

Лексико-семантические сдвиги
в словаре современного молдавского языка

(Резюме)

92

Глава III

**ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА
О ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА**

(А. М. Дырул)

94

МОЛДАВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

(Т. П. Ильяшенко)

102

ДИАЛЕКТНАЯ ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЛДАВСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

(А. Н. Думбрэвяну)

109

Глава IV

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ**

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

(Т. И. Романдаш)

118

ЭЛЕМЕНТЫ ДИСТИЛ ШТИИНИФИКАЦИИ
ВОН ЛИМБА МОЛДОВЕНЯСКЭ ДИН СЕКОЛЕЛЕ XVII—XVIII

(Ф. С. Котелник)

134

Элементы научного стиля в молдавском языке XVII—XVIII вв.

(Резюме)

147

СТИЛУЛ ЛИТЕРАТУРИИ АРТИСТИЧЕ КА РЕАЛИТЕАТЕ ЛИНГВИСТИКЭ

(И. И. Ецко)

148

Стиль художественной литературы как языковая реальность

(Резюме)

156

СТИЛУЛ ПУБЛИЦИСТИК ШИ РОЛУЛ ЛУИ ЫН ПРОЧЕСУЛ ДЕ
ДИФЕРЕНЦИЕРЕ ФУНКЦИОНАЛ-СТИЛИСТИКЭ А ЛИМБИИ
МОЛДОВЕНЕШТЬ

(А. Г. Чикала)

157

Публицистический стиль и его роль
в функционально-стилевой дифференциации молдавского языка

(Резюме)

171

ФЕНОМЕНУЛ ТРАНСПОЗИЦИИ ШИ РОЛУЛ ЛУИ СТИЛИСТИК
ЫН УТИЛИЗАРЯ ФОРМЕЛОР ВЕРБАЛЕ

(В. З. Марин)

172

Транспозиция и ее стилистическая роль при употреблении
глагольных форм

(Резюме)

180

ФОЛОСИРЯ МЕТОДЕЛОР МАТЕМАТИЧЕ ЛА ДЕЛИМИТАРЯ
СТИЛУРИЛОР ФУНКЦИОНАЛЕ

(Е. Н. Константинович)

181

Разграничение функциональных стилей путем математических методов

(Резюме)

187

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
РАЗВИТИЯ МОЛДАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

*Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР*

Редактор *И. И. Кондря*
Художественный редактор *В. А. Хохлов*
Технический редактор *А. Я. Гольденберг*
Корректоры *М. М. Рабинович, В. А. Парий, И. П. Рыбкина*

ИБ № 2144

Сдано в набор 08.02.83.
Подписано к печати 22.04.83. АБ 08530.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр. отт. 14,4. Уч.-изд. л. 13,64.
Тираж 1200. Заказ 205. Цена 2 р. 30 к.
Издательство «Штиинца»,
277028, Кишинев, ул. Академика Я. С. Фросула, 3.
Типография издательства «Штиинца»,
277004, Кишинев, ул. Берзарина, 8.

2 р. 30 к.

